

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СБОРНИК
судебной практики военных судов
по вопросам военной службы,
статуса военнослужащих
и уголовным делам
(2015 – 2016)

*Под общей редакцией заместителя Председателя
Верховного Суда Российской Федерации –
председателя Судебной коллегии
по делам военнослужащих
заслуженного юриста Российской Федерации
В.В. Хомчика*

Москва

2017

В работе над сборником принимали участие:

Булаковский С.В., помощник заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих;

Воронов А.В., судья Верховного Суда Российской Федерации;

Дербилов О.А., судья Верховного Суда Российской Федерации;

Дорошин А.А., советник Судебной коллегии по делам военнослужащих;

Замашнюк А.Н., судья Верховного Суда Российской Федерации;

Крупнов И.В., председатель судебного состава Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации, кандидат юридических наук;

Новиков А.В., помощник судьи Верховного Суда Российской Федерации;

Сокерин С.Г., судья Верховного Суда Российской Федерации;

Фатеев К.В., помощник заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих, доктор юридических наук, профессор.

С23

Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2015 – 2016). – М. : Центр правовых коммуникаций, 2017. – Вып. 1. – 240 с. – (Серия «Юридическая энциклопедия военнослужащего»).

Книга выходит в серии изданий «Юридическая энциклопедия военнослужащего» (далее – Сборник), которая зарегистрирована в 2003 году, перерегистрирована в 2016 году, свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС77-66681.

Сборник выходит один раз в квартал, распространяется в розницу и по подписке.

Материалы судебной практики приводятся с сокращениями.

© «Юридическая энциклопедия военнослужащего», 2017 г.

© Оформление «Центр правовых коммуникаций», 2017 г.

Содержание

Указатель сокращений	4
Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 года № 27)	5
Глава 1. Вопросы судебной практики по административным и гражданским делам	29
§ 1. Вопросы, связанные с прохождением военной службы, увольнением с военной службы	29
§ 2. Вопросы, связанные с обеспечением военнослужащих денежным довольствием и иными отдельными выплатами	50
§ 3. Вопросы, связанные с реализацией права военнослужащих на жилище	65
§ 4. Вопросы, связанные с материальной ответственностью военнослужащих, возмещением расходов на военную и специальную подготовку	97
§ 5. Вопросы, связанные с дисциплинарной ответственностью военнослужащих	107
§ 6. Процессуальные вопросы	140
Глава 2. Вопросы судебной практики по уголовным делам	151
§ 1. Нарушения норм материального права	151
§ 2. Ошибки, связанные с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела	159
§ 3. Ошибки в квалификации преступлений	161
§ 4. Ошибки, связанные с назначением наказания	163
§ 5. Нарушения уголовно-процессуального закона	174
§ 6. Рассмотрение жалоб на стадии досудебного производства	187
§ 7. Ошибки в рассмотрении гражданского иска	190
Глава 3. Практика рассмотрения военными судами дел о преступлениях, совершение которых сопряжено с осуществлением террористической и экстремистской деятельности	193
§ 1. Вопросы применения Общей и Особенной части уголовного закона	193
§ 2. Вопросы квалификации	198
§ 3. Ошибки при назначении наказания	214
§ 4. Применение уголовно-процессуального закона	217
§ 5. Рассмотрение дел в особом порядке	219
Глава 4. Назначение уголовных наказаний по делам коррупционной направленности	223

Указатель сокращений

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ДУ ВС РФ – Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации

УВС ВС РФ – Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
от 29 мая 2014 года № 8
«О ПРАКТИКЕ
ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ,
ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ И СТАТУСЕ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ»**

*(с изменениями, внесенными постановлением
Пленума Верховного Суда Российской Федерации
от 28 июня 2016 года № 27)*

В целях обеспечения единства практики применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, а также учитывая возникающие у судов при рассмотрении данной категории дел вопросы, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 9, 14 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения:

**Подсудность военным судам административных
и гражданских дел, дел об административных правонарушениях
и материалов о грубых дисциплинарных проступках**
(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации
от 28 июня 2016 г. № 27)

1. В силу статьи 7 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 года № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации», статьи 18 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), статьи 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) и статьи 4 Федерального закона от 1 декабря 2006 года № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» дела, связанные с защитой нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих, граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов во-

енного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений, подсудны военным судам.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

Лица, уволенные с военной службы, граждане, прошедшие военные сборы, граждане, пребывавшие в мобилизационном людском резерве, вправе оспаривать в военных судах действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие права, свободы и охраняемые законом интересы указанных лиц в период прохождения военной службы, военных сборов, пребывания в мобилизационном людском резерве (например, дела по административным исковым заявлениям лиц, уволенных с военной службы, о восстановлении на военной службе и т. п.).

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

Дела об административных правонарушениях, указанных в частях 1 и 2 статьи 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и совершенных военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов.

Судьям военных судов подсудны также дела о совершенных военнослужащими административных правонарушениях, которые рассматриваются в порядке, предусмотренном пунктом 3 части 1 статьи 30.1 КоАП РФ. В таких случаях подсудность рассмотрения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях должна определяться местом совершения правонарушения, а не местом нахождения соответствующего органа, от имени которого должностным лицом составлен протокол или вынесено постановление по делу об административном правонарушении в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 28.6 и статьей 29.10 КоАП РФ.

Дела по искам к военнослужащим, лицам, уволенным с военной службы, о возмещении ущерба, причиненного ими при исполнении обязанностей военной службы по основаниям, установленным статьями 8, 9 Федерального закона от 12 июля 1999 года № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих», подсудны военным судам.

Судьи гарнизонных военных судов осуществляют судопроизводство по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста.

В силу части 4 статьи 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» военным судам, дислоцированным за пределами территории Российской Федерации, подсудны все гражданские, административные и уголовные дела, подлежащие рассмотрению судами общей юрисдикции, если иное не установлено международным договором Российской Федерации.

2. При принятии административных исковых заявлений и исковых заявлений к производству суда необходимо иметь в виду, что в качестве административных истцов (истцов) могут выступать военнослужащие, граждане, проходящие или прошедшие военные сборы, граждане, пребывающие или пребывавшие в мобилизационном людском резерве, и лица, уволенные с военной службы, органы военного управления и воинские должностные лица, а в качестве

административных ответчиков (ответчиков) – органы военного управления и воинские должностные лица, а также военнослужащие, граждане, проходящие или прошедшие военные сборы, граждане, пребывающие или пребывавшие в мобилизационном людском резерве, и лица, уволенные с военной службы (например, по основаниям, установленным Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих»).

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

Военнослужащими являются граждане Российской Федерации, не имеющие гражданства (подданства) иностранного государства, которые проходят военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и во внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – другие войска), в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях при федеральных органах исполнительной власти и в спасательных воинских формированиях федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на решение задач в области гражданской обороны (далее – воинские формирования), Службе внешней разведки Российской Федерации, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации (далее – органы), воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях, а также граждане, имеющие гражданство (подданство) иностранного государства, и иностранные граждане, которые проходят военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации и воинских формированиях.

В случаях, предусмотренных федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, военнослужащие могут проходить военную службу не на воинских должностях в организациях, осуществляющих деятельность в интересах обороны страны и безопасности государства, и федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, определяемых Президентом Российской Федерации. В силу статьи 19 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237, в качестве ответчиков (заинтересованных лиц) по искам и заявлениям военнослужащих, проходящих военную службу не на воинских должностях, могут выступать как руководители соответствующих организаций (например, по вопросам освобождения от должности), так и органы военного управления, воинские должностные лица (например, по вопросам увольнения с военной службы).

К органам военного управления относятся Министерство обороны Российской Федерации, иной федеральный орган исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, центральные органы военного управления (командования, штабы, управления, департаменты, службы, отделы, отряды, центры), территориальные органы военного управления (военные комиссариаты, региональные центры, комендатуры территорий), управления и штабы объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Под воинскими должностными лицами понимаются должностные лица органов военного управления, командиры (начальники) воинских частей, началь-

ники органов военной полиции, начальники гарнизонов, иные лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выступающие от имени Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, принявшие оспариваемое решение, совершившие оспариваемые действия (бездействие), имеющие обязательный характер и затрагивающие права и свободы заявителей, в том числе руководители управлений, департаментов, учреждений и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

3. В силу пункта 10 статьи 38 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» граждане приобретают статус военнослужащего с момента начала военной службы, который исчисляется:

для граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, – со дня присвоения воинского звания рядового;

для граждан (иностранных граждан), поступивших на военную службу по контракту, – со дня вступления в силу контракта о прохождении военной службы;

для граждан, не проходивших военную службу или прошедших военную службу ранее и поступивших в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования, – с даты зачисления в указанные образовательные организации.

Окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

На граждан, призванных на военные сборы, и граждан, пребывающих в мобилизационном людском резерве, исполняющих воинскую обязанность, в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» статус военнослужащего распространяется только в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

4. При решении вопроса об уплате органом военного управления государственной пошлины при обращении в суд необходимо учитывать льготы, предусмотренные Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ). Разрешая вопрос, относится ли орган военного управления к государственному органу, имеющему льготу по уплате государственной пошлины, следует применять то значение понятия государственного органа, которое используется в соответствующей отрасли законодательства. Так, органы военного управления, созданные в целях обороны и безопасности государства, относятся к государственным органам, освобождаемым от уплаты государственной пошлины в соответствии с подпунктом 19 пункта 1 статьи 333.36 НК РФ, при выступлении в качестве истцов (административных истцов) или ответчиков (административных ответчиков).

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

5. При подготовке административных и гражданских дел к судебному разбирательству необходимо учитывать, что процессуальным законодательством предусмотрены различия в порядке рассмотрения дел, возникающих из пуб-

личных и иных правоотношений, в связи с чем особое значение приобретает правильное установление характера правоотношений сторон.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

Военная служба предполагает осуществление полномочий государства по обеспечению своего суверенитета и иных важнейших государственных интересов, а военнослужащие являются носителями публичной власти. В связи с этим правоотношения, связанные с исполнением военнослужащими общих, должностных и специальных обязанностей, являются публично-правовыми.

Таким образом, нормы главы 22 раздела IV КАС РФ применяются, когда требования военнослужащих непосредственно вытекают из военно-служебных правоотношений, основанных на властных полномочиях одной стороны по отношению к другой.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

В тех случаях, когда оспариваемые действия совершены органами военного управления и воинскими должностными лицами в процессе осуществления иной деятельности, основанной на равенстве участников правоотношений, дело подлежит рассмотрению в порядке искового производства.

6. Административное исковое заявление (далее – заявление) об оспаривании решений, действий (бездействия) органов военного управления и воинских должностных лиц исходя из положений части 1 статьи 4 и части 1 статьи 219 КАС РФ подается в военный суд в трехмесячный срок со дня, когда административному истцу стало известно о нарушении его прав, свобод и законных интересов.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

Пропуск данного срока не является для суда основанием для отказа в принятии заявления, но при отсутствии уважительных причин, которые подлежат выяснению судом в предварительном судебном заседании или в судебном заседании независимо от того, ссылались ли на это обстоятельство заинтересованные лица, может являться основанием для отказа в удовлетворении заявления с указанием в мотивировочной части решения только на установление судом данного обстоятельства.

7. При рассмотрении споров, связанных с прохождением военной службы, судам следует учитывать, что в силу частей 1 и 4 статьи 15, статьи 120 Конституции Российской Федерации суд обязан разрешать дела на основании Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов и иных нормативных правовых актов, а также на основании общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, являющихся составной частью ее правовой системы.

При этом необходимо иметь в виду, что порядок прохождения военной службы, в частности заключение контракта о прохождении военной службы, прекращение его действия, поступление на военную службу и увольнение с нее, назначение на воинские должности и освобождение от воинских должностей, дисциплинарная и материальная ответственность военнослужащих, а также иные правоотношения, имеющие специфический характер в условиях военной службы, регулируются федеральными законами и иными нормативными пра-

вовыми актами, в том числе нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, определяющими порядок прохождения военной службы и статус военнослужащих.

Нормы трудового законодательства могут применяться к правоотношениям, связанным с прохождением военной службы, лишь в случаях, когда об этом имеется прямое указание в законе (например, часть 8 статьи 11 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ): трудовое законодательство и иные акты, содержащие нормы трудового права, не распространяются на военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы, если в установленном ТК РФ порядке они одновременно не выступают в качестве работодателей или их представителей и др.).

При разрешении споров, связанных с прохождением военной службы, судам необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данные в постановлениях от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 6 февраля 2007 года № 5 и от 16 апреля 2013 года № 9), от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 5 марта 2013 года № 4), от 27 июня 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», а также от 10 февраля 2009 года № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» (с изменением, внесенным постановлением Пленума от 9 февраля 2012 года № 3).

Контракт о прохождении военной службы

8. В соответствии с подпунктом «б» пункта 3 статьи 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, статьей 4 ТК РФ термин «принудительный или обязательный труд» не включает в себя всякую службу военного характера и работу, выполнение которой обусловлено законодательством о воинской обязанности и военной службе.

В силу пункта 1 статьи 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и пункта 3 статьи 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» право на труд реализуется военнослужащими путем добровольного поступления на военную службу по контракту, условия которого включают в себя обязанность гражданина проходить военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях или органах в течение установленного контрактом срока, добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также право гражданина на соблюдение его прав и прав членов его семьи, включая получение социальных гарантий и компенсаций, установленных законодательными и иными нормативными пра-

вовыми актами Российской Федерации, определяющими статус военнослужащих и порядок прохождения военной службы.

В связи с изложенным судам следует исходить из того, что предъявление к военнослужащим специальных требований, обусловленных особенностями военной службы, в том числе неукоснительное соблюдение воинской дисциплины, необходимость некоторых ограничений их прав и свобод, установленных федеральными законами, не может рассматриваться как нарушение прав военнослужащих свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

9. Исходя из положений абзаца первого пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и пункта 5 статьи 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащим не может быть отказано в заключении нового контракта о прохождении военной службы, если они не достигли предельного возраста пребывания на военной службе, не приобрели права на пенсию за выслугу лет и отсутствуют основания для их досрочного увольнения с военной службы, установленные Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», и обстоятельства, когда с такими военнослужащими в силу закона не может быть заключен новый контракт.

Судам также следует иметь в виду, что контракт о прохождении военной службы не может быть заключен с гражданами, в отношении которых вынесен обвинительный приговор и назначено наказание или ведется дознание либо предварительное следствие, или уголовное дело в отношении их передано в суд, с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершенные преступления, отбывавшими наказание в виде лишения свободы, а также с гражданами, подвергнутыми административному наказанию за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. Контракт не может быть заключен с гражданами, лишенными на определенный срок вступившим в законную силу приговором суда права занимать воинские должности в течение указанного срока.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

10. В силу статьи 148 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) до истечения установленного приговором суда срока наказания военнослужащий, осужденный к ограничению по военной службе, может быть уволен с военной службы по основаниям и в порядке, которые предусмотрены Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» и Положением о порядке прохождения военной службы. В случае если до истечения установленного приговором суда срока наказания в виде ограничения по военной службе у осужденного военнослужащего истекает срок контракта, новый контракт с таким военнослужащим не заключается и такой военнослужащий подлежит увольнению с военной службы по истечении срока контракта. В этих случаях командир воинской части направляет представление в суд о замене оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом наказания либо об освобождении от наказания.

Рассмотрение такого представления командира воинской части согласно пункту 19 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федера-

ции (далее – УПК РФ) относится к вопросам, связанным с исполнением приговора, и осуществляется в порядке главы 47 УПК РФ.

11. Исходя из положений подпункта «в» пункта 3 статьи 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» судам необходимо учитывать, что военнослужащий, заключая контракт, налагает на себя ряд обязанностей, которые отсутствуют в других видах трудовой деятельности, в частности обязанность продолжать военную службу после истечения срока, указанного в контракте, в случаях, предусмотренных в законе (например, если военнослужащий не может быть уволен с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе без предоставления ему жилищной субсидии или жилого помещения (пункт 1 статьи 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и др.).

При разрешении споров о правомерности нахождения военнослужащего на военной службе после истечения срока контракта судам следует исходить из того, что если после истечения срока, указанного в контракте, военнослужащий продолжает проходить военную службу, например, до обеспечения его жилым помещением, то при отсутствии письменного согласия военнослужащего на увольнение с военной службы до обеспечения его жилым помещением (например, при отсутствии рапорта и др.) такого военнослужащего следует считать проходящим военную службу в добровольном порядке только до реализации его права на жилище. При совершении в указанный период правонарушения такой военнослужащий в зависимости от характера и тяжести содеянного подлежит привлечению к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой или уголовной ответственности в соответствии с федеральными законами.

12. Предусмотренный пунктом 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» запрет исключения военнослужащего из списков личного состава в день истечения срока военной службы, если в отношении такого военнослужащего, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу с содержанием на гауптвахте или наблюдения командования воинской части, представляет собой меру обеспечительного характера, обусловленную проведением в отношении этого военнослужащего предварительного расследования, которая может иметь место только на основании УПК РФ.

При избрании в отношении военнослужащих, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления, таких уголовно-процессуальных мер пресечения, как наблюдение командования воинской части или заключение под стражу с содержанием на гауптвахте, отказ командира (начальника) воинской части в исключении военнослужащих из списков личного состава воинской части в день истечения срока их военной службы не может рассматриваться как ограничение прав военнослужащих и нарушение закона.

Назначение на воинские должности. Зачисление военнослужащих в распоряжение командиров (начальников)

13. Согласно пункту 1 статьи 43 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» назначение на воинские должности военнослужащих

щих, для которых штатом предусмотрены воинские звания до полковника или капитана 1 ранга включительно, в том числе связанное с переводом в другую местность для прохождения военной службы, осуществляется в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы.

Исходя из содержания пункта 2 статьи 15 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, может быть переведен к новому месту военной службы по служебной необходимости с назначением на равную воинскую должность без его согласия, что обусловлено спецификой военной службы и само по себе не может рассматриваться как нарушение его прав и свобод.

Вместе с тем, данное обстоятельство не предполагает возможность произвольного перевода такого военнослужащего в другую воинскую часть (в другую местность), поскольку статья 15 Положения о порядке прохождения военной службы устанавливает исчерпывающий перечень случаев и условий, при которых военнослужащие могут быть переведены к новому месту службы из одной воинской части в другую, в том числе находящуюся в другой местности.

14. С учетом того что международными соглашениями Российской Федерации со странами пребывания российских военных баз, воинских формирований (далее – военные базы) определена организационно-штатная структура военных баз и их штатная численность, нахождение российских военнослужащих на территории стран пребывания военных баз вне состава и их штатной численности не предусмотрено.

В связи с изложенным судам при разрешении споров в отношении военнослужащих, освобожденных от воинских должностей, необходимо учитывать, что зачисление их в распоряжение командиров (начальников) на территории военных баз не производится и вопросы дальнейшего прохождения ими военной службы должны решаться путем плановой замены либо путем увольнения с военной службы или зачисления в распоряжение командиров (начальников) на территории Российской Федерации в пределах срока нахождения в распоряжении.

15. Разрешая споры о реализации военнослужащими прав, социальных гарантий и компенсаций, предоставляемых федеральными законами и иными нормативными правовыми актами об охране семьи, материнства и детства, судам необходимо учитывать положение пункта 19 статьи 11 Положения о порядке прохождения военной службы о том, что беременные женщины-военнослужащие в соответствии с медицинским заключением с их согласия могут быть назначены на воинские должности с более легкими условиями службы с сохранением месячного оклада в соответствии с занимаемой воинской должностью, месячных и иных дополнительных выплат по воинской должности, которую они занимали до указанного назначения.

Военнослужащие женского пола, имеющие детей в возрасте до полутора лет, в соответствии с пунктом 20 статьи 11 Положения о порядке прохождения военной службы в случае, если они не могут выполнять служебные обязанности, назначаются на другую воинскую должность до достижения ребенком возраста полутора лет с сохранением месячного оклада в соответствии с занимаемой воинской должностью, месячных и иных дополнительных выплат по воинской должности, которую они занимали до назначения.

16. По смыслу статьи 145 УИК РФ военнослужащие, отбывающие наказание в виде ограничения по военной службе, не могут быть назначены на высшую

воинскую должность. Если с учетом характера совершенного преступления и иных обстоятельств военнослужащий, которому назначено наказание в виде ограничения по военной службе, не может быть оставлен в воинской должности, связанной с руководством подчиненными, он по решению соответствующего воинского должностного лица назначается на другую воинскую должность в пределах воинской части либо с переводом в другую воинскую часть или местность в соответствии с Положением о порядке прохождения военной службы, о чем извещается суд, вынесший приговор.

Денежное довольствие и иные выплаты

17. В соответствии с частями 1, 2 и 28 статьи 2 Федерального закона от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» и пунктами 10 и 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является основным средством их материального обеспечения и стимулирования исполнения обязанностей военной службы и подлежит выплате с момента начала военной службы по день их исключения из списков личного состава воинской части в связи с окончанием военной службы.

Судам необходимо учитывать, что денежное довольствие и другие выплаты считаются выданными военнослужащему в день их получения в финансовой службе воинской части (уполномоченном финансовом органе) либо в день поступления (зачисления) денежных средств на банковский (карточный) счет военнослужащего.

При подготовке дел к судебному разбирательству по заявлениям военнослужащих об оспаривании размера и состава выплачиваемого денежного довольствия, иных выплат суд должен выяснять, какой орган на основании статьи 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации как распорядитель бюджетных средств должен выступать в суде от имени органа военного управления или воинского должностного лица (например, федеральное казенное учреждение «Единый расчетный центр Министерства обороны Российской Федерации», управление финансового обеспечения и др.), и надлежащим образом извещать его о времени и месте судебного заседания.

18. При рассмотрении дел, связанных с невыплатой (выплатой не в полном объеме) денежного довольствия в период нахождения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, в распоряжении командира (начальника), судам следует учитывать, что в этот период военнослужащим выплачиваются оклад по воинскому званию, оклад по последней занимаемой воинской должности и ежемесячная надбавка за выслугу лет в порядке, предусмотренном руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, а при прохождении военной службы в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, а также в других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе в отдаленных местностях, высокогорных районах, пустынных и безводных местностях, выплачивается денежное довольствие с учетом коэффициентов и процентных надбавок (части 24 и 28 статьи 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»).

Истечение срока нахождения военнослужащего в распоряжении командира (начальника), предусмотренного пунктом 4 статьи 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и статьей 13 Положения о порядке прохождения военной службы, не может являться основанием для прекращения выплаты ему денежного довольствия.

19. При разрешении споров военнослужащих, назначенных с их согласия в связи с проводимыми организационно-штатными мероприятиями на воинские должности с меньшими месячными окладами, следует учитывать, что в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 марта 1999 года № 305 «О сохранении за военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, месячных окладов по ранее занимаемым воинским должностям при переводе их на воинские должности с меньшими месячными окладами в связи с реформированием Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба» (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 31 января 2012 года № 60), таким военнослужащим выплата сохраненного оклада по прежней воинской должности производится при прохождении военной службы на той воинской должности, на которую они были назначены с сохранением указанного оклада. Назначение впоследствии на иную воинскую должность не влечет выплату военнослужащему ранее сохраненного оклада по прежней воинской должности.

20. Судам следует иметь в виду, что в силу части 30 статьи 2 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» военнослужащему, в отношении которого в качестве меры пресечения применено заключение под стражу, выплата денежного довольствия приостанавливается со дня заключения его под стражу и возобновляется со дня освобождения из-под стражи. При этом в случае вынесения военнослужащему оправдательного приговора или прекращения в отношении его уголовного дела по реабилитирующим основаниям денежное довольствие выплачивается в полном объеме за весь период содержания под стражей.

Военнослужащим, осужденным к отбыванию наказания в дисциплинарных воинских частях, со дня вступления приговора в законную силу и до назначения на воинские должности по отбытии наказания или до увольнения с военной службы денежное довольствие выплачивается в порядке и размерах, которые установлены для военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации.

Право на отдых

21. Дополнительные сутки (дополнительное время) отдыха военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, предоставляются в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» с учетом положений статей 219 – 221, 234 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495, статьи 29 Положения о порядке прохождения военной службы, а также с учетом требований, изложенных в Порядке учета служебного времени и предоставления дополнительных суток отдыха (приложение № 2 к Положению о порядке прохождения военной службы).

Исходя из названных положений предусмотрены следующие сроки (периоды) предоставления дополнительных суток (дополнительного времени) отдыха: в другие дни недели, в период основного отпуска путем его увеличения за счет присоединения дополнительных суток отдыха, в период дополнительного времени отдыха до дня начала основного отпуска. При этом общая продолжительность ежегодного основного отпуска с учетом дополнительного времени (дополнительных суток) отдыха не может превышать 60 суток, не считая времени, необходимого для проезда к месту использования отпуска и обратно.

В тех случаях, когда военнослужащему не было предоставлено дополнительное время (дополнительные сутки) отдыха вместе с основным отпуском за истекший год в следующем календарном году, срок, с которого исчисляется нарушение права военнослужащего на предоставление дополнительного времени (дополнительных суток) отдыха за предшествующий период, начинает исчисляться с 1 января года, следующего за годом, в который основной отпуск должен был быть перенесен.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

Судам также следует учитывать, что согласно пункту 3 статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, участвующим в мероприятиях, которые проводятся при необходимости без ограничения общей продолжительности еженедельного служебного времени, по их просьбе вместо предоставления дополнительных суток отдыха может выплачиваться денежная компенсация в размере денежного содержания за каждые положенные дополнительные сутки отдыха.

Помимо дополнительного времени (дополнительных суток) отдыха, в соответствии с пунктом 12 статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим предоставляются дополнительные отпуска, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации.

22. В силу подпункта 11 пункта 1 статьи 16 Федерального закона от 12 января 1995 года № 5-ФЗ «О ветеранах» военнослужащим – ветеранам боевых действий основной отпуск предоставляется в удобное для них время.

При этом согласно пунктам 5.1 и 12 статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим – ветеранам боевых действий, указанным в Федеральном законе «О ветеранах», помимо основного отпуска, предоставляется дополнительный отпуск продолжительностью 15 суток. В год увольнения с военной службы указанный отпуск предоставляется военнослужащему в полном объеме.

23. Исходя из содержания абзаца шестого пункта 10 статьи 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» отпуск по личным обстоятельствам продолжительностью 30 суток предоставляется также военнослужащим, проходящим в соответствии с федеральными законами военную службу после достижения ими предельного возраста пребывания на военной службе и не использовавшим указанный отпуск ранее. При этом отпуск по личным обстоятельствам предоставляется при общей продолжительности военной службы таких военнослужащих 20 лет и более.

Необходимо учитывать, что, по смыслу пункта 2 статьи 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих», общая продолжительность военной службы военнослужащего включает в себя все время его военной службы как по

призыву, так и по контракту, в том числе и в случаях повторного поступления на военную службу. Определение общей продолжительности военной службы производится в календарном исчислении. Законодательство Российской Федерации не предусматривает, например, возможности зачета службы в органах внутренних дел в общую продолжительность военной службы для предоставления отпуска по личным обстоятельствам.

24. В соответствии с пунктом 17 статьи 29 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащим-супругам, проходящим военную службу по контракту, основной отпуск с учетом их желания предоставляется одновременно.

Военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, супруги которых находятся в отпуске по беременности и родам, основной отпуск также предоставляется с учетом желания военнослужащих.

В случае когда один из родителей (опекун, попечитель) является военнослужащим или когда оба родителя (опекуны, попечители) являются военнослужащими, проходящими военную службу по контракту, согласно пункту 2 статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы для ухода за детьми-инвалидами и инвалидами с детства до достижения ими 18 лет таким родителям (опекунам, попечителям) предоставляются четыре дополнительных выходных дня в месяц.

Указанные выходные дни могут быть использованы одним из родителей (опекуном, попечителем) либо разделены родителями (опекунами, попечителями) между собой по их усмотрению.

Право на жилище

25. При рассмотрении исков (заявлений) военнослужащих, связанных с осуществлением ими права на жилище, необходимо иметь в виду, что основания и порядок обеспечения военнослужащих жильем регулируются как нормами Федерального закона «О статусе военнослужащих», так и нормами Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ), принятыми в соответствии с ЖК РФ другими федеральными законами, а также изданными в соответствии с ними указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, принятыми законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

В связи с изложенным судам следует исходить из того, что гарантированное статьей 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» право военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей на обеспечение жилыми помещениями в форме предоставления денежных средств за счет средств федерального бюджета на приобретение или строительство жилых помещений либо предоставления жилых помещений должно реализовываться в порядке и на условиях, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

При решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жильем, судам следует руководствоваться нормами ЖК РФ и Семейного кодекса Российской Федерации.

26. Обратить внимание судов на то, что согласно части 2 статьи 15, части 5 статьи 57 ЖК РФ, пунктам 1 и 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» предоставляемое военнослужащему жилое помещение по договору социального найма или в собственность, в том числе по избранному постоянному месту жительства, должно отвечать установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства и должно находиться в границах соответствующего населенного пункта.

Судам также следует учитывать, что в силу пункта 19 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в случае, если военнослужащий, проходящий военную службу по истечении срока контракта в добровольном порядке до получения жилого помещения, отказывается от предложенного жилого помещения, которое расположено по избранному месту жительства, а также изъявляет желание изменить ранее избранное место жительства, такому военнослужащему предоставляется жилищная субсидия.

Разрешая споры, связанные с предоставлением военнослужащим жилого помещения либо жилищной субсидии вместо ранее предоставленного жилого помещения, судам необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела, интересы военнослужащих и членов их семей и другие заслуживающие внимания обстоятельства.

27. Согласно пункту 5 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в случае освобождения жилых помещений, занимаемых военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей, за исключением жилых помещений, находящихся в их собственности, указанные помещения предоставляются другим военнослужащим и членам их семей.

Если военнослужащий реализовал свое право на жилое помещение по договору социального найма в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих», и не может представить документы о его освобождении, повторное обеспечение такого военнослужащего жилым помещением по договору социального найма осуществляется в общем порядке согласно нормам ЖК РФ с учетом ранее полученного жилого помещения от федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, и других заслуживающих внимания обстоятельств.

Расторжение супругой (супругом) военнослужащего в отношении себя на основании статьи 83 ЖК РФ договора социального найма жилого помещения в связи с выездом к месту военной службы супруга (супруги) в другой населенный пункт не относится к действиям по намеренному ухудшению жилищных условий (статья 53 ЖК РФ).

28. Во избежание нарушения прав военнослужащих на дополнительную общую площадь жилого помещения в соответствии с пунктом 2 статьи 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» судам следует исходить из того, что такое право сохраняется за офицерами в воинском звании полковника, ему равном и выше, не только проходящими военную службу, но и уволенными с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями. Иные категории военнослужащих (например, командиры воинских частей в воинском звании до подполковника, капитана 2 ранга включительно) имеют право на дополнительную общую площадь жилого помещения только в период прохождения военной службы.

При наличии права на дополнительную общую площадь жилого помещения в соответствии с законодательством Российской Федерации по нескольким основаниям увеличение размера общей площади жилого помещения производится по одному из них (пункт 2 статьи 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

В тех случаях, когда военнослужащему невозможно предоставить по установленным нормам жилое помещение, в том числе с учетом его права на дополнительную общую площадь жилого помещения, допускается превышение нормы предоставления жилого помещения с учетом конструктивных и технических параметров многоквартирного дома, но не более установленных норм (пункты 1 и 3 статьи 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

Предусмотренное абзацем четвертым пункта 16 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» право военнослужащих на предоставление жилого помещения в собственность общей площадью, превышающей установленную норму предоставления площади жилого помещения, может быть реализовано только с их согласия, поскольку в этом случае военнослужащие производят оплату общей площади жилого помещения, превышающей норму предоставления площади жилого помещения, за счет собственных средств. Порядок оплаты общей площади жилого помещения, превышающей норму предоставления площади жилого помещения, устанавливается Правительством Российской Федерации.

29. При разрешении споров о праве членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, и членов семей граждан, проходивших военную службу по контракту и погибших (умерших) после увольнения с военной службы, на жилое помещение необходимо учитывать, что в силу пункта 1.1 статьи 15.1 и пункта 3.1 статьи 24 Федерального закона «О статусе военнослужащих» жилищные субсидии либо жилые помещения предоставляются им с учетом права погибшего (умершего) военнослужащего или гражданина, уволенного с военной службы, в том числе на дополнительную общую площадь жилого помещения на дату его гибели (смерти).

Социальные гарантии и компенсации при исполнении обязанностей военной службы

30. В силу пункта 9 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, граждане, уволенные с военной службы, члены их семей, имеющие право на социальные гарантии и компенсации в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих», пользуются социальными гарантиями и компенсациями, установленными для граждан федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

При этом необходимо исходить из того, что право на предоставление социальных гарантий и компенсаций членам семей военнослужащих непосредственно вытекает из факта исполнения военнослужащими обязанностей военной службы (например, предоставление отпуска без сохранения заработной платы до 14 календарных дней в году – статья 128 ТК РФ; социальные гарантии в области образования – пункт 5 части 7 статьи 71 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») и

наступает при определенных условиях (например, в случае смерти военнослужащего вследствие увечья (ранения, травмы, контузии) либо заболеваний, полученных им при исполнении обязанностей военной службы, в том числе при участии в проведении контртеррористических операций и (или) иных мероприятий по борьбе с терроризмом).

31. Исходя из положений пунктов 8 и 9 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в случае гибели (смерти) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, наступившей при исполнении им обязанностей военной службы, либо смерти, наступившей вследствие военной травмы, членам его семьи выплачиваются установленные этим Законом пособия и компенсации.

Разрешая споры, связанные с предоставлением членам семьи указанных лиц социальных гарантий и компенсаций, судам следует проверять, наступила ли гибель (смерть) военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, при исполнении ими обязанностей военной службы, принимая во внимание то, что при обстоятельствах, перечисленных в пункте 2 статьи 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (например, совершение ими деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным), военнослужащие или граждане, призванные на военные сборы, не признаются погибшими (умершими), получившими увечье или заболевание при исполнении обязанностей военной службы.

32. Судам надлежит учитывать, что нормы пунктов 3 и 6 статьи 21 Федерального закона от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и части 12 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» предусматривают выплату военнослужащим при повреждении здоровья в связи с осуществлением служебной деятельности однородных по своей сути единовременных пособий, в связи с чем при одновременном возникновении нескольких оснований для таких единовременных пособий выплата осуществляется по одному основанию по выбору получателя.

33. Судам следует иметь в виду, что Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 года № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» распространяется на определенный круг лиц, непосредственно указанных в статье 1 этого Закона. Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в Законе не указаны, в связи с чем на них действие статьи 33 Закона не распространяется.

При рассмотрении дел, связанных с проездом военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, надлежит учитывать, что в отношении их действует специальная норма, предусмотренная пунктом 1.1 статьи 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Согласно названной норме военнослужащие, проходящие военную службу по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в других местностях с неблагоприятными климатическими и (или) экологическими условиями, в том числе отдаленных, а также на территории субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский, Сибирский и Дальневосточный

федеральные округа, имеют право на проезд на безвозмездной основе железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным (за исключением такси) транспортом один раз в год по территории Российской Федерации к месту использования основного (каникулярного) отпуска и обратно.

При этом военнослужащие, проходящие военную службу по контракту за пределами территории Российской Федерации, имеют право на проезд на безвозмездной основе к месту использования основного (каникулярного) отпуска на территории Российской Федерации и обратно.

Материальная и иные виды ответственности военнослужащих

34. При рассмотрении споров, возникающих в связи с привлечением военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, к материальной ответственности, судам следует учитывать, что основания и порядок привлечения названных лиц к материальной ответственности за ущерб, причиненный государству при исполнении обязанностей военной службы, определяются федеральными законами «О статусе военнослужащих» и «О материальной ответственности военнослужащих».

Согласно пунктам 1 и 4 статьи 8 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» возмещение ущерба, размер которого не превышает одного оклада месячного денежного содержания военнослужащего и одной месячной надбавки за выслугу лет, производится по приказу командира (начальника) воинской части. Приказ о привлечении к материальной ответственности может быть оспорен военнослужащим в соответствующий военный суд в порядке, установленном главой 22 КАС РФ.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

Вопрос о возмещении ущерба, размер которого превышает один оклад месячного денежного содержания военнослужащего и одну месячную надбавку за выслугу лет, решается судом по иску командира (начальника) воинской части.

В силу пункта 4 статьи 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в течение трех лет со дня обнаружения ущерба. Днем обнаружения ущерба следует считать день, когда командиру воинской части, а в соответствующих случаях вышестоящим в порядке подчиненности органам военного управления и воинским должностным лицам стало известно о наличии материального ущерба, причиненного военнослужащим.

35. Возмещение ущерба, причиненного военнослужащими не при исполнении обязанностей военной службы или при исполнении таких обязанностей, но имуществу, не находящемуся в федеральной собственности и не закрепленному за воинскими частями, либо ущерба, причиненного физическим лицам, осуществляется в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом Российской Федерации.

При этом судам следует иметь в виду, что приведение военнослужащим себя в состоянии опьянения, а также другие обстоятельства, перечисленные в пункте 2 статьи 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», не освобождают его от ответственности, в том числе материальной, за нарушение обязанностей военной службы.

36. Если административное правонарушение совершено военнослужащим или гражданином, призванным на военные сборы, за исключением случаев, когда за такое административное правонарушение это лицо несет административную ответственность на общих основаниях, в соответствии с частью 2 статьи 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении подлежит прекращению для привлечения указанного лица к дисциплинарной ответственности.

При этом срок давности привлечения к дисциплинарной ответственности согласно пункту 8 статьи 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» исчисляется в течение одного года со дня совершения дисциплинарного проступка.

Судам необходимо учитывать, что в соответствии со статьей 94 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495, если грубым дисциплинарным проступком является административное правонарушение, то дисциплинарный арест может быть применен только в том случае, когда за такое административное правонарушение КоАП РФ предусмотрено административное наказание в виде административного ареста.

Заявления об оспаривании действий и решений воинского должностного лица, связанных с применением в отношении виновных лиц дисциплинарных взысканий в указанных случаях, рассматриваются военными судами в порядке, предусмотренном главой 22 КАС РФ.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

37. За совершение административных правонарушений, предусмотренных в части 2 статьи 2.5 КоАП РФ, военнослужащие и призванные на военные сборы граждане несут административную ответственность на общих основаниях.

При назначении военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, административных наказаний за совершение административных правонарушений, предусмотренных частью 2 статьи 12.7 и частью 3 статьи 12.8 КоАП РФ, судья не вправе назначить предусмотренные их санкциями наказания: административный штраф (часть 6 статьи 3.5), административный арест (часть 2 статьи 3.9) или обязательные работы (часть 3 статьи 3.13), поскольку к указанной категории лиц не применяются данные виды наказаний, а также судья не вправе заменить наказание другим, более мягким, поскольку в соответствии с частью 3 статьи 3.3 КоАП РФ за административное правонарушение может быть назначено лишь то административное наказание, которое указано в санкции применяемой статьи Кодекса.

Поскольку в таких случаях у судьи нет оснований для вынесения постановления о назначении административного наказания, по смыслу части 2 статьи 24.5 и пункта 1 части 2 статьи 29.9 КоАП РФ производство по делу подлежит прекращению, а материалы дела – передаче командиру (начальнику) воинской части, где виновный проходит военную службу, для применения иных мер воздействия в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В случае привлечения указанного военнослужащего к дисциплинарной ответственности она должна применяться не за административное правонарушение, а по основаниям, установленным статьей 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», и в порядке, предусмотренном этим Федераль-

ным законом и Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации.

38. Военные суды должны оценивать не только обоснованность привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащего, но и соразмерность примененного дисциплинарного взыскания тяжести совершенного проступка и степени его вины. Под несоразмерностью примененного к военнослужащему дисциплинарного взыскания следует понимать очевидное несоответствие примененного дисциплинарного взыскания тяжести совершенного проступка, например, если будет установлено, что командир (начальник) не учел все обстоятельства, которые надлежит учитывать в силу закона.

При этом суды не вправе определять вид дисциплинарного взыскания, которое надлежит применить к военнослужащему.

Судам следует учитывать, что в соответствии со статьей 96 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации дисциплинарное взыскание – предупреждение о неполном служебном соответствии – может быть применено только к военнослужащему, проходящему военную службу по контракту, занимающему штатную воинскую должность. К военнослужащему, состоящему в распоряжении командира (начальника), указанное дисциплинарное взыскание не применяется.

В случае систематического нарушения должностных и (или) специальных обязанностей до окончания срока действия данного взыскания военнослужащий может быть представлен к снижению в воинской должности или досрочному увольнению с военной службы.

Увольнение с военной службы

39. При увольнении военнослужащих с военной службы в связи с достижением предельного возраста, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями за ними сохраняются социальные гарантии и компенсации, предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и иными нормативными правовыми актами.

При наличии у военнослужащего одновременно нескольких оснований для увольнения с военной службы, предусмотренных статьей 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (за исключением случаев, когда увольнение производится по основаниям, предусмотренным подпунктами «д», «д.1», «д.2», «е», «е.1» и «з» пункта 1 и подпунктами «в», «д», «е.1» и «е.2» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), он имеет право выбора одного из них по своему усмотрению.

При разрешении споров об увольнении с военной службы беременных женщин-военнослужащих, военнослужащих женского пола, имеющих детей в возрасте до трех лет, а также имеющих детей-инвалидов или инвалидов с детства до достижения ими возраста 18 лет, одиноких матерей, имеющих детей в возрасте до 14 лет, необходимо учитывать социальные гарантии, предусмотренные для них пунктом 25 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

40. В случае сокращения занимаемой воинской должности и при невозможности назначения военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначени-

ем на высшую или низшую воинскую должность такой военнослужащий может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями (подпункт «а» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»).

По смыслу нормативных положений, регулирующих военную службу и порядок ее прохождения, при сокращении воинской должности, занимаемой военнослужащим, и отсутствии вакантных воинских должностей в военном округе, в котором он проходит военную службу, другая воинская должность должна предлагаться военнослужащему, изъявившему желание на назначение на низшие или высшие воинские должности, в масштабе Вооруженных Сил Российской Федерации, а военнослужащим других войск, воинских формирований и органов – в масштабах федерального органа исполнительной власти, в котором они проходят военную службу.

41. Досрочное увольнение с военной службы по подпункту «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с невыполнением условий контракта может применяться к военнослужащим в порядке дисциплинарного взыскания и в порядке аттестации с учетом соответствия военнослужащего предъявляемым к нему требованиям.

Невыполнением условий контракта как основанием для досрочного увольнения военнослужащего с военной службы следует считать лишь значительные (существенные) отступления от требований законодательства о воинской обязанности и военной службе, которые могут выражаться, в частности, в совершении виновных действий (бездействия), свидетельствующих об отсутствии у военнослужащего необходимых качеств для надлежащего выполнения обязанностей военной службы; совершении одного из грубых дисциплинарных проступков, составы которых перечислены в пункте 2 статьи 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих»; совершении дисциплинарного проступка при наличии у него неснятых дисциплинарных взысканий; совершении уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения, за которое военнослужащий несет ответственность на общих основаниях; иных юридически значимых обстоятельств, позволяющих в силу специфики служебной деятельности военнослужащего сделать вывод о том, что он перестал удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнослужащим, проходящим военную службу по контракту.

Если военнослужащий по своим деловым и личным качествам не соответствует требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу (о чем может свидетельствовать, например, наличие у него неснятых дисциплинарных взысканий), его досрочное увольнение с военной службы возможно только по результатам аттестации, в том числе внеочередной.

42. Решение о досрочном увольнении военнослужащего с военной службы в связи с переводом на федеральную государственную гражданскую службу (подпункт «ж» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе») должно быть основано не только на волеизъявлении военнослужащего, но и на объективных данных, гарантирующих возможность его поступления на конкретную должность государственной гражданской службы.

43. Юридически значимыми обстоятельствами, подлежащими установлению судами по делам об оспаривании досрочного увольнения с военной службы по

подпункту «е.1» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», являются не только обстоятельства, связанные с установлением факта нарушения запретов, ограничений и обязанностей, установленных пунктом 7 статьи 10 и статьей 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», но и обстоятельства, связанные с соблюдением воинскими должностными лицами процедуры досрочного увольнения военнослужащего с военной службы по указанному основанию.

При рассмотрении споров о применении взыскания, предусмотренного подпунктом «е.1» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», необходимо учитывать, что оно применяется не позднее одного месяца со дня поступления информации о совершении военнослужащим коррупционного правонарушения лицу, обладающему правом применения указанного взыскания, не считая периода временной нетрудоспособности военнослужащего, пребывания его в отпуске, других случаев его отсутствия на службе по уважительным причинам, а также времени проведения проверки и рассмотрения ее материалов комиссией по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссией). При этом взыскание должно быть применено не позднее шести месяцев со дня поступления информации о совершении коррупционного правонарушения.

По смыслу Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» под актом о применении к военнослужащему взыскания – досрочного увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом «е.1» пункта 2 статьи 51 названного Закона, понимается приказ воинского должностного лица, обладающего правом его издания.

44. В соответствии с подпунктом «а» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий в случае существенного и (или) систематического нарушения в отношении его условий контракта о прохождении военной службы со стороны федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, имеет право на досрочное увольнение с военной службы.

Существенным нарушением условий контракта со стороны федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, может быть признано такое нарушение, из-за которого военнослужащий лишился возможности осуществлять свои конституционные права, либо нарушение, лишающее военнослужащего или членов его семьи возможности воспользоваться наиболее значимыми для них правами, социальными гарантиями и компенсациями, предусмотренными законодательством о порядке прохождения военной службы и статусе военнослужащих.

При разрешении заявлений об оспаривании отказа в увольнении с военной службы в связи с нарушением условий контракта о прохождении военной службы со стороны федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, вопрос о том, являются ли допущенные в отношении военнослужащего нарушения условий контракта существенными, должен решаться судом индивидуально по каждому конкретному делу с учетом таких обстоятельств, как семейное и материальное положение военнослужащего, место его военной службы и условия ее прохождения, а также других данных.

Систематическим нарушением условий контракта должны признаваться многократные нарушения предусмотренных законодательством о статусе военнослужащих прав военнослужащего (повторяющиеся более двух раз) в течение непродолжительного времени.

45. Судам следует учитывать, что признание офицеров или прапорщиков (мичманов) ограниченно годными к военной службе на основании подпункта «б» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» не предполагает принуждение их к дальнейшему прохождению военной службы, поскольку решение вопроса о сохранении или прекращении статуса таких военнослужащих зависит от их свободного волеизъявления. В случае увольнения с военной службы, если общая продолжительность военной службы составляет 10 лет и более, такие военнослужащие не могут быть без их согласия сняты с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы и обеспечиваются жилищной субсидией или жилыми помещениями в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих» для военнослужащих.

При этом признание военно-врачебной комиссией военнослужащего ограниченно годным к военной службе дает ему право, но не обязывает досрочно увольняться с военной службы и не лишает его права продолжать военную службу на должности, позволяющей выполнять соответствующие состоянию здоровья общие, должностные и специальные обязанности. В связи с этим военнослужащие, принявшие решение продолжить военную службу, обеспечиваются жилыми помещениями в общем порядке в соответствии с существующей очередностью федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

46. В случаях досрочного увольнения военнослужащих с военной службы в связи с нарушением в отношении их условий контракта или в связи с признанием их ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья (подпункты «а» и «б» пункта 3 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе») они по основаниям и в порядке, которые предусмотрены пунктом 1 статьи 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», должны обеспечиваться жилищными субсидиями или жилыми помещениями как увольняющиеся соответственно в связи с организационно-штатными мероприятиями или по состоянию здоровья.

47. При проверке законности и обоснованности действий воинских должностных лиц, связанных с увольнением военнослужащего с военной службы по собственному желанию, судам необходимо учитывать, что согласно пункту 6 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий по заключению аттестационной комиссии может быть уволен с военной службы досрочно по собственному желанию при наличии у него уважительных причин.

Под уважительными причинами понимаются обстоятельства, которые объективно не позволяют военнослужащему в полном объеме выполнять условия заключенного контракта.

Поданный военнослужащим рапорт и соответствующее заключение аттестационной комиссии не являются безусловными основаниями для увольнения по собственному желанию, поскольку решение данного вопроса отнесено к полномочиям соответствующего воинского должностного лица.

48. Военнослужащие, имеющие право на обеспечение жилищными субсидиями или жилыми помещениями по договору социального найма или в собственность, не могут быть уволены с военной службы с оставлением их на учете нуждающихся в жилых помещениях по последнему месту военной службы при отсутствии их согласия на такое увольнение.

В случаях когда указанные военнослужащие, настаивая на досрочном увольнении с военной службы, согласились с военной службы, оснований для их последующего восстановления на военной службе для обеспечения жилищной субсидией или жилым помещением не имеется, поскольку в этом случае требования пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не нарушаются.

Если такие военнослужащие не соглашаются с увольнением их с военной службы без предоставления жилищной субсидии или жилого помещения, суд отказывает в удовлетворении их требований об увольнении с военной службы, поскольку указанные лица в соответствии с законом не могут быть уволены с военной службы.

Исходя из положений абзаца четырнадцатого пункта 1 статьи 15, абзаца второго пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пункта 17 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы при разрешении споров о правомерности увольнения с военной службы военнослужащих, обеспеченных служебными жилыми помещениями, до реализации ими права на жилище по избранному постоянному месту жительства, отличному от места военной службы, суды должны учитывать условия заключенного военнослужащими договора найма служебного жилого помещения (жилищного договора) и другие заслуживающие внимания обстоятельства.

49. В силу пункта 16 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, уволенный с военной службы, на день исключения из списков личного состава воинской части должен быть полностью обеспечен установленным денежным довольствием, продовольственным и вещевым обеспечением. До проведения с военнослужащим всех необходимых расчетов он из списков личного состава воинской части без его согласия не исключается.

В случае если нарушение прав военнослужащего может быть устранено без восстановления его на военной службе или в списке личного состава воинской части, судом выносится решение только об устранении допущенного нарушения.

50. В случае признания судом увольнения с военной службы необоснованным военнослужащий в соответствии с пунктом 2 статьи 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» подлежит восстановлению на военной службе в прежней (или с его согласия – равной или не ниже) должности с возмещением всех причиненных убытков. Причиненный таким увольнением моральный вред подлежит возмещению по решению суда на основании волеизъявления военнослужащего. Восстановление на военной службе производится путем отмены приказа об увольнении военнослужащего с военной службы. Отмена приказа об увольнении военнослужащего с военной службы производится воинским должностным лицом, издавшим приказ, или его прямым начальником. При этом признание военнослужащего не годным по состоянию здоровья к военной службе, истечение срока заключенного контракта или достижения им предельного возраста пребывания на военной службе на момент судебного разбирательства не может служить препятствием к принятию такого решения.

51. Принимая во внимание право прокурора вступать в процесс в случаях, предусмотренных статьёй 45 ГПК РФ и статьёй 39 КАС РФ, в том числе о восстановлении военнослужащих на военной службе, военным судам следует извещать соответствующего прокурора о месте и времени рассмотрения соответствующих гражданских и административных дел.

(в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. № 27)

При рассмотрении заявлений военнослужащих, связанных с нарушением их прав, свобод и охраняемых законом интересов, необходимо устанавливать причины и условия, способствовавшие нарушению воинскими должностными лицами и органами военного управления законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, и при наличии к тому оснований реагировать на них в предусмотренном процессуальным законом порядке.

Обратить внимание судов на то, что исполнение судебных решений по вопросам воинской обязанности, военной службы и статуса военнослужащих должно рассматриваться как элемент судебной защиты, а федеральные органы исполнительной власти обязаны принимать необходимые меры по их реализации. Неправомерная задержка исполнения судебного решения должна рассматриваться как нарушение права на справедливое правосудие в разумные сроки.

52. В связи с принятием настоящего постановления признать утратившими силу:

постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 года № 9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих»;

пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 года № 6 «Об изменении и дополнении некоторых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам».

**Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ**

**Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ**

Глава 1

Вопросы судебной практики по административным и гражданским делам

§ 1. Вопросы, связанные с прохождением военной службы, увольнением с военной службы

Установление министром обороны Российской Федерации различных периодов аттестации военнослужащих, относящихся к разным составам, не свидетельствует о дискриминационном характере такого решения

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13 апреля 2016 г. № ВКАПИ 16-6 по заявлению В. (извлечение)

Приказом министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444 утвержден Порядок организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации (далее – Порядок).

В силу абз. 2 п. 1 Порядка военнослужащие, проходящие военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, ежегодно, а офицеры не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы, но не менее чем за четыре месяца до истечения срока военной службы, а также по окончании военных образовательных учреждений профессионального образования, адъюнктуры, военной докторантуры аттестуются с составлением соответствующих аттестационных листов.

В. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском заявлением, в котором просил признать недействующим абз. 2 п. 1 Порядка как предусматривающий различную периодичность проведения аттестации: ежегодно – для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, и не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы – для офицеров.

Рассмотрев административное дело, Верховный Суд Российской Федерации нашел административное исковое заявление не подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

В соответствии с п. 13 ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» Президент Российской Федерации утверждает Положение о порядке прохождения военной службы.

Согласно пп. 3, 4, 5 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы порядок организации и проведения аттестации определяется руководите-

лем соответствующего федерального органа исполнительной власти, в котором проводится аттестация.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, аттестуются не менее чем за четыре месяца до истечения срока военной службы, но не реже чем через каждые пять лет прохождения военной службы, а также по окончании военно-учебного заведения, адъюнктуры, военной докторантуры. В случае необходимости руководитель федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, вправе назначить время и порядок проведения аттестации всех военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, или отдельных их категорий.

Во исполнение указанных выше полномочий министр обороны Российской Федерации утвердил оспариваемый административным иском Порядок, которым установил ежегодное прохождение аттестации военнослужащими, проходящими военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами.

Вопреки доводам административного иста, абз. 2 п. 1 Порядка соответствует требованиям ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы о проведении аттестации не реже чем через каждые пять лет, поскольку названная норма Положения о порядке прохождения военной службы устанавливает лишь максимальный период времени, в течение которого может не проводиться аттестация военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, однако она не определяет ее минимальную периодичность и не содержит запрета на проведение аттестации ежегодно.

Ввиду изложенного, установив ежегодное проведение аттестации в отношении военнослужащих, проходящих военную службу по контракту на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами, оспариваемое положение Порядка не вступило в противоречие с указанными требованиями ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы.

Не нарушает оспариваемая норма принципа равенства прав и свобод человека и гражданина.

Пунктом 1 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» установлено, что право на труд реализуется военнослужащими посредством прохождения ими военной службы.

Согласно п. 2 ст. 1 Положения о порядке прохождения военной службы прохождение военной службы включает в себя назначение на воинскую должность, присвоение воинского звания, аттестацию, увольнение с военной службы, а также другие обстоятельства (события), которыми в соответствии с законодательством определяется служебно-правовое положение военнослужащих.

В силу п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы аттестация проводится в целях всесторонней и объективной оценки военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определения их соответствия занимаемой воинской должности и перспектив дальнейшего служебного использования, а также определения предназначения граждан, пребывающих в запасе.

При этом принцип равенства, закрепленный в ст. 19 Конституции Российской Федерации, не препятствует законодателю при осуществлении правового регулирования в сфере военной службы устанавливать различные правила прохождения военной службы военнослужащими, принадлежащими к разным по условиям и роду службы категориям, если эти различия являются объ-

ективно оправданными, обоснованными и соответствуют конституционно-значимым целям. Такие различия не могут считаться дискриминационными.

В соответствии со ст. 46 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах военной службы разделены на составы: солдаты, матросы, сержанты и старшины; прапорщики и мичманы; офицеры.

Разделение на составы военнослужащих является объективно оправданным и обоснованным, поскольку связано с особенностями предъявляемых квалификационных требований, с характером выполняемых обязанностей военной службы и с другими обстоятельствами, определяющими служебно-правовое положение при прохождении военной службы и увольнении с нее.

С учетом изложенного установление Порядком различных периодов аттестации военнослужащих, относящихся к разным составам, не свидетельствует о дискриминационном характере оспариваемой нормы, как не может быть признано противоречащим требованиям разумности ее положение о проведении ежегодной аттестации военнослужащих, проходящих военную службу на должностях, подлежащих замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами.

Таким образом, оспариваемый абз. 2 п. 1 Порядка, предусматривающий различную периодичность прохождения аттестации военнослужащими разных составов, соответствует требованиям законодательства и прав административного истца не нарушает.

Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации данное решение оставлено без изменения, а апелляционная жалоба – без удовлетворения.

Военнослужащие, проходящие военную службу по контракту (за исключением офицеров), имеют право на учебный отпуск, предусмотренный п. 6 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», только в случае реализации ими права на образование в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих»

Главный корабельный старшина Х., проходящий военную службу по контракту с 5 декабря 2013 г., обратился в суд с заявлением, в котором просил признать неправомерными действия командира воинской части, связанные с отказом в предоставлении ему в 2014 г. учебного отпуска для прохождения промежуточной аттестации в Уфимском государственном авиационном техническом университете.

Решением Североморского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано по следующим основаниям.

По делу установлено, что Х. еще до поступления на военную службу по контракту проходил обучение в указанной образовательной организации.

В соответствии с п. 6 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, предоставляются учебные отпуска, в частности, для прохождения промежуточной аттестации в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Между тем согласно абз. 2 п. 2 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, проходящие военную службу по контракту (за

исключением офицеров), если непрерывная продолжительность их военной службы по контракту составляет не менее трех лет, имеют право в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации, на обучение по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования и высшего образования, а также на подготовительных отделениях федеральных государственных образовательных организаций высшего образования за счет средств федерального бюджета с освоением образовательных программ по очно-заочной или заочной форме обучения.

Иной формы реализации права на образование для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту (за исключением офицеров), данный Федеральный закон не предусматривает.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2014 г. № 1155 утверждены Правила реализации указанными военнослужащими предоставленного им вышеназванным Законом права на обучение, в том числе и связанного с ним права на соответствующий отпуск.

Правилами предусмотрено, что документом, подтверждающим право военнослужащего на обучение в образовательных организациях, является справка о праве военнослужащего на обучение, выдаваемая командиром воинской части, в которой военнослужащий проходит военную службу. При этом справка не выдается военнослужащим в период их обучения в образовательных организациях. В свою очередь, учебные отпуска предоставляются указанным военнослужащим при получении образования соответствующего уровня впервые, а также тем, кто направлен на обучение федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба (пп. 2, 3, 6 названных Правил).

Таким образом, предоставление военнослужащему, проходящему военную службу по контракту (за исключением офицеров), учебного отпуска, предусмотренного п. 6 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», является производным от его права на обучение, которое закреплено абз. 2 п. 2 ст. 19 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

В случае если военнослужащий указанной категории проходит обучение в образовательных организациях не в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О статусе военнослужащих», то на командование не может быть возложена обязанность по обеспечению условий реализации таким военнослужащим права на образование.

Военнослужащий, получивший увечье, подлежит направлению на военно-врачебную экспертизу не только в целях определения годности к военной службе и установления причинной связи увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний с прохождением им военной службы, но и в целях решения других вопросов

Г. обратился в суд с заявлением, в котором оспорил бездействие командира воинской части, не направившего его для прохождения военно-врачебной комиссии (далее – ВВК) в целях определения степени тяжести полученного в июне 2013 г. увечья (закрытого перелома латеральной лодыжки правого голеностопного сустава со смещением отломков).

Решением Краснодарского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, на командира воинской части воз-

ложена обязанность по направлению Г. на освидетельствование ВВК. В обоснование принятого решения суд указал следующее.

Получение застрахованным лицом в период прохождения военной службы тяжелого или легкого увечья в силу абз. 6 ст. 4 Федерального закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы» является страховым случаем.

Согласно п. 1 ст. 11 данного Федерального закона выплата страховых сумм производится страховщиком на основании документов, подтверждающих наступление страхового случая. Перечень документов, необходимых для принятия решения о выплате страховой суммы, устанавливается Правительством Российской Федерации.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 1998 г. № 855 утвержден Перечень документов, необходимых для принятия решения о выплате страховой суммы застрахованным, согласно разд. 5 которого в случае получения застрахованным лицом в период прохождения военной службы, службы, военных сборов тяжелого или легкого увечья (ранения, травмы, контузии) оформляется, в частности, справка военно-врачебной комиссии о тяжести увечья (ранения, травмы, контузии), полученного застрахованным лицом.

Правительство Российской Федерации Постановлением от 4 июля 2013 г. № 565 утвердило Положение о военно-врачебной экспертизе. В силу п. 1 этого Положения военно-врачебная экспертиза проводится не только в целях определения годности военнослужащих к военной службе и установления причинной связи увечий (ранений, травм, контузий), заболеваний с прохождением ими военной службы, но и в целях решения других вопросов, предусмотренных законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Приказом МВД России от 14 июля 2010 г. № 523 утверждена Инструкция о порядке проведения военно-врачебной экспертизы и медицинского освидетельствования в органах внутренних дел Российской Федерации и внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации, в соответствии с п. 341 которой степень тяжести увечья, полученного военнослужащим в период военной службы, определяется ВВК.

Поскольку для решения вопроса о выплате заявителю страховых сумм требовалась справка военно-врачебной комиссии о тяжести полученного им увечья, суд первой инстанции правомерно возложил на командование обязанность по направлению Г. на освидетельствование ВВК.

Заключение и выводы аттестационной комиссии о несоответствии аттестуемого военнослужащего занимаемой воинской должности, а также о целесообразности увольнения военнослужащего в запас в связи с невыполнением им условий контракта утверждаются вышестоящим командиром воинской части

К. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконными выводы аттестационной комиссии воинской части о целесообразности его

досрочного увольнения с военной службы, а также бездействие командира воинской части по разрешению его рапорта с просьбой об увольнении с военной службы по истечении срока контракта.

Решением Североморского гарнизонного военного суда в удовлетворении указанных требований заявителю отказано.

Делая вывод о законности аттестации, суд первой инстанции указал на то, что она утверждена надлежащим должностным лицом, а именно врио командира войсковой части 00000.

Флотский военный суд в апелляционном порядке отменил решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно абз. 8 п. 5 Порядка организации и проведения аттестации военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 29 февраля 2012 г. № 444, заключение и выводы аттестационной комиссии о несоответствии аттестуемого военнослужащего занимаемой воинской должности, а также об увольнении военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в запас в связи с невыполнением им условий контракта утверждаются вышестоящим командиром воинской части.

По делу установлено, что вышестоящим воинским должностным лицом в отношении командира войсковой части 00000 является командир войсковой части 11111, следовательно, требования указанного нормативного правового акта были нарушены.

Флотским военным судом также признано незаконным бездействие командира войсковой части 00000 по ответу на рапорт заявителя о его увольнении по истечении срока контракта.

Из материалов дела усматривается, что с указанным рапортом К. обратился к командиру воинской части 5 февраля 2015 г. При этом датой окончания срока военной службы заявителя по контракту являлось 19 июня 2015 г.

В соответствии с п. 6 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» командир воинской части принимает решение о заключении нового контракта о прохождении военной службы или об отказе в его заключении с военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, не позднее чем за три месяца до истечения срока действующего контракта.

Кроме того, согласно ст. 116 ДУ ВС РФ все обращения (предложения, заявления или жалобы) подлежат обязательному рассмотрению в срок до 30 суток со дня регистрации.

Однако на рапорт К. ответа соответствующего должностного лица не последовало.

При досрочном увольнении военнослужащего с военной службы как не выдержавшего испытание проведение аттестации действующим законодательством не предусмотрено

Согласно приказу командира воинской части от 19 января 2015 г. К. полагался заключившим контракт сроком на три года с испытательным сроком три месяца.

1 апреля 2015 г. аттестационная комиссия воинской части признала К. не соответствующим занимаемой воинской должности и подлежащим досрочному увольнению с военной службы как не выдержавшего испытание. Прика-

зом командира воинской части от 1 апреля 2015 г. он уволен с военной службы по указанному основанию.

К. оспорил в суде заключение аттестационной комиссии и приказ командира воинской части об увольнении его с военной службы.

Решением Владикавказского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением окружного военного суда, в удовлетворении заявленных требований отказано по следующим основаниям.

В соответствии с подп. «е» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы как не выдержавший испытание.

Согласно п. 1 ст. 34.1 названного Федерального закона для поступивших на военную службу по контракту на воинские должности, подлежащие замещению солдатами, матросами, сержантами и старшинами (за исключением обучающихся в военных образовательных учреждениях профессионального образования), в целях проверки их соответствия требованиям федеральных законов, общевоинских уставов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, определяющих общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, устанавливается испытание сроком на три месяца.

Пунктом 3 вышеназванной статьи Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» определено, что если в течение срока испытания командирами (начальниками) будет установлено, что военнослужащий не соответствует требованиям федеральных законов, общевоинских уставов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, определяющих общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, он признается командиром (начальником) воинской части не прошедшим испытание и увольняется с военной службы (направляется для прохождения военной службы по призыву) по основаниям, установленным этим Федеральным законом.

Из материалов дела следует, что в период с 20 часов 30 марта до 13 часов 31 марта 2015 г. К. без уважительных причин отсутствовал в месте службы на полигоне. В результате отсутствия заявителя и других военнослужащих на службе были сорваны ночные стрельбы. За совершение данного грубого дисциплинарного проступка К. объявлен строгий выговор.

Факт совершения К. указанного проступка подтвержден материалами служебного разбирательства, протоколом о грубом дисциплинарном проступке. Отказ К. от дачи письменных объяснений по поводу отсутствия на службе и подписания протокола о грубом дисциплинарном проступке надлежащим образом зафиксирован должностными лицами воинской части в составленном ими акте.

С учетом отрицательной служебной характеристики у командира воинской части имелись законные основания для вывода о несоответствии заявителя требованиям действующего законодательства, предъявляемым к военнослужащим, и признания его в связи с этим не прошедшим испытание.

Довод апелляционной жалобы о несоблюдении процедуры аттестации окружным военным судом обоснованно отклонен, поскольку признание военнослужащего не прошедшим испытание и увольнение его с военной службы по соответствующему основанию в силу п. 3 ст. 34.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» отнесены к компетенции командира (начальника) воинской части, проведения аттестации в данном случае не требуется.

После истечения срока контракта и отказа в заключении контракта сверх предельного возраста пребывания на военной службе военнослужащий подлежит увольнению, что исключает его назначение на иную воинскую должность

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2015 г. № 211-КГ15-29 по заявлению А. (извлечение)

Постановлением президиума Тихоокеанского флотского военного суда от 15 апреля 2015 г. отменено апелляционное определение того же суда от 13 января 2015 г. об удовлетворении заявления и оставлено в силе решение Владивостокского гарнизонного военного суда от 30 октября 2014 г. об отказе в удовлетворении заявления А., в котором он просил признать незаконным приказ командующего Тихоокеанским флотом о назначении его по служебной необходимости на равную воинскую должность.

В кассационной жалобе А., указывая на истечение срока контракта, отказ командования в прохождении им военной службы сверх предельного возраста пребывания на ней и начало в связи с этим процедуры его увольнения в запас, просил постановление президиума флотского военного суда отменить и оставить в силе апелляционное определение.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению ввиду существенного нарушения судами норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что 5 января 2014 г. у А., проходившего военную службу в должности командира большого десантного корабля, истек срок контракта, заключенного с ним до предельного возраста пребывания на военной службе, а в заключении контракта сверх предельного возраста пребывания на военной службе ему было отказано.

В связи с изложенным заявитель 17 марта 2014 г. обратился по команде с рапортом об увольнении с военной службы, попросив не увольнять его в запас до обеспечения жилым помещением по избранному месту жительства.

Приказом командующего Тихоокеанским флотом от 23 июля 2014 г. А. назначен по служебной необходимости на равную должность старшего помощника командира эскадренного миноносца.

Признавая приказ законным, суд первой инстанции исходил из того, что издание приказа было обусловлено служебной необходимостью, в связи с чем командующий флотом правомерно назначил заявителя без его согласия на равную воинскую должность.

Отменяя решение и принимая новое – об удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции указал, что обязательным условием для перевода военнослужащего на другую воинскую должность является прохождение им военной службы по контракту, в связи с чем А. после истечения срока контракта не мог быть назначен на другую воинскую должность и подлежал увольнению по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Отменяя апелляционное определение и оставляя в силе решение суда первой инстанции, президиум флотского военного суда пришел к выводу, что после истечения срока контракта либо достижения предельного возраста пребывания на военной службе военнослужащий сохраняет в полном объеме свой правовой статус, поэтому данные обстоятельства сами по себе не являлись препят-

ствием к переводу заявителя по служебной необходимости на равную воинскую должность без его согласия.

Такой вывод президиума флотского военного суда основан на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что А. был назначен на другую воинскую должность после истечения срока контракта и принятия командованием решения о его увольнении в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе.

Данные обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно п. 1 ст. 43 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» назначение на воинские должности категорий военнослужащих, к которым относится заявитель, производится в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее – Положение).

В соответствии с п. 5 ст. 11 Положения назначение военнослужащего на воинскую должность производится в случае, если он отвечает требованиям, предъявляемым к данной воинской должности; при этом учитываются уровень профессиональной подготовки военнослужащего, его психологические качества, состояние здоровья и иные обстоятельства, предусмотренные Положением.

Одно из таких иных обстоятельств – прохождение военнослужащим военной службы по контракту, в силу п. 2 ст. 15 Положения, является обязательным условием для перевода такого военнослужащего к новому месту военной службы по служебной необходимости с назначением на равную воинскую должность.

Кроме того, согласно подп. «а» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» достижение военнослужащим предельного возраста пребывания на военной службе является основанием для его увольнения с военной службы, а в силу подп. «е» п. 1 и п. 11 ст. 38 названного Закона военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, который устанавливается в соответствии с контрактом о прохождении военной службы.

Из материалов дела следует, что после отказа А. в заключении контракта сверх предельного возраста пребывания на военной службе его нахождение на военной службе было обусловлено исключительно реализацией жилищных прав, закрепленных в п. 1 ст. 23 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих».

При таких данных суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу о том, что после истечения срока контракта и отказа в заключении контракта сверх предельного возраста пребывания на военной службе А. подлежал увольнению, что исключало его назначение на иную воинскую должность.

В связи с изложенным принятое судом апелляционной инстанции решение о признании незаконными действий командующего Тихоокеанским флотом, связанных с назначением А. на должность старшего помощника командира эскадренного миноносца, основано на правильном применении норм материального права.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможно защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в кассационном порядке постановление президиума Тихоокеанского флотского военного суда и оставила в силе решение суда апелляционной инстанции по заявлению А.

Досрочное увольнение военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта является правом командира и производится вне зависимости от волеизъявления военнослужащего

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2016 г. № 207-КГ15-9 по заявлению И. (извлечение)

Апелляционным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда от 19 мая 2015 г. изменено решение Кяхтинского гарнизонного военного суда от 6 марта 2015 г. об отказе в удовлетворении заявления И., в котором он просил, в частности, признать незаконным приказ начальника Пограничного управления от 21 ноября 2014 г. об увольнении заявителя в связи с невыполнением им условий контракта.

На начальника Пограничного управления возложена обязанность по изменению основания увольнения И. на подп. «г» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее – Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»), то есть по состоянию здоровья – в связи с признанием военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе военнослужащего, проходящего военную службу по контракту на воинской должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание до старшины или главного корабельного старшины включительно.

В кассационной жалобе представитель начальника Пограничного управления, указывая на наличие безусловного основания для увольнения И. в связи с невыполнением им условий контракта вне зависимости от наличия других оснований для увольнения с военной службы, что не было учтено окружным военным судом, просил об отмене апелляционного определения и оставлении в силе решения гарнизонного военного суда.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла, что судом апелляционной инстанции допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Изменяя решение суда первой инстанции и возлагая на начальника Пограничного управления обязанность по изменению основания увольнения И. на подп. «г» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», окружной военный суд исходил из того, что до издания оспариваемого приказа у заявителя возникло новое безусловное основание для его увольнения по состоянию здоровья, по которому он подлежал увольнению в обязательном порядке, даже вопреки желанию командования и заявителя.

Данный вывод основан на неправильном истолковании закона. В соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» военная служба является видом федеральной государственной службы. Принципы ее построения и функционирования закреплены в Федеральном законе «О воинской обязанности и воен-

ной службе», согласно п. 1 ст. 50 которого увольнение с военной службы военнослужащих в воинских званиях до полковников, капитанов 1 ранга включительно осуществляется в порядке, установленном Положением о порядке прохождения военной службы, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237 (далее – Положение о порядке прохождения военной службы).

Порядок увольнения военнослужащих с военной службы и исключения их из списков личного состава воинской части установлен в ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, в котором Президентом Российской Федерации, кроме того, воспроизведены указанные в ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» основания, при которых военнослужащий подлежит увольнению, может быть уволен и имеет право на увольнение с военной службы.

Согласно подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Аналогичные положения закреплены в подп. «в» п. 4 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Содержание названных правовых норм указывает на то, что досрочное увольнение военнослужащего с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта является правом командира и производится вне зависимости от волеизъявления военнослужащего.

Из материалов дела следует, что И., проходящий военную службу по контракту, в связи с совершением грубого дисциплинарного проступка и ухудшением результатов служебной деятельности был представлен на аттестационную комиссию, по результатам заседания которой 2 октября 2014 г. начальнику Пограничного управления было рекомендовано уволить заявителя с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Заключением военно-врачебной комиссии медико-санитарной части УФСБ России по Республике Бурятия от 13 ноября 2014 г., рассмотренным без замечаний 1 декабря 2014 г. ЦВВК ФСБ России, заявитель признан ограниченно годным к военной службе.

Приказом начальника Пограничного управления от 21 ноября 2014 г. И. досрочно уволен в запас в связи с невыполнением им условий контракта.

При таких данных, вопреки выводу суда апелляционной инстанции, начальник Пограничного управления вправе был принять решение о досрочном увольнении И. в связи с невыполнением условий контракта даже при наличии заключения военно-врачебной комиссии о признании заявителя ограниченно годным к военной службе.

Что касается положений подп. «г» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», согласно которому военнослужащий, проходящий военную службу по контракту на воинской должности, для которой штатом предусмотрено воинское звание до старшины или главного корабельного старшины включительно, подлежит увольнению с военной службы по состоянию здоровья в связи с признанием его военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе, то оно указывает на невозможность нахождения военнослужащего на военной службе по состоянию здоровья и

само по себе не устанавливает ограничения на его увольнение по другим основаниям.

Следовательно, признание заявителя ограниченно годным к военной службе не могло повлиять на принятие начальником Пограничного управления решения об увольнении заявителя с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

В связи с изложенным вывод гарнизонного военного суда о законности оспариваемого приказа начальника Пограничного управления от 21 ноября 2014 г. основан на правильном применении норм материального права.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила в кассационном порядке апелляционное определение Восточно-Сибирского окружного военного суда от 19 мая 2015 г. и оставила в силе решение Кяхтинского гарнизонного военного суда от 6 марта 2015 г. по заявлению И.

Увольнение военнослужащего с военной службы предполагает исключение его из списков личного состава воинской части в сроки, установленные п. 24 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2015 г. № 208-КГ15-6 по заявлению А. (извлечение)

Решением Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда от 8 сентября 2014 г., с учетом внесенных изменений апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 18 ноября 2014 г., признан незаконным приказ командира воинской части об исключении А. из списков личного состава воинской части без обеспечения его жилым помещением по избранному месту жительства после увольнения с военной службы.

В кассационной жалобе представитель командира воинской части, утверждая, что вывод судов о том, что обеспечение А. служебным жилым помещением не могло явиться препятствием к его увольнению с военной службы и исключению в связи с этим из списков личного состава воинской части без согласия на это заявителя, является ошибочным, просил отменить судебные постановления в части удовлетворенных требований.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла жалобу подлежащей удовлетворению ввиду существенного нарушения судами норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что А., проходивший военную службу в закрытом военном городке на летной должности, в июне 2001 г. был обеспечен по установленным нормам служебным жилым помещением.

В октябре 2002 г. заявитель признан нуждающимся в жилом помещении для постоянного проживания по месту дислокации воинской части в г. Южно-Сахалинске.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 января 2007 г. № 61-р пос. Горячий Пляж Южно-Курильского района Сахалинской области исключен из числа закрытых военных городков.

После признания в марте 2008 г. не годным по состоянию здоровья к летной работе А., имевший к тому времени общую продолжительность военной службы более 10 лет, обратился по команде с рапортом об увольнении с военной

службы в связи с организационно-штатными мероприятиями с предоставлением ему жилого помещения по избранному месту жительства в г. Белгороде до исключения из списков личного состава воинской части. От назначения на другие воинские должности он отказался.

Решением жилищной комиссии воинской части от 12 мая 2008 г. А. признан нуждающимся в жилом помещении в г. Белгороде.

В ходе беседы в связи с предстоящим увольнением командованием было доведено до сведения А., что в связи с тем, что он обеспечен по месту военной службы служебным жильем, он будет уволен и исключен из списков личного состава воинской части с оставлением в списке нуждающихся в получении жилых помещений по избранному месту жительства.

Приказом воинского должностного лица от 24 сентября 2008 г. заявитель уволен с военной службы в запас и приказом командира воинской части от 10 июня 2014 г. исключен из списков личного состава воинской части.

Перед изданием приказа об исключении из списков личного состава воинской части А. 30 апреля 2014 г. по своей инициативе сдал занимаемую служебную квартиру.

Признавая приказ об исключении из списков личного состава воинской части незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что А. признан нуждающимся в жилом помещении как по месту военной службы, так и в избранном месте жительства, служебное жилье по месту военной службы сдал, а согласия на исключение из списков личного состава воинской части до обеспечения жилым помещением в г. Белгороде не давал.

Такой вывод суда основан на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что А. был согласен с увольнением с военной службы, однако возражал против исключения из списков личного состава воинской части до обеспечения жилым помещением в избранном месте жительства, то есть нахождение на военной службе заявитель связывал не с ее прохождением, а с реализацией жилищных прав.

Между тем в соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по организационно-штатным мероприятиям в случае отсутствия у них по месту военной службы жилых помещений.

Запрет на исключение уволенного с военной службы военнослужащего из списков личного состава воинской части, в отсутствие его согласия на это, в силу п. 16 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, предусмотрен лишь в случае необеспечения его денежным, вещевым и продовольственным обеспечением.

При таких данных увольнение А. с военной службы предполагало исключение его из списков личного состава воинской части в сроки, установленные п. 24 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Основания для продолжения заявителем военной службы после признания его негодным к летной работе и отказа от назначения на другие воинские должности также отсутствовали.

Положения п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», а также п. 14 ст. 15 названного Закона, согласно которым при наличии у военнослужащего по месту военной службы жилого помещения, в случае перемены места жительства, его сдача производится при получении жилого помещения по избранному месту жительства, не содержат указания на форму собственности жилищного фонда, в котором проживает увольняемый военнослужащий по месту военной службы.

Боле того, в силу п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащих, общая продолжительность военной службы которого составляет 10 лет и более, нуждающийся в улучшении жилищных условий, без его согласия не может быть уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления ему жилого помещения по нормам жилищного законодательства; при желании указанного военнослужащего получить жилое помещение не по месту дислокации воинской части он увольняется с военной службы и обеспечивается жилым помещением в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Следовательно, непредоставление заявителю жилья по избранному месту жительства при обеспеченности его по месту военной службы служебным жилым помещением по установленным нормам само по себе не является препятствиями для увольнения в запас.

Для оценки правомерности такого увольнения суду требовалось установить возможность проживания А. в занимаемом жилом помещении, поскольку согласно п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, обеспечиваемые служебными жилыми помещениями, заключают с Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) договор найма служебного жилого помещения, в котором определяется порядок предоставления служебного жилого помещения, его содержания и освобождения.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 48 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», исходя из положений абз. 14 п. 1 ст. 15, абз. 2 п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы при решении споров о правомерности увольнения с военной службы военнослужащих, обеспеченных служебными жилыми помещениями, до реализации ими права на жилище по избранному постоянному месту жительства, отличному от места военной службы, суды должны учитывать условия заключенного военнослужащими договора найма служебного жилого помещения (жилищного договора) и другие заслуживающие внимания обстоятельства.

В суде установлено, что при получении А. в июне 2001 г. служебного жилого помещения договор найма с ним не заключался, а при увольнении командование дало заявителю гарантии сохранения за ним этого помещения до обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Сдача А. служебного жилого помещения не свидетельствует о нарушении командованием его жилищных прав по месту службы, поскольку закон содержит запрет на увольнение определенной категории военнослужащих, к кото-

рой относится заявитель, без предоставления жилья по избранному месту жительства только в случае их необеспеченности вовсе жилым помещением по месту военной службы и отсутствия согласия на увольнение.

К тому же, как следует из письменных объяснений врио командира воинской части, после сдачи заявителем служебного жилья оно никому не перераспределалось, в него никто не вселялся, а заявителю было предложено занять служебное жилое помещение до обеспечения жильем по избранному месту жительства.

Из изложенного следует, что увольнение А. с военной службы не предполагало необходимости освобождения им занимаемого по месту военной службы служебного жилого помещения до реализации жилищных прав по избранному месту жительства.

Таким образом, приказ об исключении заявителя из списков личного состава воинской части, изданный во исполнение приказа о его увольнении с военной службы, Судебная коллегия находит законным, а выводы судов об обратном – ошибочными.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в кассационном порядке обжалуемые судебные акты в части признания незаконным приказа об исключении заявителя из списков личного состава воинской части и приняла по делу новое решение – об отказе А. в удовлетворении заявления.

По аналогичным обстоятельствам определением Судебной коллегии по делам военнослужащих от 13 октября 2015 г. № 208-КГ15-8 отменены решение Хабаровского гарнизонного военного суда от 31 октября 2014 г. и апелляционное определение Дальневосточного окружного военного суда от 22 января 2015 г. по заявлению К., в котором он просил признать незаконным приказ командующего войсками Восточного военного округа в части исключения его из списков личного состава воинской части ввиду увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями без обеспечения жилым помещением по избранному месту жительства.

Вместе с тем, установив, что обстоятельства, связанные с сохранением за заявителем служебного жилого помещения до обеспечения жильем в избранном месте жительства, в судебном заседании первой инстанции выяснены не были, Судебная коллегия по делам военнослужащих направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Приказ об увольнении военнослужащего с военной службы в связи с нарушением запретов, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», признан судом законным

Приказом начальника Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации от 28 мая 2014 г. З. уволен с военной службы в запас в связи с нарушением запретов, ограничений и обязанностей, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Полагая, что в результате такого увольнения нарушены его права, З. обратился в военный суд с заявлением, в котором просил признать указанный при-

каз незаконным и обязать уволить его с военной службы по иному основанию – в связи с существенным и (или) систематическим нарушением Министерством обороны Российской Федерации в отношении его условий контракта.

Решением Московского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано.

При этом суды первой и апелляционной инстанций исходили из следующего.

Согласно подп. «е.1» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с нарушением запретов, связанных с прохождением военной службы, предусмотренных п. 7 ст. 10 и ст. 27.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

В соответствии с п. 7 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие не вправе заниматься другой оплачиваемой деятельностью, за исключением педагогической, научной и иной творческой деятельности, если она не препятствует исполнению обязанностей военной службы (при этом педагогическая, научная и иная творческая деятельность не может финансироваться исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации); заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе участвовать в управлении коммерческими организациями, за исключением случаев, когда непосредственное участие в управлении указанными организациями входит в должностные обязанности военнослужащего, а также оказывать содействие физическим и юридическим лицам в осуществлении предпринимательской деятельности, используя свое служебное положение.

Из ст. 27.1 вышеназванного Закона следует, что на военнослужащего, если иное не предусмотрено федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом «О противодействии коррупции» и ст.ст. 17, 18 и 20 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», за исключением ограничений, запретов и обязанностей, препятствующих исполнению военнослужащим обязанностей по осуществлению оперативно-розыскной деятельности или обеспечению безопасности Российской Федерации. Установление таких исключений и определение военнослужащих, в отношении которых применяются данные исключения, в каждом отдельном случае осуществляются в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Судом первой инстанции установлено, что на момент принятия решения об увольнении заявителя с военной службы по указанному выше основанию он проходил военную службу в распоряжении командира (начальника) в связи с организационно-штатными мероприятиями, то есть являлся военнослужащим и был обязан соблюдать требования о порядке прохождения военной службы.

Между тем, как усматривается из сообщения Управления Федеральной налоговой службы по г. Москве, З. по состоянию на 31 марта 2014 г. являлся учредителем (участником) двух обществ с ограниченной ответственностью, а также генеральным директором одного из них. Согласно справке 2-НДФЛ сумма дохода З. за 2013 г. в одном из этих обществ составила 714 360 руб.

При таких данных и принимая во внимание, что приказ об увольнении заявителя с военной службы по указанному выше основанию издан уполномоченным на то воинским должностным лицом и в пределах сроков, предусмотренных п. 4 ст. 51.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», суд обоснованно признал приказ об увольнении заявителя с военной службы соответствующим требованиям действующего законодательства.

Признание военнослужащего не годным по состоянию здоровья к военной службе, истечение срока заключенного контракта или достижение им предельного возраста пребывания на военной службе не может служить препятствием для восстановления его на военной службе

Е. приказом командующего регионального командования внутренних войск МВД России уволен с военной службы в связи с признанием его военно-врачебной комиссией не годным к военной службе.

Барнаульский гарнизонный военный суд признал необоснованным увольнение Е. без предоставления ему жилищной субсидии и обязал указанное воинское должностное лицо отменить приказ об увольнении заявителя с военной службы, оставив без удовлетворения требование Е. о восстановлении в прежней, равной или не ниже должности.

Разрешая требование заявителя о восстановлении на военной службе в прежней или равной должности, суд первой инстанции исходил из того, что по решению военно-врачебной комиссии Е. признан не годным к военной службе и ему необходимо предоставить освобождение от исполнения обязанностей военной службы на срок до исключения из списков личного состава воинской части.

Суд апелляционной инстанции отменил решение гарнизонного военного суда в указанной части по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» в случае необоснованного увольнения с военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, причиненные им в связи с этим убытки подлежат возмещению в полном объеме. Указанные военнослужащие восстанавливаются на военной службе в прежней (а с их согласия – равной или не ниже) должности и обеспечиваются всеми видами довольствия, недополученного после необоснованного увольнения. Этот период включается в общую продолжительность военной службы и срок, определенный для присвоения очередного воинского звания.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 50 постановления от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» разъяснил, что в случае признания судом увольнения с военной службы необоснованным такие обстоятельства, как признание военнослужащего не годным по состоянию здоровья к военной службе, истечение срока заключенного контракта или достижение им предельного возраста пребывания на военной службе на момент судебного разбирательства не могут служить препятствиями к принятию решения о восстановлении военнослужащего в прежней или равной должности.

Поскольку суд первой инстанции нарушил нормы материального права, окружной военный суд принял новое решение, возложив на воинское должностное лицо обязанность по восстановлению Е. в прежней (равной или не ниже) должности.

Военнослужащий, зачисленный в распоряжение командира (начальника) в связи с возбуждением уголовного дела, подлежит увольнению с военной службы в связи с окончанием срока контракта в случае, если в отношении его не избрана мера пресечения, в реализации которой участвует командование воинской части

Приказом министра обороны Российской Федерации от 29 октября 2012 г. Х. освобожден от занимаемой должности и зачислен в распоряжение командира воинской части в связи с возбуждением в отношении его уголовного дела.

На момент истечения срока его контракта (20 июня 2013 г.) окончательного решения по уголовному делу в отношении Х. принято не было, в связи с чем он был уволен с военной службы по подп. «б» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Рязанский гарнизонный военный суд, удовлетворяя заявление Х. об оспаривании приказа об увольнении, исходил из того, что на момент его издания окончательного решения по возбужденному уголовному делу не было принято, а поэтому у командования отсутствовали законные основания для увольнения заявителя по истечении срока контракта.

Суд апелляционной инстанции данное решение в связи с неправильным применением норм материального права отменил.

Согласно п. 4 ст. 42 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий может проходить военную службу не на воинских должностях в случае нахождения в распоряжении командира (начальника) в связи с возбуждением в отношении военнослужащего уголовного дела – до вынесения решения по уголовному делу.

Вместе с тем, подп. «б» п. 1 ст. 51 названного Федерального закона предписывает, что военнослужащий подлежит увольнению с военной службы по истечении срока военной службы по призыву или срока контракта.

К тому же согласно абз. 9 п. 11 ст. 38 указанного Федерального закона военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы за исключением случая, когда в отношении военнослужащего, являющегося подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, избраны меры пресечения в виде заключения под стражу с содержанием на гауптвахте или наблюдения командования воинской части.

По делу не установлено, что командование воинской части участвовало в реализации избранной в отношении Х. меры пресечения.

Нахождение Х. в распоряжении воинского должностного лица до вынесения решения по уголовному делу определяет лишь его служебно-должностное положение в указанный период, но не является запретом на принятие решения об увольнении военнослужащего с военной службы.

Кроме того, в соответствии с п. 5 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» контракт о прохождении военной службы не может быть заключен с гражданами, в отношении которых ведется дознание либо предварительное следствие или уголовное дело в отношении которых передано в суд.

При таких обстоятельствах оснований для заключения с Х. нового контракта, несмотря на его обращения об этом, не имелось.

Увольнение с военной службы беременных военнослужащих женского пола не допускается, кроме случаев, предусмотренных Положением о порядке прохождения военной службы

К. приказом командующего войсками Центрального регионального командования ВВ МВД России от 15 июня 2015 г. уволена с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Решением Московского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, заявление К. об отмене приказа об увольнении и восстановлении в распоряжении командира воинской части удовлетворено по следующим основаниям.

В соответствии с п. 9 ст. 10 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие женского пола и военнослужащие, воспитывающие детей без отца (матери), пользуются социальными гарантиями и компенсациями в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами об охране семьи, материнства и детства.

В силу п. 25 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы увольнение с военной службы беременных военнослужащих женского пола, военнослужащих женского пола, имеющих детей в возрасте до трех лет, а также имеющих детей-инвалидов или инвалидов с детства до достижения ими возраста 18 лет (одиноких матерей, имеющих детей в возрасте до 14 лет), не допускается, кроме случаев, когда военнослужащие подлежат увольнению с военной службы по основаниям, предусмотренным подп. «а», «в» – «ж» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», или когда увольнение осуществляется по их желанию.

По делу установлено, что К. на момент издания приказа об увольнении с военной службы находилась на учете по беременности, срок которой составлял 9 – 10 недель. При этом рапорт об увольнении она не подавала, а оснований, указанных в п. 25 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, не имелось.

Воспитание военнослужащим несовершеннолетнего ребенка и осуществление за ним ухода без участия матери (отца) являются обстоятельствами, подлежащими установлению при решении вопроса о возможности увольнения такого военнослужащего по семейным обстоятельствам

Решением аттестационной комиссии Пограничного управления ФСБ России по Республике Дагестан, утвержденным начальником этого управления, отказано в удовлетворении рапорта Т. об увольнении по семейным обстоятельствам.

В обоснование отказа комиссия указала на необоснованность причины увольнения с военной службы, так как бывшая жена заявителя имеет равные с ним родительские права в отношении их трех несовершеннолетних детей. При этом проживание детей с заявителем без матери не свидетельствует о том, что он один занимается их воспитанием и осуществляет уход за ними.

Т. оспорил указанные действия в суде, и решением Махачкалинского гарнизонного военного суда его заявление удовлетворено.

Суд апелляционной инстанции с данным решением согласился, указав следующее.

В соответствии с подп. «в» п. 3 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и подп. «в» п. 5 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту,

имеет право на досрочное увольнение с военной службы по семейным обстоятельствам, в частности в связи с необходимостью ухода за ребенком, не достигшим возраста 18 лет, которого военнослужащий воспитывает без матери (отца).

Суд установил, что решением Дербентского городского суда от 4 марта 2014 г. брак между Т. и его супругой расторгнут, местом жительства их несовершеннолетних детей (10, 8 и 6 лет) определено место жительства заявителя. При этом из решения городского суда следует, что с августа 2013 г. дети находятся на иждивении заявителя. Факт нахождения детей на иждивении Т. подтверждается также справкой, выданной Муниципальным казенным учреждением «Дербентское городское управление образования».

В суде апелляционной инстанции Т. пояснил, что его бывшая супруга изъявляет желание видеть детей не более одного раза в несколько месяцев, их воспитанием занимается только он и из-за необходимости исполнять обязанности военной службы вынужден нанимать для детей няню.

Доказательств обратного командование, вопреки требованиям ч. 1 ст. 56 и ч. 1 ст. 249 ГПК РФ (ч. 2 ст. 62, ч. 11 ст. 226 КАС РФ), в суд не представило.

Поскольку дети проживают совместно с заявителем и находятся на его иждивении, а их мать, проживающая отдельно, фактически не занимается воспитанием, содержанием и уходом за ними, то суд пришел к обоснованному выводу о наличии у Т. права на досрочное увольнение с военной службы по семейным обстоятельствам.

При досрочном увольнении военнослужащего с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «е.2» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в связи с несоответствием требованиям, неисполнением обязанностей, нарушением запретов, несоблюдением ограничений, установленных законодательством Российской Федерации и связанных с прохождением военной службы в органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны), проведение аттестации военнослужащего не является обязательным

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда признаны незаконными приказы руководителя Службы организационно-кадровой работы ФСБ России и начальника Хабаровского пограничного института ФСБ России о досрочном увольнении Ц. с военной службы и исключении его из списков личного состава института.

Вывод о незаконности досрочного увольнения заявителя с военной службы гарнизонный военный суд обосновал нарушением порядка его увольнения, что выразилось в отсутствии аттестации, которая, по мнению суда, являлась обязательной.

Окружной военный суд, отменив данное решение, принял новое – об отказе в удовлетворении заявления Ц., указав в апелляционном определении следующее.

В соответствии с подп. «е.2» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту в органах федеральной службы безопасности, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с несоответствием требованиям, неисполнением обязанностей, нарушением запретов, несоблюдением ограничений, установленных законодательством Российской Федерации и связанных с прохождением военной службы в органах федеральной службы безопасности.

Согласно подп. «в» ч. 3 ст. 16 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» военнослужащие органов федеральной службы безопасности

могут быть уволены со службы в случае наличия у них судимости в настоящее время или в прошлом, в том числе снятой или погашенной, если в отношении их прекращено уголовное преследование за истечением срока давности, в связи с примирением сторон, вследствие акта об амнистии или в связи с деятельным раскаянием.

По делу установлено, что 29 апреля 2015 г. постановлением гарнизонного военного суда на основании п. 3 ч. 2 ст. 27 УПК РФ вследствие акта амнистии прекращено уголовное дело по обвинению Ц. в совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ. Со ссылкой на данное постановление заявитель и был уволен с военной службы по вышеуказанному основанию.

Поскольку нормы Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», Положения о порядке прохождения военной службы, а также Инструкция о порядке организации и проведения аттестации военнослужащих органов федеральной службы безопасности, утвержденная приказом ФСБ России от 9 января 2008 г. № 3дсп, не содержат указаний об аттестации военнослужащего как об обязательном элементе процедуры его досрочного увольнения по указанному выше основанию, окружной военный суд пришел к выводу о том, что факт прекращения уголовного преследования в отношении названного военнослужащего вследствие акта об амнистии уже сам по себе свидетельствует о несоответствии Ц. требованиям, установленным для военнослужащих органов федеральной службы безопасности, и является достаточным основанием для прекращения с ним военно-служебных отношений по инициативе командования, не порождая у должностных лиц обязанности по получению и анализу какой-либо дополнительной характеризующей информации, в том числе посредством проведения аттестации военнослужащего.

Военнослужащий, которому по приговору назначено дополнительное наказание в виде лишения воинского звания, увольняется с военной службы по соответствующему основанию со дня начала отбывания наказания, указанного в приговоре суда

Л. обратился в суд с заявлением, в котором оспорил приказ руководителя 54-го военного следственного отдела от 20 апреля 2015 г. в части исключения его из списков личного состава отдела с 22 января 2015 г. в связи с увольнением с военной службы как осужденного по приговору суда к лишению воинского звания, просил обязать указанное должностное лицо исключить его из списков личного состава в течение месяца со дня поступления в отдел выписки из приказа об увольнении с военной службы, после предоставления основного отпуска за 2015 г. и обеспечения положенными видами довольствия.

Решением Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда, оставленным без изменения апелляционным определением окружного военного суда, в удовлетворении заявления отказано по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» граждане приобретают статус военнослужащих с началом военной службы и утрачивают его с окончанием военной службы.

В соответствии с п. 1 ст. 48 и подп. «д» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий подлежит увольнению с военной службы в связи с лишением его воинского звания, которое возможно только по приговору суда.

В силу п. 11 ст. 38 названного Федерального закона окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части.

В п. 27 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы установлено, что военнослужащий, осужденный за совершенное преступление к лишению свободы, ограничению свободы или лишению воинского звания, увольняется с военной службы по соответствующему основанию со дня начала отбывания наказания, указанного в приговоре суда.

По приговору Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 25 ноября 2014 г., вступившему в законную силу 22 января 2015 г., Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ, и ему назначено наказание в виде штрафа в размере 350 000 руб. и лишения воинского звания «капитан юстиции».

Согласно ст. 16 УИК РФ наказание в виде лишения воинского звания исполняется судом, вынесшим приговор. Требования приговора о лишении воинского звания исполняются должностным лицом, присвоившим звание, либо соответствующими органами Российской Федерации.

Суд, вынесший приговор о лишении осужденного воинского звания, после вступления его в законную силу направляет копию приговора должностному лицу, присвоившему осужденному званию. Должностное лицо в установленном порядке вносит в соответствующие документы запись о лишении осужденного воинского звания, а также принимает меры по лишению его прав и льгот, предусмотренных для лиц, имеющих соответствующее звание (чч. 1 и 2 ст. 61 УИК РФ).

Приказом главнокомандующего внутренними войсками МВД России от 16 апреля 2015 г. Л. уволен с военной службы на основании подп. «д» п. 1 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» – в связи с лишением его воинского звания по приговору суда – с 22 января 2015 г., а приказом руководителя 54-го военного следственного отдела от 20 апреля 2015 г. он с вышеуказанной даты исключен из списков личного состава отдела.

Следовательно, отношения, связанные с прохождением военной службы, в отношении Л. прекращены не на основании приказов воинских должностных лиц об увольнении его с военной службы и исключении из списков личного состава, а в соответствии с приговором суда и в силу прямых указаний в законе, согласно которым он со дня вступления приговора суда в законную силу утратил статус военнослужащего и подлежал увольнению с военной службы в связи с лишением его воинского звания.

§ 2. Вопросы, связанные с обеспечением военнослужащих денежным довольствием и иными отдельными выплатами

У суда не имелось оснований для вывода об отсутствии у начальника финансового органа права на обращение в суд с иском о взыскании ущерба, связанного с невозвращением выданных военнослужащему в качестве аванса на командировочные расходы денежных средств

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2015 г. № 211-КГ15-23 по иску финансового органа (извлечение)

Определением Фокинского гарнизонного военного суда от 22 декабря 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского

флотского военного суда от 24 февраля 2015 г., исковое заявление представителя начальника филиала № 2 федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Приморскому краю» (далее – Управление, Управление финансового обеспечения), в котором она просила взыскать с М. 49 400 руб. в счет возмещения денежных средств, выданных филиалом в качестве аванса на командировочные расходы, оставлено без рассмотрения на основании ст. 222 ГПК РФ в связи с тем, что заявление подписано и подано лицом, не имеющим полномочий на его подписание и предъявление иска.

В кассационной жалобе представитель начальника филиала Управления финансового обеспечения просила об отмене судебных постановлений и о направлении дела в гарнизонный военный суд для его рассмотрения по существу, указав в обоснование, что в силу закона филиал Управления финансового обеспечения уполномочен осуществлять взыскание задолженности по платежам в бюджет, а лишение филиала права на доступ к правосудию окажет негативное влияние на расходование бюджетных средств.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к следующим выводам.

Согласно ст. 387 ГПК РФ основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального и процессуального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что после издания командиром воинской части приказа о направлении рядового М., проходящего военную службу по контракту, в служебную командировку последний обратился в филиал Управления финансового обеспечения с заявлением о выдаче аванса на командировочные расходы.

Отчет об израсходовании полученных денежных средств в размере 49 400 руб. по возвращении из командировки М. не представил, что явилось основанием для обращения представителя начальника филиала Управления в суд с иском о взыскании с М. указанной суммы на основании положений ст.ст. 15, 1064 и 1082 ГК РФ.

Оставляя исковое заявление без рассмотрения, суд исходил из того, что правом на обращение в суд с иском о возмещении ущерба на основании Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» (далее – Закон о материальной ответственности военнослужащих) обладает только командир воинской части, а то обстоятельство, что филиал Управления финансового обеспечения является довольствующим финансовым органом воинской части, не дает ему права на предъявление иска вместо командира.

Соглашаясь с определением гарнизонного военного суда, флотский военный суд дополнительно указал, что возникшие в связи с выдачей М. денежного аванса правоотношения связаны с исполнением последним обязанностей военной службы, в связи с чем порядок и основания привлечения к ответственности регулируются Законом о материальной ответственности военнослужащих.

Однако такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального и процессуального права.

В суде установлено, что денежные средства в качестве аванса на командировочные расходы М. были выданы не воинской частью, в которой он проходит военную службу, а филиалом Управления финансового обеспечения.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для определения надлежащего истца по делу.

Согласно п. 12 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» имущество Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов является федеральной собственностью и находится у них на правах хозяйственного ведения или оперативного управления.

В соответствии с пп. 6 и 23 Положения о федеральном казенном учреждении «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Приморскому краю» (далее – Положение об Управлении финансового обеспечения), утвержденного министром обороны Российской Федерации 12 сентября 2011 г., Управление является юридическим лицом, а его имущество формируется, в частности, за счет средств федерального бюджета и имущества, закрепленного за ним на праве оперативного управления.

На правах структурного подразделения в Управление финансового обеспечения на основании пп. 1 и 8 Положения о филиале № 2 федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Приморскому краю» (далее – Положение о филиале), утвержденного руководителем Управления финансового обеспечения 2 ноября 2011 г., входит его филиал, который является уполномоченным финансовым органом Управления финансового обеспечения.

Из изложенного следует, что перечисленные М. денежные средства являлись имуществом Министерства обороны Российской Федерации и находились в оперативном управлении филиала Управления.

Согласно пп. 11 и 12 Положения об Управлении финансового обеспечения Управление отвечает по своим обязательствам денежными средствами, находящимися в его распоряжении, от своего имени приобретает и осуществляет имущественные и неимущественные права, несет обязанности самостоятельно, выступает истцом и ответчиком в судах в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Аналогичные нормы содержатся в пп. 2, 8 и 9 Положения о филиале, п. 18 которого, кроме того, обязывает филиал обеспечить сохранность закрепленного за ним имущества и эффективное использование его по назначению.

Изложенное указывает на то, что филиал Управления финансового обеспечения является заинтересованным лицом в контроле за надлежащим использованием денежных средств, являющихся федеральной собственностью и находящихся в его оперативном управлении.

Согласно ч. 1 ст. 3 ГПК РФ заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

При таких данных у судов не имелось оснований для вывода об отсутствии у начальника филиала Управления финансового обеспечения, при наличии соответствующих полномочий, права на обращение в суд с иском заявлением

о взыскании ущерба, связанного с невозвращением выданных филиалом в качестве аванса на командировочные расходы денежных средств.

То обстоятельство, что при разрешении данного дела следует руководствоваться Законом о материальной ответственности военнослужащих, не является основанием к отказу представителю филиала Управления в доступе к правосудию.

В силу ст. 2 Закона о материальной ответственности военнослужащих к воинским частям также относятся органы военного управления и организации, в которых в соответствии с законодательством Российской Федерации военнослужащие проходят военную службу.

В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимися в п. 2 постановления от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», при принятии заявлений и исковых заявлений к производству суда необходимо иметь в виду, что в качестве заинтересованных лиц могут выступать воинские должностные лица, под которыми понимаются в том числе руководители управлений, департаментов, учреждений и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

Следовательно, начальник Управления финансового обеспечения, являющийся воинским должностным лицом организации, вправе поставить вопрос о возмещении в судебном порядке ущерба, причиненного военнослужащими, стоящими на финансовом обеспечении в Управлении, имуществу, находящемуся в федеральной собственности и закрепленному за Управлением либо его филиалом.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих определение Фокинского гарнизонного военного суда от 22 декабря 2014 г. и апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 24 февраля 2015 г. по иску представителя финансового органа отменила и направила дело на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Право на получение денежной компенсации военнослужащий приобретает со дня заключения договора найма (поднайма) жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2016 г. № 205-КГ15-45 по заявлению Д. (извлечение)

Решением Махачкалинского гарнизонного военного суда от 13 февраля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 13 мая 2015 г., удовлетворено заявление Д., в котором он просил признать незаконным отказ руководителя федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Республике Северная Осетия – Алания» (далее – Управление финансового обеспечения по Республике Северная Осетия – Алания) выплатить в полном объеме денежную компенсацию за наем жилого помещения с января по октябрь 2014 г. и возложить на руководителя названного учреждения обязанность по выплате за этот период компенсации из расчета 5 400 руб. в месяц с учетом ранее выплаченной суммы в размере 2 980 руб.

В кассационной жалобе представитель должностного лица, указав, что законодательство связывает получение военнослужащим денежной компенсации

за наем (поднаем) жилого помещения с подачей рапорта о выплате компенсации, который Д. был подан лишь в октябре 2014 г., полагал необоснованными его требования о выплате компенсации в связи с наймом жилого помещения с января по октябрь 2014 г.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что Д., признанный в установленном порядке нуждающимся в жилом помещении по месту военной службы, 2 октября 2014 г. обратился по команде с рапортом, в котором просил выплатить ему денежную компенсацию за наем жилого помещения (далее – денежная компенсация) с 1 января 2014 г., приложив договор найма жилого помещения, датированный 11 октября 2014 г., справку о составе своей семьи, другие документы.

Рапорт в воинской части был зарегистрирован 14 октября 2014 г., после чего приказом командира войсковой части 00000 от 31 октября 2014 г. было предписано выплатить Д. денежную компенсацию из расчета 5 400 руб. в месяц с января по октябрь 2014 г. Однако в выплате указанной компенсации в требуемом размере заявителю было отказано Управлением финансового обеспечения по Республике Северная Осетия – Алания, что им было оспорено в судебном порядке.

Удовлетворяя заявление, суд первой инстанции исходил из того, что отказом Д. в выплате денежной компенсации были нарушены его права на жилище, в связи с чем его требования подлежат удовлетворению в полном объеме.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что Д. до января 2014 г. получал денежную компенсацию и после этого права на нее не утратил, а в октябре 2014 г. представил документы, подтверждающие наем им жилого помещения в оспариваемый период.

Между тем такие выводы основаны на неправильном истолковании норм материального права и не учитывают другие подлежащие применению положения закона.

Как усматривается из материалов дела, основанием для отказа Д. в выплате денежной компенсации за период с января по октябрь 2014 г. явилось то обстоятельство, что в заключенном им с наймодателем 11 октября 2014 г. договоре найма жилого помещения условия договора применялись к их отношениям, возникшим до заключения договора.

Согласно пп. 1 и 2 ст. 425 ГК РФ договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения; стороны вправе установить, что условия заключенного ими договора применяются к их отношениям, возникшим до заключения договора, если иное не установлено законом или не вытекает из существа соответствующих отношений.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что наличие в договоре условия о применении заключенного договора к отношениям, возникшим до его заключения, не влияет на определение момента, с которого договор считается заключенным.

Следовательно, датой заключения Д. договора найма жилого помещения является 11 октября 2014 г.

Указанное обстоятельство имеет существенное значение для данного дела.

Согласно п. 3 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по кон-

тракту, и членам их семей, прибывшим на новое место военной службы, до получения жилых помещений предоставляются служебные жилые помещения, жилые помещения маневренного фонда или общежития, а в случае их отсутствия воинские части по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

В соответствии с пп. 2 и 3 Положения о выплате денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений), утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 (далее – Положение), денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений военнослужащему выплачивается ежемесячно одновременно с выплатой денежного довольствия за истекший месяц по месту его военной службы.

Аналогичные положения закреплены в п. 12 Инструкции о мерах по реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации Постановления Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 909 (далее – Инструкция).

Кроме того, согласно п. 14 Инструкции выплата денежной компенсации производится со дня найма (поднайма) жилого помещения после прибытия к месту военной службы на основании рапорта военнослужащего, в котором, помимо прочего, указывается дата начала найма (поднайма) жилья.

Из изложенных положений нормативных актов следует, что:

ежемесячная денежная компенсация выплачивается военнослужащему, признанному нуждающимся в жилом помещении по месту военной службы, начиная с месяца, следующего за месяцем, в котором военнослужащий представил договор найма (поднайма) жилья;

основанием для начала выплаты является рапорт военнослужащего с приложением к нему документов, подтверждающих право на получение денежной компенсации;

день найма (поднайма) жилого помещения может не совпадать с фактической датой начала найма (поднайма) жилья.

Таким образом, Правительством Российской Федерации и министром обороны Российской Федерации в пределах предоставленных им полномочий определено, что право на получение денежной компенсации военнослужащий приобретает со дня заключения договора найма (поднайма) жилого помещения.

При таких данных Д. имеет право на получение денежной компенсации со дня заключения им договора найма жилого помещения, то есть с 11 октября 2014 г.

Из материалов дела не усматривается исключительных обстоятельств, свидетельствующих об уважительности причин заключения заявителем договора спустя десять месяцев после фактической даты начала найма жилья.

Что касается указанного в договоре соглашения о применении к отношениям, сложившимся между Д. и наймодателем до заключения договора, условий об обязанности заявителя по внесению ежемесячной платы за пользование квартирой с января по октябрь 2014 г., то они, являющиеся по своей сути гражданско-правовыми, не могут распространяться на административные отношения,

основанные на властном подчинении одной стороны другой, основанные на ином правовом регулировании, и налагать на финансовый орган Министерства обороны Российской Федерации обязанность по возмещению понесенных заявителем расходов за этот период.

Для выплаты денежной компенсации Правительством Российской Федерации установлены иные условия, которые заявителем не выполнялись до даты заключения договора найма жилого помещения.

Таким образом, суды пришли к ошибочному выводу о праве Д. на получение денежной компенсации за наем жилого помещения за период с января по октябрь 2014 г.

Ссылка суда апелляционной инстанции на получение заявителем денежной компенсации до января 2014 г. как на основание сохранения этого права впоследствии является несостоятельной, поскольку до этой даты Д. осуществлял наем другого помещения, а затем изменил место своего жительства, что указывает на необходимость представления им установленных в Инструкции документов, обосновывающих право на получение денежной компенсации.

Придя к выводу о праве Д. на денежную компенсацию с фактической даты начала найма жилого помещения, суды оставили без внимания имеющуюся в деле и исследованную в суде апелляционной инстанции копию другого договора найма заявителем того же жилого помещения, датированного 11 января 2014 г., сроком на один год с 1 января по 31 декабря 2014 г.

Установление обстоятельств заключения данного договора, в том числе его подлинности, и уважительности причин несвоевременного представления договора командиру воинской части имело существенное значение для дела. Однако судом указанное обстоятельство не исследовалось и оценка договору в решении от 11 января 2014 г. не дана.

Кроме того, возлагая на руководителя Управления финансового обеспечения по Республике Северная Осетия – Алания обязанность по выплате Д. за период с января по октябрь 2014 г. денежной компенсации из расчета 5 400 руб. в месяц, суд первой инстанции оставил без внимания то, что заявитель просил произвести выплату компенсации с учетом ранее выплаченной суммы в размере 2 980 руб.

Нарушение судом норм материального права и недоказанность установленных судом обстоятельств, имеющих значение для дела, привели к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства о праве Д. на получение денежной компенсации за наем жилого помещения с января по октябрь 2014 г.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, а дело направила на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Безвозмездный перевоз личного имущества военнослужащего является компенсацией транспортных расходов, понесенных им при переезде к новому месту жительства, а сам перевоз может быть осуществлен различными видами транспорта (за исключением воздушного) с возмещением фактических расходов не выше стоимости перевоза в контейнере массой 20 тонн

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 1 марта 2016 г. № 201-КГ16-4 по заявлению К. (извлечение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 6 августа 2015 г. отменено решение Калужского гарнизонного военного суда от

19 мая 2015 г. об удовлетворении заявления К., в котором он просил признать незаконным отказ военного комиссара Калужской области компенсировать ему произведенные расходы по доставке личного имущества от места службы к избранному месту жительства после увольнения в запас, а также взыскать с военного комиссариата указанные расходы в размере 30 028 руб. 64 коп. и судебные расходы в размере 3 300 руб.

По делу принято новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе К., указывая на наличие установленного в законе права на возмещение расходов по перевозке личного имущества при отсутствии железнодорожного транспорта от прежнего места жительства, просил апелляционное определение отменить, оставить в силе решение гарнизонного военного суда.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по делам военнослужащих.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение окружного военного суда подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что К., проходивший военную службу в воинской части, дислоцированной в г. Остров-5 Псковской области, в связи с увольнением в запас по истечении срока контракта приказом командира воинской части от 22 августа 2014 г. был исключен с 5 сентября 2014 г. из списков личного состава воинской части.

По прибытии к избранному месту жительства К. обратился к военному комиссару Калужской области с заявлением об оплате расходов по перевозу личных вещей от прежнего места военной службы к избранному месту жительства в пос. Воротынок Калужской области автомобильным транспортом, однако получил отказ, который оспорил в судебном порядке.

Удовлетворяя заявление, суд первой инстанции исходил из того, что право на бесплатный провоз личного имущества к избранному месту жительства возникает у военнослужащего при увольнении с военной службы, а понесенные в связи с этим расходы подлежат возмещению.

Отменяя решение и принимая новое судебное постановление – об отказе в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции в обоснование указал, что возмещению подлежат расходы, которые уволенный военнослужащий понес в связи с перевозом личного имущества железнодорожным транспортом, и лишь в случае его отсутствия он имеет право на возмещение расходов по перевозу имущества иными видами транспорта (за исключением воздушного).

Кроме того, суд апелляционной инстанции указал, что на основании представленных документов такому военнослужащему могут быть возмещены расходы по перевозу имущества автомобильным транспортом от прежнего места службы до железнодорожной станции и от железнодорожной станции до избранного места жительства, однако К. при наличии железнодорожного сообщения между г. Псковом и г. Калугой правом на бесплатный провоз личного имущества железнодорожным транспортом не воспользовался.

Между тем такие выводы основаны на неправильном истолковании норм материального права.

Согласно п. 3 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» социальная защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, органами военного управления и органами местного самоуправления.

Исходя из правового статуса военнослужащих, обусловленного, в частности, условиями прохождения военной службы в месте, отличном от избранного места жительства после увольнения с военной службы, в п. 1.2 ст. 20 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» закреплено право военнослужащих при увольнении на перевоз на безвозмездной основе личного имущества к избранному месту жительства.

Такой перевоз осуществляется железнодорожным транспортом, а там, где нет железнодорожного транспорта, – другими видами транспорта (за исключением воздушного). В случае перевоза личного имущества в отдельном вагоне, багажом и мелкой отправкой возмещаются фактические расходы, но не выше стоимости перевоза в контейнере массой 20 тонн.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что целью социальной гарантии в виде безвозмездного перевоза личного имущества военнослужащего является компенсация транспортных расходов, понесенных им при переезде к новому месту жительства, а сам перевоз может быть осуществлен различными видами транспорта (за исключением воздушного) с возмещением фактических расходов не выше стоимости перевоза в контейнере массой 20 тонн.

На необходимость возмещения Министерством обороны Российской Федерации и иным федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, расходов по перевозу военнослужащими личного имущества при приобретении ими проездных и перевозочных документов за свой счет указано в Постановлении Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. № 354 «О порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также их личного имущества».

Следовательно, перевоз заявителем личного имущества не железнодорожным, а иным видом транспорта (за исключением воздушного), в данном случае сам по себе не является основанием к отказу в компенсации ему транспортных расходов.

В связи с изложенным вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии законных оснований для возмещения К. расходов по перевозу имущества является ошибочным.

Придя к такому выводу, окружной военный суд оставил без внимания обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Для подтверждения обоснованности возмещения расходов по перевозу личного имущества военнослужащий должен представить в военный комиссариат доказательства перевоза имущества и указать объем имущества для расчета фактических расходов исходя из стоимости его перевоза железнодорожным транспортом.

Между тем исследованные в судебном заседании документы, представленные заявителем в подтверждение перевоза личного имущества автомобильным

транспортом, составлены с нарушениями предъявляемых к ним требований, в связи с чем факт перевоза указанного имущества требует дополнительной проверки.

Кроме того, из представленной К. копии договора на перевозку личного имущества следует, что вес перевезенного имущества составляет до полутора тонн. Однако в обоснование требований о размере подлежащих возмещению сумм заявитель приложил справки о стоимости перевоза 20-тонного контейнера в размере 26 881 руб. 58 коп., стоимости погрузочно-разгрузочных работ в размере 1 573 руб. 53 коп.

При этом согласно представленной в судебное заседание представителем военного комиссара справки из Московского территориального центра транспортного обслуживания стоимость перевоза 20-тонного контейнера железнодорожным транспортом составляет 10 774 руб. 58 коп.

Таким образом, в целях правильного разрешения дела суду следовало истребовать доказательства, которые бы позволили установить наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования К., а именно: факт перевоза им личного имущества, объем этого имущества, стоимость его перевоза железнодорожным транспортом. Однако этого сделано не было.

Нарушение судом норм материального права и недоказанность установленных судом обстоятельств, имеющих значение для дела, привели к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства о праве К. на возмещение расходов по перевозу личного имущества к избранному месту жительства.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила судебное постановление суда апелляционной инстанции, а дело направила на новое рассмотрение в Московский окружной военный суд.

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2016 г. № 210-КГ16-9 по заявлению Ш. (извлечение)

Решением Мурманского гарнизонного военного суда от 9 июля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северного флотского военного суда от 28 августа 2015 г., отказано в удовлетворении заявления Ш., в котором он просил признать незаконным отказ начальника федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Мурманской области» (далее – Управление финансового обеспечения) компенсировать ему произведенные расходы на доставку личного имущества от прежнего места военной службы в г. Санкт-Петербурге к новому месту военной службы в пос. Алакуртти Мурманской области, а также взыскать с Управления финансового обеспечения расходы в размере 26 170 руб.

В кассационной жалобе Ш., указывая на отсутствие железнодорожного сообщения между населенными пунктами по прежнему и новому месту службы и наличие в связи с этим установленного в законе права на возмещение расходов на перевозку личного имущества, просит судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила судебные постановления по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Ш., проходивший военную службу в воинской части, дислоцированной в г. Сертолове Ленинградской области, в связи с назначением на воинскую должность в воинскую часть, дислоцированную в пос. Алакуртти Мурманской области, перевез личные вещи автомобильным транспортом, в связи с чем понес транспортные расходы.

По прибытии к новому месту военной службы заявитель обратился по команде с рапортом об оплате понесенных расходов, однако получил отказ, который оспорил в судебном порядке.

Отказывая в удовлетворении заявления, суд первой инстанции исходил из того, что между г. Санкт-Петербургом и г. Мурманском имеется железнодорожное сообщение, в связи с чем оснований для возмещения заявителю понесенных расходов на перевоз имущества автомобильным транспортом не имеется.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции, кроме того, указал, что ссылка заявителя на отсутствие железнодорожного сообщения между г. Мурманском и пос. Алакуртти Мурманской области является несостоятельной, поскольку в случае перевоза имущества железнодорожным транспортом до г. Мурманска возмещение расходов на его доставку от этого населенного пункта к новому месту проживания производится на основании п. 68 Руководства по оформлению, использованию, хранению и обращению с воинскими перевозочными документами в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 6 июня 2001 г. № 200.

Между тем такие выводы основаны на неправильном толковании норм материального права.

Согласно п. 3 ст. 3 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» социальная защита военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей является функцией государства и предусматривает реализацию их прав, социальных гарантий и компенсаций органами государственной власти, органами военного управления и органами местного самоуправления.

Исходя из правового статуса военнослужащих, обусловленного, в частности, условиями прохождения военной службы в месте, отличном от предыдущего места военной службы, в п. 1.2 ст. 20 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» закреплено право военнослужащих при переводе к новому месту военной службы на перевоз на безвозмездной основе личного имущества к новому месту военной службы.

Такой перевоз осуществляется железнодорожным транспортом, а там, где нет железнодорожного транспорта, – другими видами транспорта (за исключением воздушного). В случае перевоза личного имущества в отдельном вагоне, багажом и мелкой отправкой возмещаются фактические расходы, но не выше стоимости перевоза в контейнере массой 20 тонн.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что целью социальной гарантии в виде безвозмездного перевоза личного имущества военнослужащего является компенсация транспортных расходов, понесенных им при переезде к новому месту жительства, а сам перевоз может быть осуществлен различными видами транспорта (за исключением воздушного) с возмещением фактических расходов не выше стоимости перевоза железнодорожным транспортом в контейнере массой 20 тонн.

О необходимости возмещения Министерством обороны Российской Федерации и иным федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, расходов на перевоз военнослужащими личного имущества при приобретении ими перевозочных документов за свой счет указано в п. 6 Постановления Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. № 354 «О порядке возмещения расходов, связанных с перевозкой военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, а также их личного имущества».

Следовательно, перевоз военнослужащим личного имущества не железнодорожным, а иным видом транспорта (за исключением воздушного) сам по себе не может являться основанием для отказа в возмещении ему транспортных расходов, размер которых не превышает максимально установленной законом стоимости, то есть стоимости перевоза личного имущества железнодорожным транспортом в контейнере массой 20 тонн.

При этом, делая вывод о наличии железнодорожного сообщения в новом месте военной службы Ш., расположенном в 350 километрах от ближайшей железнодорожной станции, суды истолковали положения приведенных выше нормативных правовых актов таким образом, что условием возмещения военнослужащему расходов на перевоз личного имущества к новому месту военной службы является его доставка железнодорожным транспортом до ближайшей станции и последующий перевоз иными видами транспорта независимо от удаленности места дислокации воинской части.

Такое толкование противоречит как буквальному содержанию указанных норм права, предусматривающих возможность перевоза личного имущества иными видами транспорта, так и заложенному в них принципу экономически обоснованного расходования бюджетных денежных средств, выделяемых на эти цели.

При этом судами оставлены без внимания и оценки сведения о возможной фактической стоимости перевоза личного имущества Ш. железнодорожным транспортом (при его наличии) в контейнере массой 20 тонн, включающей расходы на доставку от места проживания до станции отправления и от станции назначения к новому месту проживания по маршруту: г. Санкт-Петербург – пос. Алакургтти Мурманской области.

Таким образом, суду следовало установить наличие либо отсутствие железнодорожного сообщения между указанными населенными пунктами, а в случае, если данное сообщение имеется, выяснить стоимость перевоза личного имущества военнослужащего железнодорожным транспортом в контейнере массой 20 тонн. Однако ничего этого сделано не было.

Нарушение судом норм материального права и недоказанность установленных судом обстоятельств, имеющих значение для дела, привели к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства о праве Ш. на возмещение расходов на перевоз личного имущества к новому месту военной службы, в связи с чем судебные акты подлежат отмене, а дело – направлению на новое рассмотрение.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила судебные постановления, а дело направила на новое рассмотрение в Мурманский гарнизонный военный суд.

Физическая подготовка является одним из критериев, который в совокупности с иными критериями, характеризующими качество и эффективность служебной деятельности военнослужащего, учитывается командованием при решении вопроса о выплате ему премии. Неудовлетворительный результат по физической подготовке сам по себе не может служить основанием для лишения военнослужащего премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей

М. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия командира воинской части, связанные с лишением его премии в связи с наличием неудовлетворительных результатов по физической подготовке.

Решением Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда в удовлетворении данного требования отказано.

В апелляционном порядке решение отменено и принято новое – о возложении на командование обязанности по установлению М. конкретного размера премии и изданию соответствующего приказа.

При этом окружной военный суд исходил из того, что предусмотренных п. 6 Правил выплаты военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, премии за добросовестное и эффективное исполнение должностных обязанностей, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 993 и п. 82 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (приказ министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 г. № 2700), оснований для лишения М. оспариваемой премии по делу не установлено.

Согласно пп. 79, 80 Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – Порядок) премия выплачивается на основании приказа соответствующего командира военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, в размере до 25 процентов оклада денежного содержания в месяц. Конкретный размер премии зависит от качества и эффективности исполнения военнослужащими должностных обязанностей в месяце, за который производится выплата премии, с учетом, в частности, результатов по физической подготовке.

Таким образом, командованием должна учитываться совокупность факторов, характеризующих качество и эффективность служебной деятельности военнослужащего в соответствующем месяце, и при отсутствии оснований для лишения премии (п. 82 Порядка) приниматься решение о конкретном размере премии в пределах, предусмотренных п. 79 Порядка.

Наличие неудовлетворительного результата по физической подготовке как одной из составляющих оценки служебной деятельности военнослужащего не является основанием для лишения премии, а может влиять только на ее размер.

Военнослужащим, проходящим военную службу за пределами территории Российской Федерации, выплата единовременного пособия при рождении ребенка должна производиться в порядке и размерах, предусмотренных законодательством Российской Федерации

Решениями 109-го гарнизонного военного суда от 12 и 19 марта 2015 г. военнослужащим Е. и С. было отказано в удовлетворении заявлений об оспаривании действий должностных лиц финансовых служб войсковых частей, дислоцированных на территории Республики Таджикистан, связанных с невыплатой заявителям единовременного пособия при рождении ребенка.

В связи с неправильным применением норм материального права данные решения судом апелляционной инстанции отменены, требования заявителей удовлетворены по следующим основаниям.

По делу военнослужащего Е. установлено, что в период его службы на территории Республики Таджикистан у него родился ребенок в г. Новосибирске, супруга и он сам пособие в связи с рождением ребенка на территории России не получали, а все необходимые для выплаты документы представили в финансовый орган воинской части.

У военнослужащей С. дочь родилась в Республике Таджикистан, и С. обратилась в бухгалтерию 451-го военного госпиталя за выплатой единовременного пособия.

Из ст.ст. 1 и 11 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» следует, что действие этого Федерального закона распространяется, в частности, на граждан Российской Федерации, проходящих военную службу по контракту, и гражданский персонал воинских формирований Российской Федерации, находящихся на территориях иностранных государств в случаях, предусмотренных международными договорами Российской Федерации, а право на единовременное пособие при рождении ребенка имеет один из родителей.

В соответствии с п. 27 Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей, утвержденного приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 23 декабря 2009 г. № 1012н, единовременное пособие при рождении ребенка назначается и выплачивается одному из родителей по месту работы (службы).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 8 июня 2000 г. № 134-О, особый правовой статус, которым обладают военнослужащие, обусловлен необходимостью выполнения ими долга и обязанности гражданина Российской Федерации по защите Отечества, закрепленных в ст. 59 Конституции Российской Федерации. В силу этого, независимо от места прохождения военной службы по контракту (на территории России или за ее пределами), военнослужащие должны считаться проживающими в Российской Федерации, и, следовательно, они вправе – при прочих равных условиях – получать государственные пособия на детей безотносительно к конкретному месту проживания.

Расходы, связанные с наймом жилого помещения во время служебной командировки, возмещаются в размере фактических затрат, подтвержденных соответствующими документами, но не более стоимости гостиничного номера, предусмотренного для определенной категории военнослужащих

Майор Л. обратился в суд с административным иском заявлением, в котором просил признать незаконным отказ начальника финансово-экономической службы возместить ему расходы, связанные с проживанием в общежитии при нахождении в служебной командировке.

Решением Крымского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административный иск удовлетворен по следующим основаниям.

Согласно п. 1 Постановления Правительства Российской Федерации от 21 июня 2010 г. № 467 «О возмещении расходов по бронированию и найму жилого помещения, связанных со служебными командировками на территории Российской

Федерации, военнослужащим и сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти за счет средств федерального бюджета» военнослужащим той категории, к которой относится административный истец, возмещаются расходы, связанные с наймом жилого помещения во время служебной командировки, в размере фактических затрат, подтвержденных соответствующими документами, но не более стоимости однокомнатного (одноместного) номера.

По делу установлено, что с 11 мая по 10 июля 2015 г. Л. находился в служебной командировке. Командованием воинской части местом его проживания было определено общежитие, где он занимал койко-место, за что платил 800 руб. в сутки.

В подтверждение произведенных расходов Л. представил командованию квитанцию о произведенной оплате проживания в общежитии с прикрепленным чеком, изготовленным с использованием контрольно-кассовой техники. Проживание Л. в общежитии осуществлялось на основании указания командира воинской части, ответственного за размещение лиц, прибывших на курсы повышения квалификации.

Осуществление военнослужащим проезда к месту использования отпуска и обратно по категории, которая для него не установлена, не является основанием к отказу в принятии авансового отчета и возмещении ему расходов в пределах установленных законодательством норм

Решением 35-го гарнизонного военного суда оставлено без удовлетворения заявление В., в котором он просил признать незаконными действия руководителя федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Камчатскому краю и Чукотскому автономному округу», связанные с отказом в возмещении затрат по проезду к месту проведения основного отпуска и обратно самолетом в салоне бизнес-класса в размере 145 312 руб.

Флотский военный суд указанное решение отменил в связи с неправильным применением норм материального права.

Пунктом 1.1 ст. 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих» установлено право военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, других местностях с неблагоприятными климатическими и (или) экологическими условиями, в том числе отдаленных, а также на территории субъектов Российской Федерации, входящих в Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, на проезд на безвозмездной основе железнодорожным, воздушным, водным и автомобильным (за исключением такси) транспортом один раз в год по территории Российской Федерации к месту использования основного (кааникулярного) отпуска и обратно.

Согласно п. 9 ст. 20 названного Федерального закона расходы, связанные с перевозкой военнослужащих и членов их семей, возмещаются за счет средств Министерства обороны Российской Федерации (иного федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации.

В соответствии с п. 2 Постановления Правительства Российской Федерации от 20 апреля 2000 г. № 354 определение категории проезда военнослужащих и членов их семей на железнодорожном, воздушном, водном и автомобильном

(за исключением такси) транспорте отнесено к полномочиям Министерства обороны Российской Федерации (иного федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба).

Приказом министра обороны Российской Федерации от 8 июня 2000 г. № 300 установлена категория проезда в отпуск воздушным транспортом для всех военнослужащих – самолетами в салонах экономического (низшего) класса.

С учетом изложенного основания для возмещения В. расходов на проезд к месту проведения отпуска и обратно в размере стоимости авиабилета бизнес-класса отсутствовали.

К авансовому отчету В. приобрел справку о средней стоимости полета в салоне экономического класса, а также справку о том, что на момент приобретения билетов на даты вылета в отпуск и возвращения из него билетов для полета экономическим классом в продаже не имелось.

Поскольку выехать в отпуск в установленный срок заявитель мог, только приобретя билеты в салон бизнес-класса, флотский военный суд пришел к выводу, что отказ руководителя ФКУ «УФО по Камчатскому краю и Чукотскому автономному округу» в принятии представленного заявителем авансового отчета только на том основании, что он осуществил проезд по тарифу бизнес-класса, не соответствует смыслу п. 1.1 ст. 20 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Факт совершения В. поездки по маршруту, указанному в приказе о предоставлении отпуска, должностным лицом не оспаривался.

При таких обстоятельствах флотский военный суд пришел к выводу о необходимости частичного удовлетворения требований заявителя и возложил на должностное лицо обязанность принять авансовый отчет и учесть в счет погашения выданного В. аванса стоимость среднего тарифа авиабилета экономического класса обслуживания по указанному маршруту в размере 77 712 руб.

В удовлетворении требования В. о возмещении ему в полном размере расходов на приобретение авиабилета для проезда к месту проведения отпуска и обратно в салоне бизнес-класса отказано.

§ 3. Вопросы, связанные с реализацией права военнослужащих на жилище

Военнослужащие, которые при наличии возможности продолжить военную службу до 50 лет приняли решение об увольнении по достижении предельного возраста пребывания на военной службе в 45 лет по ранее действовавшему законодательству, подлежат обеспечению жилыми помещениями по избранному месту жительства

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 22 марта 2016 г. № 210-КГ16-2 по заявлению Б. (извлечение)

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 2 июня 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северного флотского военного суда от 20 июля 2015 г., удовлетворено заявление Б., в котором он просил признать незаконными решения начальника 3-го отдела Федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Западрегионжилье») об отказе в предоставлении жилого помещения в избранном после увольнения с военной службы месте жительства в

г. Санкт-Петербурге на семью из трех человек и о снятии с учета нуждающихся в жилых помещениях. На начальника 3-го отдела ФГКУ «Западрегионжилье» судом возложена обязанность по восстановлению Б. на учете нуждающихся в жилых помещениях и повторному рассмотрению вопроса о предоставлении ему жилого помещения.

В кассационной жалобе начальник 3-го отдела ФГКУ «Западрегионжилье», указывая на обеспеченность заявителя жилым помещением по месту военной службы и наступление у заявителя предельного возраста пребывания на военной службе в связи с изменением законодательства в феврале 2013 г., что свидетельствует об отсутствии оснований для постановки его на жилищный учет в настоящее время, просил судебные постановления отменить, принять по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что подполковник Б., родившийся 27 февраля 1973 г. и заключивший первый контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., в июне 2014 г. заключил контракт о прохождении военной службы до наступления предельного возраста пребывания на ней, то есть до 27 февраля 2018 г. По месту военной службы заявитель обеспечен жилым помещением по договору социального найма.

После заключения контракта Б. обратился в жилищный орган с заявлением о предоставлении ему и членам семьи жилого помещения в избранном месте жительства после увольнения с военной службы.

Извещением от 16 сентября 2014 г. заявитель был проинформирован о предоставлении ему жилого помещения. Однако решениями начальника 3-го отдела ФГКУ «Западрегионжилье» от 22 апреля 2015 г. ему было отказано в предоставлении указанного жилого помещения и он снят с учета нуждающихся в жилых помещениях.

В мае 2015 г. Б. оспорил названные решения начальника 3-го отдела ФГКУ «Западрегионжилье» в судебном порядке, а 1 июня 2015 г. обратился по команде с рапортом, в котором просил уволить его с военной службы 26 февраля 2018 г. по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Удовлетворяя заявление, суд первой инстанции исходил из того, что законодательство позволяет Б., который 27 февраля 2018 г. достигнет предельного возраста пребывания на военной службе, ставить вопрос о предоставлении жилого помещения по избранному месту жительства за три года до увольнения с военной службы.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что в связи с изменением законодательства о воинской обязанности и военной службе Б. вправе выразить желание уволиться по достижении предельного возраста пребывания на военной службе либо высказать намерение продолжить службу только перед окончанием последнего заключенного контракта, то есть в 2018 г.

Такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 64-ФЗ внесены изменения в п. 1 ст. 49 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанно-

сти и военной службе», согласно которым предельный возраст пребывания на военной службе для военнослужащих в воинском звании подполковника установлен 50 лет вместо 45 лет.

В соответствии с пп. 1 и 2 ст. 2 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 64-ФЗ данный Закон вступил в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня его официального опубликования, то есть 30 сентября 2014 г., а военнослужащие, заключившие новый контракт о прохождении военной службы до наступления предельного возраста пребывания на военной службе до дня вступления в силу названного Федерального закона, вправе уволиться с военной службы по возрасту – по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Содержание данной нормы Закона указывает на то, что она установила исключение для военнослужащих, которые при наличии возможности продолжить военную службу до 50 лет сохранили право на увольнение по достижении предельного возраста пребывания на военной службе по ранее действовавшему законодательству в 45 лет.

Вместе с тем, порядок и сроки принятия решения об увольнении либо о продолжении военной службы для такой категории военнослужащих исключений не содержат и осуществляются по ранее установленным правилам.

Порядок представления военнослужащего к увольнению с военной службы в силу п. 13 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237, определяется руководителем федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба.

Согласно ст. 28 Порядка деятельности должностных лиц и органов военного управления по организации прохождения военной службы по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 30 октября 2015 г. № 660, уточнение у военнослужащего вопроса заключения им нового контракта производится за шесть месяцев до окончания соответствующего контракта.

Аналогичные положения содержались в ранее действовавшем приказе министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2002 г. № 350.

Названные предписания правовых норм во взаимосвязи с положениями ст. 49 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» и ст. 2 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в статьи 49 и 53 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”» указывают на то, что решение определенной категорией военнослужащих, к которой относится заявитель, вопроса об увольнении по достижении предельного возраста пребывания на военной службе либо о заключении нового контракта производится за шесть месяцев до истечения срока действия ранее заключенного контракта.

Следовательно, принятие такими военнослужащими в указанный период решения о заключении нового контракта указывает на отсутствие обязанности у федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, по обеспечению их жилым помещением не по месту военной службы.

В свою очередь, если военнослужащий, несмотря на возможность продолжения военной службы, за шесть месяцев до истечения срока контракта примет

решение об увольнении на основании п. 2 ст. 2 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в статьи 49 и 53 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”», он вправе одновременно поставить вопрос об обеспечении его жилым помещением по избранному месту жительства.

Принятие решения об увольнении на более ранней стадии для данной категории военнослужащих, вопреки утверждению суда первой инстанции, не может влечь правовых последствий и, как следствие, возникновения у федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, обязанности по признанию их нуждающимися в жилом помещении по избранному месту жительства после увольнения с военной службы.

В связи с изложенным решения начальника 3-го отдела ФГКУ «Западрегионжилье» об отказе в предоставлении Б. жилого помещения в избранном после увольнения с военной службы месте жительства и о снятии с учета нуждающихся в жилых помещениях основаны на законе и прав заявителя не нарушают.

Допущенные судами нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, что явилось основанием для отмены Судебной коллегией в кассационном порядке судебных постановлений по заявлению Б. и принятию по делу нового решения – об отказе в удовлетворении заявления.

Приняв квартиру на основании решения жилищного органа Министерства обороны Российской Федерации, заявитель приобрел жилищные права и обязанности на это помещение, а Министерство обороны Российской Федерации, передав квартиру, исполнило имевшееся перед ним обязательство по обеспечению жилищем

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2015 г. № 211-КГ15-31 по заявлению Г. (извлечение)

Решением 35-го гарнизонного военного суда от 9 февраля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 23 апреля 2015 г., признаны незаконными действия начальника 3-го отдела федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье»), связанные с отказом в предоставлении Г., отказавшемуся от предоставленного ему жилого помещения, и на должностное лицо возложена обязанность по предоставлению заявителю с членами семьи жилищной субсидии в установленном законом порядке и размере.

В кассационной жалобе должностное лицо, утверждая, что у заявителя отсутствует право на получение жилищной субсидии по причине реализации им права на жилище путем предоставления квартиры по избранному месту жительства в собственность бесплатно, просило принятые по делу судебные постановления отменить, в удовлетворении требований заявителя отказать.

Рассмотрев материалы административного дела, обсудив доводы кассационной жалобы и ходатайство заявителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла судебные акты подлежащими отмене ввиду существенного нарушения судами норм материального права.

Принимая решение об отказе в удовлетворении заявления, суды не учли, что Г., находящийся на учете нуждающихся в жилых помещениях, ранее согласился с предоставлением ему квартиры по установленным нормам по избранному месту жительства в г. Сочи, после чего 17 ноября 2014 г. эта квартира была им принята по акту приема-передачи жилого помещения. И только после этого, 9 декабря 2014 г., Г. обратился к указанному должностному лицу с заявлением, в котором, отказавшись от квартиры, просил предоставить ему жилищную субсидию.

Согласно ст. 10 ЖК РФ жилищные права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных ЖК РФ, другими федеральными законами и иными правовыми актами, а также из действий участников жилищных отношений, которые хотя и не предусмотрены такими актами, но в силу общих начал и смысла жилищного законодательства порождают жилищные права и обязанности. В соответствии с этим жилищные права и обязанности возникают, в частности, из актов государственных органов, которые предусмотрены жилищным законодательством в качестве основания возникновения жилищных прав и обязанностей.

В соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, заключившим контракт о прохождении военной службы до 1 января 1998 г., при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями при общей продолжительности военной службы 10 лет и более и совместно проживающим с ними членам их семей, признанным нуждающимися в жилых помещениях, федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, предоставляются жилищная субсидия либо жилые помещения, находящиеся в федеральной собственности, по выбору указанных граждан в собственность бесплатно или по договору социального найма с указанным федеральным органом исполнительной власти по избранному постоянному месту жительства и в соответствии с нормами предоставления площади жилого помещения, предусмотренными ст. 15.1 этого Федерального закона.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июня 2011 г. № 512 утверждены Правила предоставления военнослужащим – гражданам Российской Федерации жилых помещений в собственность бесплатно (далее – Правила).

Согласно п. 1 Правил жилые помещения предоставляются военнослужащим в собственность бесплатно на основании решений федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, или уполномоченных ими органов (организаций).

В соответствии с п. 5 Правил выписки из указанных решений являются основанием для государственной регистрации прекращения права собственности Российской Федерации и права оперативного управления федеральным органом либо подведомственного ему учреждения или казенного предприятия и возникновения права собственности военнослужащих (граждан, уволенных с военной службы) и (или) членов их семей на предоставленные жилые помещения.

Кроме того, в силу п. 6 Правил при передаче жилых помещений военнослужащим подписывается акт приема-передачи жилого помещения в порядке и по форме, которые устанавливаются федеральными органами.

Во исполнение пп. 4 и 6 Правил приказом министра обороны Российской Федерации от 13 октября 2011 г. № 1850 утверждены Порядок принятия решения о предоставлении жилых помещений в собственность бесплатно (далее – Порядок), а также форма акта приема-передачи (приложение № 5 к приказу).

Таким образом, жилищным законодательством, к которому в силу положений ст. 5 ЖК РФ относятся Правила, предусмотрено, что решение уполномоченного органа Министерства обороны Российской Федерации о предоставлении военнослужащему и членам его семьи жилого помещения в собственность бесплатно является актом, из которого возникают в соответствии со ст. 10 ЖК РФ жилищные права и обязанности, а факт приема-передачи жилого помещения фиксируется в установленной форме.

В связи с изложенным, приняв по акту приема-передачи квартиру в г. Сочи на основании решения врио начальника 3-го отдела от 17 ноября 2014 г. о предоставлении жилого помещения в собственность бесплатно, Г. приобрел жилищные права и обязанности, а Министерство обороны Российской Федерации, передав указанную квартиру, исполнило имевшееся перед административным истцом обязательство.

Дальнейшие действия (бездействие) Г., в том числе касающиеся вопроса государственной регистрации права собственности на жилое помещение, зависели от его воли. По делу не установлено, что имелись объективные причины, возникшие вследствие действий (бездействия) уполномоченных органов Министерства обороны Российской Федерации, которые бы препятствовали осуществлению такой регистрации.

Что касается права выбора военнослужащим формы жилищного обеспечения, то оно сохраняется до фактического исполнения Министерством обороны Российской Федерации возложенной на него законом обязанности по обеспечению военнослужащего жильем.

Применение судом апелляционной инстанции п. 19 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» является ошибочным, поскольку анализ названной нормы Закона показывает, что жилищная субсидия предоставляется тем военнослужащим, которые признаны нуждающимися в жилых помещениях и отказались от предложенного жилого помещения, которое фактически ими получено не было, либо изменили ранее избранное место жительства.

Кроме того, согласно п. 8 Порядка уполномоченный орган (структурное подразделение уполномоченного органа) в течение трех рабочих дней после получения военнослужащим (его представителем) выписки из решения и акта приема-передачи жилого помещения принимает решение о снятии военнослужащего с учета.

С предложением о получении указанной выше квартиры Г. согласился 16 июня 2014 г., а отказ был заявлен только 9 декабря 2014 г., то есть после фактического получения 17 ноября и снятия заявителя с жилищного учета.

Следовательно, под категории военнослужащих, указанных в п. 19 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», Г. не подпадает.

При таких данных выводы судов о незаконности действий начальника 3-го отдела, связанных с отказом в предоставлении заявителю жилищной субсидии, являются ошибочными.

На основании изложенного определением Судебной коллегии по делам военнослужащих приняты по заявлению Г. судебные акты были отменены и по делу принято новое решение, которым в удовлетворении заявления отказано.

Ошибочный вывод суда о необеспеченности заявителя по месту военной службы служебным жилым помещением повлек отмену судебного акта

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2015 г. № 205-КГ15-31 по заявлению Х. (извлечение)

Решением Новороссийского гарнизонного военного суда от 9 октября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 11 февраля 2015 г., удовлетворено заявление Х., в котором он просил признать незаконным приказ командующего Черноморским флотом от 17 июня 2014 г. № 55 в части, касающейся его увольнения с военной службы.

В кассационной жалобе представитель воинского должностного лица поставил вопрос об отмене судебных актов, указав в обоснование на оставление судами без внимания того обстоятельства, что заявитель, состоящий до предоставления жилого помещения для постоянного проживания в распоряжении командира воинской части, дислоцированной в г. Севастополе, обеспечен служебным жильем в г. Феодосии по месту дислокации воинской части, являющейся для заявителя местом прибытия на контрольные построения, в связи с чем необходимости в его ежедневном присутствии в воинской части, куда он зачислен в распоряжение, не имеется.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные акты в связи с существенным нарушением норм материального права и приняла по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что Х., проходивший военную службу с 4 августа 1984 г., в 2005 г. на состав семьи из трех человек был обеспечен по месту прохождения военной службы в г. Феодосии по установленным нормам служебным жилым помещением.

С 27 июня 2012 г. Х. вместе с женой и дочерью состоит на учете в Едином реестре военнослужащих, нуждающихся в получении жилых помещений по договору социального найма по избранному постоянному месту жительства – в г. Щербинке Московской области или в г. Москве.

Приказом министра обороны Российской Федерации от 24 ноября 2012 г. Х. выведен в распоряжение командующего Черноморским флотом с зачислением в списки личного состава воинской части, дислоцированной в г. Севастополе. При этом командиру части в соответствии с указанным приказом министра обороны Российской Федерации предписано определить обязанности Х. по службе.

В марте 2014 г. Х. распределена квартира, с получением которой он согласился и приступил к оформлению необходимых документов.

Приказом командующего Черноморским флотом от 17 июня 2014 г. заявитель уволен в отставку по достижении предельного возраста пребывания на военной службе.

Суды обеих инстанций, удовлетворяя требования заявителя о восстановлении на военной службе, исходили из того, что Х. не мог быть уволен с военной службы до решения его жилищного вопроса, поскольку в г. Севастополе он не обеспечен жилым помещением, а в связи с требованием жилищного органа о предоставлении заявителем справки о сдаче занимаемого жилого помещения он может оказаться без какого-либо жилья.

Такие выводы судов основаны на ошибочном толковании норм материального права и противоречат материалам административного дела.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане, общая продолжительность военной службы которых составляет 10 лет и более, нуждающиеся в улучшении жилищных условий по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, без их согласия не могут быть уволены с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе без предоставления им жилых помещений или жилищной субсидии. При желании указанных военнослужащих получить жилые помещения не по месту увольнения с военной службы они обеспечиваются жилыми помещениями по избранному месту постоянного жительства в порядке, предусмотренном п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Данная норма названного Закона, запрещающая увольнять военнослужащего до предоставления ему жилья, применяется к военнослужащим, состоящим на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, в зависимости от основания их увольнения и обеспеченности жильем по установленным нормам по последнему месту военной службы.

Аналогичная правовая норма содержится в п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы. Этой же нормой предусмотрено, что при желании увольняемых получить жилые помещения не по месту дислокации воинской части они увольняются с военной службы и обеспечиваются жилыми помещениями в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Из приведенных положений следует, что препятствий для увольнения военнослужащих, обеспеченных жилыми помещениями по месту военной службы, не имеется, поскольку за ними сохраняется право состоять на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий по избранному после увольнения месту жительства.

Как усматривается из материалов дела, Х., достигший предельного возраста пребывания на военной службе, свое дальнейшее нахождение на военной службе связывал с реализацией жилищных прав, для чего был зачислен в распоряжение командира (начальника).

С учетом данного обстоятельства, а также того, что в воинской части, дислоцированной в г. Севастополе, к выполнению специальных или должностных обязанностей военнослужащего Х. не привлекался, командованием в порядке реализации организационно-властных полномочий фактическим местом прохождения службы на период его нахождения в распоряжении был определен г. Феодосия, куда заявитель обязан прибывать на контрольные построения в воинскую часть, дислоцированную в этом же населенном пункте.

Требования о прибытии на службу в воинскую часть в г. Севастополь командованием Х. не предъявлялись, как не предъявлялись и требования о сдаче жилого помещения в г. Феодосии, которое, как усматривается из объяснений заявителя в судебном заседании суда кассационной инстанции, он занимает по настоящее время.

Необходимость получения Х. справки о сдаче занимаемой квартиры в г. Феодосии, на что имеется ссылка в судебных решениях, сама по себе не свидетельствует о том, что заявитель в указанном случае может оказаться без какого-либо жилого помещения, как ошибочно полагают суды первой и второй инстанций, поскольку в период оформления права на предоставленное жилое помещение в г. Москве из занимаемой им служебной квартиры он выселен быть не может.

При таких обстоятельствах нахождение занимаемого заявителем жилого помещения в г. Феодосии в данном случае не свидетельствует о его необеспеченности жильем по месту прохождения военной службы, в связи с чем препятствий для его увольнения не имелось, что не учтено судами.

Обеспечение жилым помещением военнослужащих, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по состоянию здоровья при перемене места жительства производится с последующим освобождением ими жилых помещений и снятием с регистрационного учета по прежнему месту жительства

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 211-КГ15-28 по заявлению С. (извлечение)

Решением 35-го гарнизонного военного суда от 25 сентября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 2 декабря 2014 г., удовлетворено заявление С., в котором он просил признать незаконным решение начальника 3-го отдела федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») от 19 августа 2014 г. об отказе в принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, по избранному месту жительства после увольнения с военной службы.

На начальника 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» судом возложена обязанность по принятию С. на учет нуждающихся в жилом помещении в г. Нижний Новгород на состав семьи из одного человека.

В кассационной жалобе начальник 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье», указывая на отсутствие оснований для признания заявителя нуждающимся в жилом помещении по избранному им месту жительства после увольнения с военной службы ввиду обеспеченности жильем по установленным нормам за счет Министерства обороны Российской Федерации, просил об отмене судебных актов и о принятии по делу нового решения – об отказе в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что в феврале 1996 г. заявителю, его жене, сыну Ю. и дочери Г. была предоставлена за счет Министерства обороны Российской Федерации по установленным нормам трехкомнатная квартира общей площадью жилого помещения 62,7 квадратного метра, расположенная в г. Петропавловске-Камчатском.

Ордер на квартиру выдан С. администрацией г. Петропавловска-Камчатского 15 февраля 1996 г., а 20 января 2005 г. названное муниципальное образование на основании договора передало квартиру заявителю и членам его семьи в общую долевую собственность с долей каждого в праве, равной 1/4.

30 июля 2014 г. заявитель, общая продолжительность военной службы которого составляет более 10 лет, подлежащий увольнению с военной службы по

состоянию здоровья (в связи с признанием его военно-врачебной комиссией ограниченно годным к военной службе), обратился к начальнику 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» с заявлением о принятии на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, по избранному месту жительства в г. Нижний Новгород с составом семьи из одного человека, однако получил отказ на основании решения должностного лица от 19 августа 2014 г. ввиду представления документов, которые не подтверждают его право состоять на указанном учете.

Признавая названное решение незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что избрание военнослужащим перед увольнением с военной службы места жительства, не совпадающего с его последним местом военной службы, является самостоятельным правовым основанием для его признания нуждающимся в жилом помещении в этом избранном месте жительства.

Соглашаясь с решением суда первой инстанции, флотский военный суд в апелляционном определении дополнительно указал, что наличие у заявителя жилого помещения по месту военной службы, равно как и гражданско-правовые сделки с ним, должны учитываться при предоставлении жилого помещения по избранному месту жительства, но не при решении вопроса о постановке на жилищный учет.

Такие выводы судов основаны на неправильном толковании закона.

Согласно абз. 13 п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (в редакции Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 405-ФЗ) военнослужащие признаются федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, предусмотренным ст. 51 ЖК РФ.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 51 ЖК РФ одним из условий признания гражданина нуждающимся в жилом помещении является обеспечение его общей площадью жилого помещения для постоянного проживания на одного члена семьи менее учетной нормы либо отсутствие такого жилого помещения вовсе.

По делу установлено, что заявитель обеспечен за счет Министерства обороны Российской Федерации жилым помещением по установленным нормам в г. Петропавловске-Камчатском, что указывает на отсутствие оснований для признания его нуждающимся в жилом помещении по месту военной службы.

В судебном заседании также установлено, что С., являясь собственником 1/4 доли жилого помещения, поставил вопрос о предоставлении в избранном постоянном месте жительства жилого помещения только на себя с оставлением в квартире по месту жительства остальных членов семьи, также являющихся ее собственниками, каждый по 1/4 доли.

Данное обстоятельство является юридически значимым.

Суд первой инстанции правомерно, со ссылкой на подп. «и» п. 7 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшений жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054, указал, что избрание гражданами постоянного места жи-

тельства после увольнения с военной службы является самостоятельным основанием признания их нуждающимися в жилых помещениях.

Вместе с тем, судом не было учтено, что в соответствии с п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жилым помещением военнослужащих, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по состоянию здоровья и членов их семей при перемене места жительства производится с последующим освобождением ими жилых помещений и снятием с регистрационного учета по прежнему месту жительства.

Положение закона, предусматривающее представление военнослужащими при получении жилого помещения по избранному месту жительства документов об освобождении жилого помещения, основано на вытекающем из Конституции Российской Федерации принципе социальной справедливости, направлено на предотвращение необоснованного сверхнормативного предоставления жилья от государства и не может рассматриваться как нарушающее конституционные права военнослужащих.

Между тем в судебном заседании установлено, что заявитель, в связи с увольнением с военной службы и изменением места жительства, поставил вопрос об обеспечении жилым помещением без сдачи ранее полученного от Министерства обороны Российской Федерации жилья, то есть о предоставлении ему еще одного жилого помещения из государственного жилищного фонда, что не основано на законе.

При таких данных начальник 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» правомерно отказал С. в признании его нуждающимся в жилом помещении в избранном постоянном месте жительства после увольнения с военной службы.

То обстоятельство, что решение об отказе в предоставлении заявителю жилого помещения принято на стадии рассмотрения вопроса о признании его нуждающимся в жилом помещении, правового значения для дела не имеет, поскольку возможность сдачи Министерству обороны Российской Федерации находящегося в собственности заявителя и членов его семьи жилого помещения отсутствует.

То, что допущенные судами нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, явилось основанием для отмены в кассационном порядке судебных актов по заявлению С. и принятия по делу нового решения – об отказе в удовлетворении заявления.

Наличие у членов семьи нанимателя либо собственника жилого помещения права пользования всеми имеющимися в их распоряжении жилыми помещениями предопределяет обязанность жилищного органа по их учету при определении уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 октября 2015 г. № 207-КГ15-5 по заявлению П. (извлечение)

Апелляционным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда от 11 декабря 2014 г. отменено решение Иркутского гарнизонного военного суда от 23 сентября 2014 г. об отказе П. в удовлетворении заявления, в котором она просила признать незаконным утвержденное командиром решение

жилищной комиссии воинской части от 20 августа 2014 г. о снятии заявителя с учета нуждающихся в жилых помещениях.

По делу принято новое решение, которым признаны незаконными действия командира и председателя жилищной комиссии воинской части, связанные со снятием П. с жилищного учета, на указанных лиц возложена обязанность по рассмотрению вопроса о восстановлении заявителя на учете с составом семьи из 4 человек (она, муж, сын – П. А. и невестка – П. Е.).

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе командира воинской части, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что судом апелляционной инстанции при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что П., проживающая по месту военной службы в г. Иркутске вместе с мужем и двумя сыновьями в квартире общей площадью жилого помещения 42 квадратных метра и жилой площадью 27,5 квадратного метра, на основании решения жилищной комиссии с 1 апреля 1988 г. признана нуждающейся в улучшении жилищных условий ввиду обеспеченности жильем ниже учетной нормы, установленной решением исполкома областного Совета народных депутатов Иркутской области от 1 апреля 1990 г. № 180 (менее 12 квадратных метров жилой площади на одного члена семьи). Впоследствии, в июне 2010 г., квартира была передана им в общую долевую собственность, с долей каждого в праве 1/4.

Решением Думы г. Иркутска от 5 июля 2005 г. учетная норма жилого помещения в целях принятия на учет граждан, нуждающихся в улучшении жилых помещений, установлена в размере 15 квадратных метров общей площади жилого помещения на одного человека.

В январе 2007 г. один из сыновей П., П. А., приобрел в том же населенном пункте в собственность по договору купли-продажи квартиру общей площадью жилого помещения 61,2 квадратного метра, жилой площадью 44,7 квадратного метра.

В марте 2011 г. П. А. распорядился приобретенной в собственность квартирой. В том же месяце в квартире, занимаемой заявителем, была зарегистрирована супруга ее второго сына, которая впоследствии, 6 марта 2012 г., на основании судебного решения была признана членом семьи собственника жилого помещения.

После поступления в воинскую часть информации о нахождении у сына заявителя в собственности в период с января 2007 г. по март 2011 г. жилого помещения решением жилищной комиссии от 20 августа 2014 г. П. была снята с учета нуждающихся в жилых помещениях в связи с утратой оснований, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма, и умышленным ухудшением жилищных условий.

Признавая названное решение законным, суд первой инстанции исходил из того, что после приобретения сыном заявителя квартиры П. подлежала исключению из списков нуждающихся в улучшении жилищных условий, поскольку на каждого члена ее семьи, исходя из суммарной площади двух квартир, приходилось более учетной нормы как жилой, так и общей площади жилого помещения.

Отменяя решение и принимая новое – о признании решения жилищной комиссии незаконным, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что наличие у сына заявителя в собственности жилого помещения не могло явиться

основанием для снятия П. с жилищного учета, а могло повлиять лишь на количество членов семьи, состоящих на данном учете совместно с заявителем.

Такой вывод окружного военного суда основан на неправильном толковании закона.

В суде установлено, что сын заявителя, П. А., являющийся членом семьи нанимателя жилого помещения и признанный вместе с ней нуждающимся в улучшении жилищных условий, в январе 2007 г. приобрел в собственность жилое помещение, не поставив об этом в известность жилищный орган и сохранив тем самым за собой вместе с П. и другими членами семьи право состоять на жилищном учете. В марте 2011 г. П. А. распорядился приобретенной в собственность квартирой, также не поставив об этом в известность жилищный орган.

Указанные обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 51 ЖК РФ одним из условий признания гражданина нуждающимся в жилом помещении является обеспечение его общей площадью жилого помещения для постоянного проживания на одного члена семьи менее учетной нормы либо отсутствие такого жилого помещения вовсе.

При этом согласно п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ при наличии у гражданина и (или) членов его семьи нескольких жилых помещений, занимаемых по договорам социального найма, договорам найма жилых помещений жилищного фонда социального использования и (или) принадлежащих им на праве собственности, определение уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения осуществляется исходя из суммарной общей площади всех указанных жилых помещений.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что наличие у членов семьи нанимателя либо собственника жилого помещения права пользования всеми имеющимися в их распоряжении жилыми помещениями предопределяет обязанность жилищного органа по их учету при определении уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения. Иное толкование данной нормы может привести к сверхнормативному обеспечению граждан жильем за счет государства.

В связи с изложенным заявление П. в жилищную комиссию о неосведомленности о приобретении своим сыном в собственность жилого помещения не могло явиться основанием для исключения этого жилого помещения при определении уровня обеспеченности ее общей площадью жилого помещения. К тому же суд первой инстанции проверил указанное заявление в судебном заседании и обоснованно отверг его с приведением мотивов.

Из изложенного следует, что приобретенная в собственность П. А. квартира подлежала учету.

Поскольку суммарная общая площадь двух указанных жилых помещений – 103,2 квадратного метра (42 квадратного метра + 61,2 квадратного метра), то есть более учетной нормы в размере 15 квадратных метров, приходящейся на заявителя, ее супруга и двух сыновей, – не позволяла П. с января 2007 г. находиться на жилищном учете, то вывод жилищного органа об утрате ею оснований, дающих право на получение жилого помещения по договору социального найма, является правильным.

Данное обстоятельство в силу п. 2 ч. 1 ст. 56 ЖК РФ является основанием для снятия заявителя с учета в качестве нуждающейся в жилых помещениях по договору социального найма.

Последующее распоряжение в марте 2011 г. сыном заявителя находящейся у него в собственности квартирой, с сохранением намерения состоять на жилищном учете для получения жилого помещения за счет МВД России, правомерно было расценено жилищным органом как намеренное ухудшение жилищных условий, которое в силу ст. 53 ЖК РФ не позволяет П. с членами ее семьи быть принятой на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях до марта 2016 г.

При таких данных решение жилищной комиссии, утвержденное командиром воинской части, о снятии П. с жилищного учета основано на законе.

Тот факт, что П. принята на учет до 1 марта 2005 г., то есть до введения в действие ЖК РФ, не влияет на правильность принятого жилищной комиссией решения, поскольку, как обоснованно указал суд первой инстанции, обеспеченность заявителя жилой площадью на одного члена семьи после приобретения ее сыном в собственность квартиры также стала составлять более учетной нормы, что в соответствии с ч. 2 ст. 6 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» является основанием для снятия ее с жилищного учета.

В связи с изложенным вывод суда первой инстанции о признании решения жилищной комиссии воинской части законным является правильным, а утверждение суда апелляционной инстанции об обратном – ошибочным.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение Восточно-Сибирского окружного военного суда от 11 декабря 2014 г., оставила в силе решение Иркутского гарнизонного военного суда от 23 сентября 2014 г. по заявлению П.

При расчете размера жилищной субсидии учету подлежит занимаемая военнослужащим и (или) членами его семьи по договору социального найма общая площадь жилого помещения вне зависимости от того, кто является ее нанимателем, и в отношении которой не дано обязательство о ее освобождении

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 211-КГ15-13 по заявлению З. (извлечение)

Решением 35-го гарнизонного военного суда от 18 ноября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 27 января 2015 г., удовлетворено заявление З. в той части, в которой она просила признать незаконным сообщение начальника 3-го отдела федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») от 26 сентября 2014 г. об уменьшении общей площади жилого помещения для расчета жилищной субсидии на 8,88 квадратного метра общей площади жилого помещения, занимаемого ею и ее дочерью по договору социального найма в квартире, нанимателем которой является мать заявителя. На начальника 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» судом возложена обязанность по принятию З. на учет нуждающихся в жилом помещении без указанной доли общей площади жилого помещения.

В кассационной жалобе начальник 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье», утверждая, что при расчете размера жилищной субсидии необходимо учитывать долю общей площади жилого помещения, занимаемого З. и ее дочерью по договору социального найма в квартире, нанимателем которой является мать

заявителя, просил судебные постановления отменить, принять по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что судом при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что З., имеющая общую продолжительность военной службы более 20 лет, ввиду увольнения с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями, обратилась к начальнику 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» с заявлением об обеспечении ее жилищной субсидией исходя из состава семьи два человека (она и дочь).

По месту военной службы З. с дочерью проживают в качестве членов семьи в квартире общей площадью жилого помещения 31,1 квадратного метра, которая в 2007 г. была предоставлена по договору социального найма матери заявителя, в том числе на нее и дочь. Всего в квартире в качестве членов семьи зарегистрированы семь человек, в связи с чем приходящаяся на каждого из них доля жилого помещения составляет 4,44 квадратного метра.

Сообщением начальника 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» от 26 сентября 2014 г. заявитель была уведомлена о том, что вопрос обеспечения ее жилищной субсидией должен решаться с учетом 8,88 квадратного метра общей площади жилого помещения, то есть исходя из права З. на 33,12 квадратного метра общей площади жилого помещения (42 квадратных метра – 8,88 квадратного метра).

Полагая, что при расчете жилищной субсидии не должна учитываться ее и дочери доля общей площади жилого помещения в квартире, нанимателем которой является ее мать, З. оспорила указанное сообщение в гарнизонный военный суд.

Удовлетворяя заявление, суд исходил из того, что заявитель и ее дочь не являются нанимателями жилого помещения по договору социального найма и не имеют объективной возможности взять на себя обязательство о расторжении указанного договора либо дать письменное обязательство о передаче квартиры органу, предоставившему жилое помещение.

Соглашаясь с решением, суд апелляционной инстанции дополнительно указал, что З. представила письменное обязательство о снятии с регистрационного учета по месту проживания, а реальное выделение ее доли в квартире, в которой она в настоящее время проживает вместе с дочерью, невозможно по объективным обстоятельствам.

Такие выводы судов основаны на неправильном толковании закона.

Право на жилищную субсидию установлено пп. 1, 16 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», согласно которым государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в форме предоставления им денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений, в том числе жилищной субсидии, в порядке и на условиях, установленных названным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Утверждение порядка расчета жилищной субсидии в силу п. 16 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» возложено на Правительство Российской Федерации.

Во исполнение предписаний закона Правительство Российской Федерации Постановлением от 3 февраля 2014 г. № 76 утвердило Правила расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим – гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» (далее – Правила).

Согласно пп. 3 и 4 Правил установленный норматив общей площади жилого помещения (42 квадратного метра на семью из двух человек) при расчете размера жилищной субсидии уменьшается на общую площадь жилых помещений, занимаемых военнослужащим и (или) членами его семьи по договору социального найма, в случае если в отношении этой площади указанными лицами не взято на себя письменное обязательство о расторжении договора социального найма, ее освобождении и передаче органу, предоставившему жилые помещения.

Содержание названной правовой нормы указывает на то, что при расчете размера жилищной субсидии учету подлежит занимаемая военнослужащим и (или) членами его семьи по договору социального найма общая площадь жилого помещения вне зависимости от того, кто является ее нанимателем, и в отношении которой не дано обязательство о ее освобождении.

Приведенные предписания Правил соответствуют положениям ч. 2 ст. 51 ЖК РФ, согласно которой при наличии у гражданина и (или) членов его семьи нескольких жилых помещений, занимаемых по договорам социального найма, определение уровня обеспеченности общей площадью жилого помещения осуществляется исходя из суммарной общей площади всех указанных жилых помещений.

По делу установлено, что З., обеспеченная жилым помещением по договору социального найма менее учетной нормы, фактически поставила вопрос об улучшении жилищных условий с предоставлением ей еще одного жилого помещения в избранном месте жительства после увольнения с военной службы с сохранением права пользования жилым помещением по прежнему месту жительства.

При таких данных выделение заявителю жилищной субсидии из расчета 42 квадратного метра на семью из двух человек и без учета доли жилого помещения, в котором она вместе с дочерью проживает по договору социального найма, как правильно указывается в кассационной жалобе, приведет к сверхнормативному обеспечению ее жильем.

Отсутствие у заявителя и ее дочери объективной возможности взять на себя обязательство о расторжении договора социального найма либо дать письменное обязательство о передаче квартиры органу, предоставившему жилое помещение с учетом установленных обстоятельств, правового значения для дела не имеет.

Из изложенного следует, что З. вправе претендовать на получение жилищной субсидии с учетом 8,88 квадратного метра общей площади жилого помещения, занимаемого ею с дочерью по договору социального найма, в связи с чем вывод судов о неправомерности направленного заявителем начальником 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» извещения от 26 сентября 2014 г. основан на неправомерном применении норм материального права.

Допущенные судами нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, что яви-

лось основанием для отмены в кассационном порядке судебных актов и принятия по делу Судебной коллегией по делам военнослужащих нового решения – об отказе З. в удовлетворении заявления.

При распределении заявителю жилого помещения правомерно учтена доля жилого помещения, ранее полученного за счет государства

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2015 г. № 211-КГ15-15 по заявлению Л. (извлечение)

Апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 9 декабря 2014 г. отменено решение 35-го гарнизонного военного суда от 29 сентября 2014 г. об отказе в удовлетворении заявления Л., в котором он просил признать незаконным извещение начальника 3-го отдела федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») от 7 августа 2014 г. об уменьшении общей площади распределенного после увольнения с военной службы жилого помещения по избранному месту жительства на 8,58 квадратного метра общей площади жилого помещения, право пользования которым заявитель сохранил после дачи согласия родителям на его приватизацию.

По делу принято новое решение – об удовлетворении заявления и о возложении на начальника ФГКУ «Востокрегионжилье» и начальника 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» обязанности по распределению Л. жилого помещения без указанной доли общей площади жилого помещения.

В кассационной жалобе начальник 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье», утверждая, что при распределении Л. жилого помещения по избранному месту жительства необходимо учитывать долю общей площади жилого помещения, полученного родителями заявителя, в том числе с учетом заявителя, просит апелляционное определение отменить, оставить в силе решение суда первой инстанции.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Судом при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что в сентябре 1986 г. отцу Л., жене и двум сыновьям, в том числе заявителю, была предоставлена за счет Министерства обороны СССР двухкомнатная квартира общей площадью жилого помещения 51,5 квадратного метра, расположенная в г. Петропавловске-Камчатском.

В апреле 2010 г. Л., продолжавший проживать в указанной квартире, дал родителям согласие на ее приватизацию.

В декабре 2013 г. заявитель был принят на учет нуждающихся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Санкт-Петербурге, а извещением начальника 3-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» от 7 августа 2014 г. он проинформирован о распределении ему жилого помещения по избранному месту жительства с уменьшением на 8,58 квадратного метра его общей площади.

Полагая, что при предоставлении жилого помещения по избранному месту жительства после увольнения с военной службы не должна учитываться доля

общей площади жилого помещения в квартире, собственниками которой являются его родители, Л. оспорил указанное извещение в гарнизонный военный суд.

Оставляя заявление без удовлетворения, гарнизонный военный суд исходил из того, что предоставленное ранее за счет государства жилое помещение, в том числе с учетом заявителя, подлежит учету при обеспечении его жилым помещением по избранному месту жительства.

Отменяя данное решение и принимая новое – об отказе в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции в обоснование указал, что закон не содержит дополнительных условий, ограничивающих право военнослужащего, признанного в установленном порядке нуждающимся в жилом помещении, на получение жилого помещения по установленным нормам.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном толковании закона.

Право военнослужащих на жилище установлено п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», согласно которой государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями в порядке и на условиях, установленных названным Федеральным законом, другими федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, за счет средств федерального бюджета.

Согласно подп. «и» п. 7 Правил учета военнослужащих, подлежащих увольнению с военной службы, и граждан, уволенных с военной службы в запас или в отставку и службы в органах внутренних дел, военнослужащих и сотрудников Государственной противопожарной службы, нуждающихся в получении жилых помещений или улучшении жилищных условий в избранном постоянном месте жительства, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 1998 г. № 1054, избрание гражданами постоянного места жительства после увольнения с военной службы является самостоятельным основанием признания их нуждающимися в получении жилых помещений.

Вместе с тем, в соответствии с пп. 1 и 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение жилым помещением военнослужащих, признанных в установленном порядке нуждающимися в жилых помещениях и имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе и членов их семей при перемене места жительства производится с последующим освобождением ими жилых помещений и снятием с регистрационного учета по прежнему месту жительства.

По делу установлено, что Л., обеспеченный в качестве члена семьи за счет государства (Министерства обороны СССР) жилым помещением и давший согласие на его приватизацию своим родителям, то есть сохранивший право пользования этим жилым помещением, фактически поставил вопрос об улучшении жилищных условий с предоставлением ему еще одного жилого помещения по избранному месту жительства после увольнения с военной службы.

При таких данных распределение заявителю жилого помещения без учета доли жилого помещения, ранее полученного за счет государства, приведет к сверхнормативному обеспечению его жильем.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемое апелляционное определение и оставила в силе решение гарнизонного военного суда по заявлению Л.

Приобретение военнослужащим жилья за счет участия в накопительно-ипотечной системе является одной из форм его жилищного обеспечения, реализуемого за счет средств федерального бюджета, и на такое помещение распространяются такие же правила, что и на имущество, нажитое супругами во время брака

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2015 г. № 211-КГ15-17 по заявлению К. (извлечение)

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 31 октября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 13 января 2015 г. и постановлением президиума того же суда от 10 июня 2015 г., удовлетворено заявление К., в котором он просил признать незаконным решение заместителя начальника Управления ФСБ России по Приморскому краю (далее – Управление) от 20 марта 2014 г. об отказе в заключении договора социального найма на распределенное заявителю жилое помещение в избранном месте жительства после увольнения с военной службы – г. Владивостоке ввиду наличия в собственности супруги жилого помещения по установленным нормам в г. Дальнереченске Приморского края, приобретенного за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

В кассационной жалобе представитель начальника Управления, утверждая, что вывод судов о том, что право собственности на жилое помещение супруги заявителя, приобретенное на средства целевого жилищного займа и ипотечного кредита, распространяется только на нее одну, является ошибочным, просила отменить судебные постановления и принять по делу новое судебное постановление.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные акты и приняла по делу новое решение – об отказе К. в удовлетворении заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что супруга К., будучи офицером Службы в г. Дальнереченске Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю, в августе 2011 г. приобрела в собственность по месту военной службы своего и заявителя трехкомнатную квартиру общей площадью жилого помещения 71,6 квадратного метра за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих стоимостью 2 900 000 руб.

Из указанной суммы 675 957 руб. выплачены супруге заявителя по договору целевого жилищного займа, предоставленного федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба, как участнику накопительно-ипотечной системы, 224 043 руб. ею внесены за счет собственных средств, а 2 000 000 руб. – по кредитному договору, предоставленному банком, с последующим погашением суммы кредита и процентов за пользование кредитом заемщиком за счет средств целевого жилищного займа.

Согласно п. 6.10 кредитного договора заемщик, то есть супруга заявителя, уведомила банк о том, что в квартире имеют намерение проживать ее супруг и их дочь.

В августе 2013 г. К. обратился в жилищную комиссию Службы Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю в г. Дальнереченске с заявлением о признании его и дочери нуждающимися в жилом помещении по из-

бранному им месту жительства в г. Владивостоке, после чего решениями жилищной комиссии от 13 августа и 25 декабря 2013 г. он был поставлен на жилищный учет и ему распределена однокомнатная квартира.

Однако решением заместителя начальника Управления от 20 марта 2014 г. заявителю было отказано в заключении договора социального найма на указанную квартиру ввиду наличия в собственности супруги жилого помещения по установленным нормам.

Признавая названное решение незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что действующее правовое регулирование получения целевого жилищного займа и условия кредитного договора не предполагают какого-либо участия супруга военнослужащего – участника накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих как в совершении сделки, так и в ее последующем исполнении, в связи с чем право на такое жилье возникает только у самого военнослужащего и не распространяется на других членов семьи.

Такие выводы суда основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что квартира приобретена супругой заявителя в собственность в период брака по договору купли-продажи, то есть по возмездной сделке, иной режим пользования квартирой между ними не устанавливался. Передача квартиры по акту приема-передачи, регистрация права собственности, оплата квартиры состоялись также в период брака.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела.

В соответствии с п. 1 ст. 256 ГК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), на основании п. 2 ст. 34 СК РФ относятся движимые и недвижимые вещи, любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

В составе общего имущества в соответствии с п. 2 ст. 39 СК РФ учитываются также общие долги супругов, а также право требования по обязательствам, возникшим в интересах семьи, что следует из разъяснений, содержащихся в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 г. № 6).

При таких данных приобретенная супругой заявителя в собственность квартира, вопреки выводу суда, является их совместной собственностью.

То обстоятельство, что квартира приобреталась за счет участия супруги К. в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих, не свидетельствует об обратном.

Согласно пп. 1 и 15 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» государство гарантирует военнослужащим обеспечение их жилыми помещениями за счет средств федерального бюджета, в частности, в форме предоставления денежных средств на приобретение или строительство жилых помещений в соответствии с Федеральным законом «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих».

Каких-либо ограничений для членов семьи военнослужащего в режиме и порядке пользования жилым помещением, приобретенным за счет участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих, федеральные законы «О статусе военнослужащих» и «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» не содержат.

Следовательно, приобретение военнослужащим жилья за счет участия в накопительно-ипотечной системе является одной из форм его жилищного обеспечения, реализуемого за счет средств федерального бюджета, и на такое помещение распространяются такие же правила, установленные п. 1 ст. 256 ГК РФ, п. 2 ст. 34, п. 2 ст. 39 СК РФ, что и на имущество, нажитое супругами во время брака.

Решением Думы г. Владивостока от 29 сентября 2005 г. № 94 учетная норма площади жилого помещения в г. Владивостоке установлена в размере 13 квадратных метров общей площади на одного члена семьи, из чего следует, что заявитель и члены его семьи обеспечены жилым помещением по установленным нормам.

Таким образом, К. не мог быть признан нуждающимся в жилом помещении исходя из обеспеченности его жильем за счет государства по установленным нормам. Другие основания признания заявителя нуждающимся в жилом помещении, предусмотренные ст. 51 ЖК РФ, по делу не установлены.

Согласно п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» при обеспечении военнослужащих жилым помещением при перемене места жительства такими военнослужащими и совместно проживающими с ними членами их семей представляются документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учета по прежнему месту жительства.

Поскольку документов о сдаче жилого помещения, находящегося в собственности супруги заявителя, последним не представлено, решение заместителя начальника Управления об отказе в заключении договора социального найма на распределенное К. жилое помещение является правомерным, а выводы судов об обратном – ошибочными.

Оставление судом без внимания положений закона, согласно которым имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества, повлекло отмену судебных актов

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 6 октября 2015 г. № 211-КГ15-14 по заявлению А. (извлечение)

Решением 35-го гарнизонного военного суда от 16 января 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 9 апреля 2015 г., удовлетворено заявление А. в той части, в которой он просил признать незаконными действия руководителя жилищного органа, связанные с учетом $\frac{1}{3}$ доли общей площади в жилом помещении, принадлежащей на супругу А. по месту ее регистрации, при распределении заявителю жилого помещения по избранному после увольнения с военной службы постоянному месту жительства.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе руководителя жилищного органа, нашла необходимым судебные акты отменить ввиду существенного нарушения судом норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что брак между заявителем и его супругой П. заключен 23 апреля 2014 г. с присвоением ей фамилии А-ва, а до этого она с 23 марта 1990 г. по 5 февраля 2002 г. состояла в браке с гражданином П. А.

26 мая 1995 г., то есть в период брака с А-вой, П. А. приобрел в собственность по договору купли-продажи квартиру, в которой, помимо собственника жилого помещения и его дочери, до настоящего времени зарегистрирована супруга заявителя.

Данное обстоятельство явилось основанием для учета руководителем жилищного органа доли жилой площади, приходящейся на супругу А. в указанной квартире, при решении вопроса о распределении заявителю жилого помещения в избранном месте жительства после увольнения с военной службы.

Признавая названное решение незаконным, гарнизонный военный суд исходил из того, что какого-либо недвижимого имущества А-ва в собственности не имеет, а членом семьи собственника жилого помещения, принадлежащего ее бывшему мужу – П. А., быть перестала, в связи с чем право на указанное жилое помещение, а также право на проживание в нем у нее отсутствует.

Такие выводы суда основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что квартира приобретена бывшим мужем супруги заявителя – А-вой в собственность в период брака.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела.

В соответствии с п. 1 ст. 256 ГК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), на основании п. 2 ст. 34 СК РФ относятся движимые и недвижимые вещи, любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

При таких данных приобретенная бывшим супругом жены заявителя в собственность квартира, вопреки выводу суда, могла являться общим имуществом А-вой и П. А. в том случае, если договором между ними не устанавливался иной режим этого имущества.

Однако данное обстоятельство, имеющее существенное значение для дела, судом не выяснялось.

Кроме того, согласно п. 1 ст. 38 СК РФ раздел общего имущества супругов может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию любого из супругов.

Между тем в материалах дела отсутствуют сведения о том, производился ли между А-вой и П. А. раздел квартиры, приобретенной последним в собственность в период брака, распоряжалась ли супруга заявителя принадлежащей ей долей и если да, то каким образом и когда.

Данные обстоятельства также имеют существенное значение для дела.

Нарушение судом норм материального права и недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела, при-

вели к тому, что остались невыясненными юридически значимые обстоятельства о праве супруги заявителя на жилое помещение за счет Министерства обороны Российской Федерации в избранном А. месте жительства после увольнения с военной службы.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты судов первой и апелляционной инстанций отменила, а дело направила на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд в ином составе судей.

Предоставление жилищной субсидии военнослужащему, отказавшемуся от предложенного ему жилого помещения, расположенного по избранному им месту жительства и соответствующего требованиям законодательства, признано законным

Ш. отказалась от получения распределенной ей однокомнатной квартиры общей площадью 33,8 квадратного метра, не согласившись с размером общей площади квартиры и ее планировкой.

При указанных обстоятельствах решением начальника 1-го отдела Западного РУЖО в персональные данные Ш. внесены изменения в части, касающейся формы обеспечения ее жильем путем предоставления жилищной субсидии.

Решением Одинцовского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления Ш. об оспаривании указанных действий должностного лица отказано.

В соответствии с пп. 1 и 3 ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» одиноко проживающему военнослужащему жилое помещение в собственности бесплатно или по договору социального найма может быть предоставлено в размере от 18 до 36 квадратных метров общей площади.

Суд первой инстанции пришел к выводу о том, что Ш., находящаяся на жилищном учете составом семьи один человек, вправе претендовать на обеспечение жилым помещением в избранном месте жительства общей площадью от 18 до 36 квадратных метров.

Согласно п. 18 ст. 15 указанного Федерального закона право выбора населенного пункта в качестве избранного места жительства в целях предоставления военнослужащему-гражданину жилого помещения предоставляется ему один раз, а п. 19 той же статьи определено, что военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, признанным нуждающимися в жилых помещениях, отказавшимся от предложенного жилого помещения, расположенного по избранному месту жительства, которое соответствует требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, предоставляется жилищная субсидия.

По делу установлено, что Ш. признана нуждающейся в жилом помещении в г. Подольске Московской области, то есть в населенном пункте, где находится и распределенная ей квартира общей площадью 33,8 квадратного метра.

При таких обстоятельствах суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что жилое помещение соответствовало требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, а поэтому после отказа Ш. от указанной квартиры она подлежит обеспечению жильем путем предоставления жилищной субсидии.

Военнослужащий, обеспеченный общежитием, имеет право на улучшение жилищных условий посредством предоставления служебного жилого помещения по установленным нормам

Псковский гарнизонный военный суд признал законным решение начальника территориального отдела Западного РУЖО об отказе в принятии У. на учет нуждающихся в служебных жилых помещениях.

В обоснование изложенного суд указал, что проживание У. в общежитии по месту прохождения военной службы лишает его права на получение другого служебного жилого помещения в том же населенном пункте.

Окружной военный суд пришел к выводу о нарушении судом первой инстанции норм материального права, что выразилось в следующем.

По делу установлено, что У. относится к числу военнослужащих, которые на весь период военной службы подлежат обеспечению служебными жилыми помещениями.

На момент заключения нового контракта о прохождении военной службы в феврале 2013 г. и ко времени обращения с заявлением в территориальный отдел Западного РУЖО в феврале 2015 г. У. и члены его семьи были обеспечены специализированным жилым помещением в виде двух комнат общей площадью 30 квадратных метров в общежитии, расположенном по месту прохождения им военной службы в г. Пскове. Это жилое помещение было предоставлено заявителю в период работы в учебном заведении г. Пскова.

Между тем факт проживания заявителя в данном жилом помещении не является препятствием для включения его и членов семьи в списки на получение служебного жилого помещения по установленным нормам.

В соответствии с п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим-гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трехмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

При этом в п. 3 названной статьи указывается, что военнослужащие-граждане, проходящие военную службу по контракту, и члены их семей, прибывшие на новое место военной службы военнослужащих-граждан, до получения жилых помещений по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регистрируются по месту жительства, в том числе по их просьбе по адресам воинских частей. Указанным военнослужащим-гражданам и членам их семей до получения жилых помещений предоставляются служебные жилые помещения, пригодные для временного проживания, жилые помещения маневренного фонда или общежития.

В случае отсутствия указанных жилых помещений воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих-граждан и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих-граждан ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в порядке и размерах, которые определяются Правительством Российской Федерации.

Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод, что в целях реализации жилищных и иных прав военнослужащих-граждан, проходящих военную службу

бу по контракту, и членов их семей до обеспечения их служебными жилыми помещениями по установленным нормам с их согласия им могут временно предоставляться служебные жилые помещения менее установленной нормы, а также жилые помещения маневренного фонда, общежития или арендованные жилые помещения. При этом вселение этой категории военнослужащих и членов их семей в такие жилые помещения не исключает обязанность органов военного управления по обеспечению их служебными жилыми помещениями по установленным нормам.

Возможность улучшения жилищных условий военнослужащих, проходящих военную службу по контракту и подлежащих обеспечению служебными жилыми помещениями, закреплена и в подзаконных нормативных правовых актах.

В частности, согласно пп. 3 и 4 Инструкции о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, служебных жилых помещений (далее – Инструкция), утвержденной приказом министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 г. № 1280, служебные жилые помещения предоставляются военнослужащим и членам их семей не ниже норм предоставления площади жилого помещения по договору социального найма, установленных ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих», после сдачи предоставленных по прежнему месту военной службы служебных жилых помещений. В случае невозможности предоставления военнослужащим и членам их семей служебных жилых помещений по нормам им могут, при их согласии, предоставляться меньшие по площади служебные жилые помещения, пригодные для временного проживания, жилые помещения маневренного фонда или общежития.

Данными пунктами не установлен порядок действий структурных подразделений уполномоченного органа после вселения военнослужащих в помещения для временного проживания. В то же время пп. 7 и 8 Инструкции определено, что при изменении состава семьи военнослужащих, в результате чего площадь служебного жилого помещения, приходящаяся на военнослужащих и членов их семей, стала ниже учетной нормы площади жилого помещения, исходя из которой определяется уровень обеспеченности граждан Российской Федерации общей площадью жилого помещения в целях их принятия на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, установленной органом местного самоуправления по месту нахождения предоставляемого служебного жилого помещения, военнослужащим на основании заявления и документов, подтверждающих указанные обстоятельства, предоставляется другое служебное жилое помещение в соответствии с Инструкцией. Военнослужащим, ранее обеспеченным служебными жилыми помещениями в близлежащих населенных пунктах, предоставляются по мере возможности служебные жилые помещения по месту прохождения военной службы в соответствии с Инструкцией.

Тем самым Инструкцией определены случаи, когда служебные жилые помещения предоставляются военнослужащим, обеспеченным служебными или иными специализированными жилыми помещениями ниже установленной нормы.

Данное обстоятельство опровергает выводы должностного лица и суда о том, что военнослужащим ни при каких обстоятельствах не может быть предоставлено служебное жилое помещение в населенном пункте, в котором они

обеспечены другим специализированным жилым помещением. Причем перечень таких случаев применительно к положениям п. 3 ст. 15 названного Федерального закона и Инструкции не является исчерпывающим.

Из договора найма жилого помещения в общежитии усматривается, что общая площадь жилого помещения, где проживают У. и члены его семьи (всего четыре человека), составляет 30 квадратных метров. Таким образом, размер принадлежащей жилой площади на каждого проживающего в общежитии члена семьи военнослужащего соответствовал расчетной норме предоставления жилых помещений в общежитии, установленной в ч. 1 ст. 105 ЖК РФ. Однако этот размер составляет менее учетной нормы общей площади жилого помещения (14 квадратных метров) на каждого члена семьи для принятия на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий, определенной постановлением Псковской городской Думы от 8 июля 2005 г. № 447 «Об установлении учетной нормы и нормы предоставления площади жилого помещения».

В такой ситуации заявитель как по виду занимаемого его семьей жилого помещения, так и по его размеру после поступления на военную службу по контракту вправе был рассчитывать на предоставление служебного жилого помещения по установленным нормам от Министерства обороны Российской Федерации, а отказ начальника территориального отделения Западного РУЖО в принятии У. на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору найма служебного жилого помещения по месту военной службы, противоречит приведенным выше нормам закона и подзаконных нормативных правовых актов.

Поскольку гарнизонный военный суд неправильно применил нормы материального права, суд апелляционной инстанции отменил решение и принял новое решение – об удовлетворении заявленных требований, возложив на должностное лицо обязанность повторно рассмотреть вопрос о включении У. и членов его семьи в список на предоставление служебных жилых помещений.

При отказе военнослужащего от предоставленного по нормам, предусмотренным ч. 1 ст. 105 ЖК РФ, жилого помещения в общежитии основания для выплаты ему компенсации за наем (поднаем) жилого помещения отсутствуют

Решением Знаменского гарнизонного военного суда удовлетворено заявление Ф. На командира воинской части возложена обязанность издать приказ о выплате заявителю денежной компенсации за наем жилого помещения.

Отменяя данное решение ввиду неправильного применения норм материального права, суд апелляционной инстанции исходил из следующего.

По делу установлено, что Ф. на состав семьи три человека командованием было предложено жилое помещение в общежитии, от которого он отказался. Именно это обстоятельство послужило причиной отказа для издания приказа о выплате Ф. компенсации за наем жилого помещения.

Суд первой инстанции ошибочно истолковал положения ст. 15.1 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и пп. 3 и 4 Инструкции о предоставлении военнослужащим – гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации, служебных жилых помещений, придя к выводу о том, что норма предоставления общей площади жилого помещения в общежитии должна составлять не менее 18 квадратных метров на одного человека.

Между тем согласно п. 3 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, прибывшим на новое место военной службы военнослужащих, до получения жилых помещений предоставляются служебные жилые помещения, пригодные для временного проживания, жилые помещения маневренного фонда или общежития. В случае отсутствия указанных жилых помещений воинские части арендуют жилые помещения для обеспечения военнослужащих и совместно проживающих с ними членов их семей или по желанию военнослужащих ежемесячно выплачивают им денежную компенсацию за наем (поднаем) жилых помещений в соответствующих порядке и размерах.

Таким образом, вышеназванным Федеральным законом определено, что денежная компенсация за наем (поднаем) жилого помещения может выплачиваться военнослужащему лишь в случае невозможности обеспечения его и членов семьи служебным жилым помещением, жилым помещением маневренного фонда или общежитием.

Согласно ч. 1 ст. 105 ЖК РФ жилые помещения в общежитиях предоставляются из расчета не менее 6 квадратных метров жилой площади на одного человека. Именно такое жилое помещение и предоставлялось Ф.

При таких обстоятельствах требования заявителя о выплате ему денежной компенсации за наем жилого помещения удовлетворению не подлежат.

Отсутствие возможности сдать уполномоченному органу жилое помещение по месту службы исключает для военнослужащего предоставление такового по избранному месту жительства

Флотский военный суд в апелляционном порядке отменил решение 35-го гарнизонного военного суда по заявлению Р. и отказал в удовлетворении ее требований к центральной жилищной комиссии ФСО России по следующим основаниям.

Р. проходит военную службу в г. Петропавловске-Камчатском, перед увольнением по «льготному» основанию она избрала местом жительства г. Калининград.

По месту военной службы в 2010 г. Р. за счет кредитных средств приобрела квартиру. В обеспечение обязательства по кредитному договору на квартиру установлена ипотека, срок выплаты кредита составляет 15 лет. В силу этого квартира имеет ограничение права и не может быть сдана Р. уполномоченному органу в установленном порядке.

Поскольку Р. лишена возможности сдать занимаемое жилое помещение по месту службы, то отсутствуют и условия для предоставления ей жилого помещения по избранному месту жительства.

Проживающие с военнослужащим совершеннолетние дети, не обучающиеся в образовательных учреждениях по очной форме обучения, также имеют право на обеспечение жилым помещением совместно с ним

Начальник отдела ФГКУ «Югрегионжилье» отказал военнослужащему И. в принятии на жилищный учет его совершеннолетних детей, проживающих совместно с ним.

Севастопольский гарнизонный военный суд данное решение должностного лица признал незаконным.

Оставляя решение суда первой инстанции без изменения и отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы, окружной военный суд указал следующее.

По делу установлено, что И., его супруга и два совершеннолетних сына проживают в служебном жилом помещении.

Разъяснение о необходимости применения норм ЖК РФ и СК РФ при решении вопроса о том, кого следует отнести к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жильем, содержится в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

К пользованию специализированным жилым помещением в силу ч. 3 ст. 100 ЖК РФ применяются правила, предусмотренные ст. 69 ЖК РФ, относящие детей нанимателя жилого помещения, проживающих совместно с ним, к членам его семьи.

Ссылка должностного лица в обоснование отказа в принятии на учет детей заявителя на то, что в соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» они не относятся к членам семьи военнослужащего, является необоснованной.

Согласно названному пункту к членам семей военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, на которых распространяются социальные гарантии, предусмотренные Федеральным законом «О статусе военнослужащих», относятся перечисленные в данной норме Закона лица, если иное не установлено названным Федеральным законом и другими федеральными законами. Между тем к членам семьи нанимателя специализированного жилого помещения жилищным законодательством отнесены проживающие совместно с ним дети.

Таким образом, к членам семьи военнослужащего, имеющим право на предоставление жилого помещения совместно с ним, относятся также проживающие с ним дети в возрасте старше 18 лет, вне зависимости от их обучения в образовательных учреждениях по очной форме.

Выезд военнослужащего из принадлежащей его отцу на праве собственности квартиры в связи с переводом к новому месту службы не является основанием для уменьшения норматива общей площади жилого помещения при расчете жилищной субсидии

Решением жилищной комиссии М. произведен расчет жилищной субсидии за вычетом доли квартиры в г. Владикавказе на том основании, что с момента отказа от признания права собственности на данное жилое помещение в пользу отца не истек предусмотренный ст. 53 ЖК РФ срок.

Решением Владикавказского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения окружным военным судом, заявленное М. требование о признании незаконным решения жилищной комиссии удовлетворено по следующим основаниям.

В соответствии с п. 16 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» порядок расчета жилищной субсидии утверждается Правительством Российской Федерации.

Правила расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим – гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих», утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. № 76.

В силу п. 4 названных Правил норматив общей площади жилого помещения уменьшается на общую площадь жилых помещений, на которую в результате совершенных военнослужащим и (или) членами его семьи действий и гражданско-правовых сделок уменьшился размер занимаемых (имеющихся) жилых помещений или в отношении которой произведено отчуждение. Такое уменьшение производится в течение пяти лет со дня совершения указанных действий или гражданско-правовых сделок.

Судом первой инстанции установлено, что административный истец с 1994 г. проходит военную службу по контракту, при общей продолжительности военной службы более 20 лет планируется к увольнению в связи с организационно-штатными мероприятиями.

С 1989 г. М. и члены его семьи проживали и были зарегистрированы по месту прохождения им военной службы в г. Владикавказе в квартире, которая была приобретена его отцом в качестве члена жилищно-строительного кооператива. Право собственности отца на указанную квартиру зарегистрировано в ноябре 2013 г. на основании решения суда. В связи со смертью отца право собственности на квартиру в декабре 2014 г. в порядке наследования по закону зарегистрировано за матерью заявителя.

В марте 2012 г. М. с семьей в связи с убытием к новому месту службы в г. Краснодар выехал из указанной квартиры и снялся с регистрационного учета. В январе 2014 г. он переведен к прежнему месту службы в г. Владикавказ, но при этом в эту квартиру не вселялся, зарегистрирован по адресу воинской части, проживает на условиях найма иного жилого помещения. В мае 2014 г. он принят на жилищный учет.

Следовательно, после выезда из квартиры в марте 2012 г. М. перестал быть членом семьи своего отца и не приобрел этот статус вновь после возвращения для продолжения службы в г. Владикавказ. Причем утрата им указанного статуса в данном случае обусловлена причинами, не связанными с намеренным ухудшением своих жилищных условий.

Данное обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку согласно чч. 1 и 2 ст. 31 ЖК РФ равные права пользования жилым помещением, принадлежащим собственнику, имеют только проживающие вместе с ним члены его семьи.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», наследник, принявший наследство, считается собственником наследственного имущества со дня открытия наследства вне зависимости от факта государственной регистрации прав на наследственное имущество и ее момента.

Между тем сведения о принятии М. наследства умершего отца в деле не содержатся и основанием для принятия жилищной комиссией оспариваемого решения не являлись.

Таким образом, у жилищной комиссии не имелось оснований для учета доли указанного жилого помещения при расчете жилищной субсидии.

Договор купли-продажи, в котором указано о нахождении жилого помещения в состоянии, непригодном для проживания, не может подменять соответствующее решение органа местного самоуправления или заключение межведомственной комиссии, созданной для определения пригодности жилья к проживанию

Т. обратился в суд с заявлением, в котором просил признать незаконным решение начальника 4-го отдела ФГКУ «Востокрегионжилье» о снятии его и членов семьи с учета лиц, нуждающихся в предоставлении жилого помещения по договору социального найма, ввиду отчуждения имевшегося в собственности жилого дома.

Решением Читинского гарнизонного военного суда в удовлетворении заявления отказано.

Апелляционным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда решение суда первой инстанции отменено, по делу принято новое решение – об удовлетворении заявления и признании незаконным решения руководителя жилищного органа о снятии заявителя и членов его семьи с учета лиц, нуждающихся в предоставлении жилого помещения.

Рассмотрев кассационную жалобу заявителя должностного лица, чьи действия оспаривались, президиум окружного военного суда отменил апелляционное определение по следующим основаниям.

Суд апелляционной инстанции, принимая новое решение, пришел к выводу об отсутствии на момент отчуждения у заявителя и членов его семьи жилья для проживания, сославшись на то, что ранее принадлежавший заявителю жилой дом, согласно договору купли-продажи, был продан в состоянии, непригодном для проживания, не отвечающем санитарным и техническим требованиям.

Однако судом апелляционной инстанции не учтено, что согласно ч. 4 ст. 15 ЖК РФ жилое помещение может быть признано непригодным для проживания лишь по основаниям и в порядке, установленным Правительством Российской Федерации.

Порядок признания жилого помещения непригодным для проживания установлен Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2006 г. № 47, которым утверждено Положение о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания и многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции (далее – Положение).

Пунктом 7 Положения определено, что оценка и обследование помещения в целях признания его пригодным (непригодным) для проживания граждан осуществляются межведомственной комиссией, создаваемой в этих целях органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации или местного самоуправления.

Исходя из п. 8 Положения, орган местного самоуправления вправе принимать решение о признании частных жилых помещений, находящихся на соответствующей территории, пригодными (непригодными) для проживания граждан и делегировать указанной комиссии полномочия по оценке соответствия помещений установленным требованиям и по принятию решения о признании помещений пригодными (непригодными) для проживания граждан.

С учетом положений ч. 4 ст. 15 ЖК РФ и пп. 2, 5, 8 Положения законодателем не предусмотрено иного порядка обследования частных жилых помещений в целях признания их пригодными (непригодными) для проживания, кроме об-

следования создаваемыми на уровне муниципального образования межведомственными комиссиями.

Судами первой и апелляционной инстанций не был исследован вопрос, принималось ли органом муниципального образования или межведомственной комиссией решение о признании находившегося в собственности заявителя и членов его семьи жилья непригодным для проживания.

Отсутствие соответствующего решения уполномоченного органа, которому дано право признания жилого помещения непригодным для проживания, не позволяет установить наличие либо отсутствие нуждаемости заявителя и членов его семьи в жилом помещении и дать оценку законности оспариваемого решения жилищного органа.

В связи с существенным нарушением норм материального права апелляционное определение окружного военного суда отменено, а дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Несоблюдение порядка обращения за выплатой денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения (несвоевременное обращение), не свидетельствует об утрате участником накопительно-ипотечной системы права на получение указанных денежных средств

С. оспорил в судебном порядке действия командира воинской части, отказавшего в приеме, организации работы по проверке документов и принятии решения о выплате ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, на том основании, что данное обращение имело место уже после исключения из списков личного состава воинской части.

Решением Новороссийского гарнизонного военного суда на командира воинской части возложена обязанность рассмотреть вопрос о выплате указанных денежных средств. Окружной военный суд согласился с этим решением по следующим основаниям.

В силу п. 1 ч. 2 и ч. 3 ст. 4 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» право на выплату денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенных на именном накопительном счете участника накопительно-ипотечной системы (НИС) жилищного обеспечения военнослужащих, возникает, в частности, при увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями военнослужащего – участника НИС, общая продолжительность военной службы которого составляет от 10 до 20 лет.

Выплата указанных денежных средств производится федеральными органами исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, в трехмесячный срок начиная со дня поступления в соответствующий федеральный орган исполнительной власти заявления в письменной форме от участника НИС. При этом вышеназванный Федеральный закон не содержит оснований для отказа в выплате дополнений.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2005 г. № 686, изданным во исполнение названного Федерального закона, утверждены Правила выплаты участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих или членам их семей денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения (далее – Правила). Целью Правил является конкретизация норм указанного Федерального закона для

выполнения необходимых административных процедур по перечислению этих денежных средств.

В соответствии с пп. 7, 9 Правил участник НИС подает рапорт о выплате дополнений до его исключения из списков личного состава воинской части. При этом основаниями для отказа в выплате дополнительных денежных средств являются: непредставление или представление не в полном объеме установленных для выплаты документов; недостоверность сведений, содержащихся в представленных документах.

Такого основания для отказа в выплате указанных денежных средств, как пропуск срока для подачи заявления (рапорта), Правила не содержат, равно как не содержит подобного основания и Порядок организации в органах федеральной службы безопасности работы по выплате участникам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих или членам их семей денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, утвержденный приказом ФСБ России от 18 декабря 2007 г. № 726.

При таких обстоятельствах несоблюдение порядка обращения за выплатой денежных средств, дополняющих накопления, не свидетельствует об утрате участником НИС права на их получение.

Данный вывод также следует из п. 10 Правил, предусматривающего возможность повторного обращения участника НИС с рапортом (заявлением) о выплате указанных денежных средств после устранения причин, послуживших основанием для отказа в их выплате.

Законодательство не ставит реализацию права на получение денежных средств, дополняющих накопления, учтенные на именном накопительном счете участника накопительно-ипотечной системы, несовершеннолетним членом семьи умершего военнослужащего в зависимости от того, чей целевой жилищный заем использован для приобретения жилого помещения: самого умершего военнослужащего или иного военнослужащего, членом семьи которого с точки зрения жилищного законодательства является этот ребенок

Л., общая продолжительность военной службы которого составляла более 10 лет, исключен из списков личного состава воинской части в связи со смертью.

Щ. (бывшая жена Л.) в интересах несовершеннолетней дочери обратилась в воинскую часть, в которой Л. проходил военную службу, с заявлением о выплате ей денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на его именном накопительном счете, в чем ей было отказано.

Решением Пятигорского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения окружным военным судом, заявление Щ. об оспаривании указанных действий командования удовлетворено по следующим основаниям.

В силу п. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» одной из форм реализации права на жилище участниками накопительно-ипотечной системы являются выплаты по решению федерального органа исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, за счет средств федерального бюджета, выделяемых соответствующему федеральному органу исполнительной власти, в раз мере и в порядке, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации, денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на именном накопительном счете участни-

ка, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник накопительно-ипотечной системы в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы в календарном исчислении могла бы составить двадцать лет (без учета дохода от инвестирования).

В соответствии с ч. 2 ст. 4 и ч. 1 ст. 12 названного Федерального закона выплата указанных денежных средств производится военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, или членам их семей, не являющимся нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с указанным Федеральным законом. В случае исключения участника накопительно-ипотечной системы из списков личного состава воинской части в связи с его гибелью или смертью выплата производится, в частности, его несовершеннолетним детям.

Суд установил, что Щ. и Л. в период прохождения военной службы, каждый в отдельности, включены в реестр участников НИС. После расторжения в 2009 г. брака Щ. с использованием целевого жилищного займа приобретено жилое помещение.

При таких обстоятельствах использование Щ. своего права на целевой жилищный заем не свидетельствовало об отсутствии такого права у ребенка умершего Л., поскольку приведенные положения вышеназванного Федерального закона не ставят право на получение дополнений несовершеннолетним членом семьи умершего военнослужащего, участвовавшего в накопительно-ипотечной системе, в зависимость от того, чей целевой жилищный заем использован для приобретения жилого помещения: самого умершего военнослужащего или иного военнослужащего, членом семьи которого с точки зрения жилищного законодательства является этот ребенок.

§ 4. Вопросы, связанные с материальной ответственностью военнослужащих, возмещением расходов на военную и специальную подготовку

Суд первой инстанции при принятии решения правомерно исходил из того, что оснований для привлечения командира части к материальной ответственности за каждый отдельно изданный приказ не имелось, поскольку наличие ущерба установлено в ходе одной инспекционной проверки с определением общего размера ущерба

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2015 г. № 211-КГ15-25 по иску воинского должностного лица (извлечение)

Решением Владивостокского гарнизонного военного суда от 23 мая 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 5 августа 2014 г., иск командующего Тихоокеанским флотом удовлетворен частично.

Судом постановлено взыскать с командира воинской части Ч. 55 300 руб. в счет возмещения ущерба, причиненного воинской части изданием приказов, на основании которых ряду военнослужащих были произведены излишние де-

нежные выплаты. В удовлетворении иска в части, превышающей указанные суммы, судом отказано.

Постановлением президиума Тихоокеанского флотского военного суда от 18 марта 2015 г. названные судебные постановления отменены.

По делу принято новое решение – о взыскании с Ч. сумм ущерба, причиненного изданием незаконных приказов от 5 июня 2011 г. и от 22 декабря 2011 г., в размере 55 300 руб. и 33 611 руб. 12 коп. соответственно. В удовлетворении иска в части, превышающей указанные суммы, отказано.

В кассационной жалобе представитель Ч. просил постановление президиума флотского военного суда отменить и принять по делу новое решение – об отказе в иске.

В обоснование жалобы представитель Ч. указал, что президиум флотского военного суда, принимая по делу новое решение, вышел за пределы своей компетенции и заявленных требований, исследовав новые обстоятельства по делу и взыскав с ответчика ущерб по каждому из изданных им приказов, в то время как предметом иска являлся общий ущерб, установленный в ходе контрольно-финансовой проверки.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу о том, что президиум флотского военного суда, правильно установив наличие оснований для привлечения Ч. к материальной ответственности, допустил ошибку в определении размера ущерба, подлежащего взысканию с ответчика.

Из материалов дела следует, что Ч. по 25 января 2012 г. проходил военную службу в должности командира воинской части.

На основании приказа ответчика от 5 июля 2011 г. была установлена дополнительная выплата военнослужащим воинской части, зачисленным в распоряжение командира, в нарушение п. 7 приложения к приказу министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010.

22 декабря 2011 г. ответчик издал еще один приказ на выплату дополнительного материального стимулирования военнослужащим, проходившим военную службу не на воинских должностях.

Факт издания Ч. приказов о дополнительном материальном стимулировании в отношении военнослужащих, не имевших права на получение данной выплаты, был установлен по результатам проверки финансово-экономической и хозяйственной деятельности воинской части, проведенной в октябре 2012 г. Контрольно-финансовой инспекцией Министерства обороны Российской Федерации.

Частично удовлетворяя исковые требования, гарнизонный военный суд, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что оснований для привлечения Ч. к материальной ответственности за каждый отдельно изданный им приказ не имелось, поскольку наличие ущерба установлено в ходе одной инспекционной проверки и определен его общий размер.

Не соглашаясь с решением суда и апелляционным определением, президиум флотского военного суда пришел к выводу о том, что Ч. должен нести ответственность за каждый изданный приказ и связанные с этим последствия, повлекшие причинение ущерба в результате производства излишних денежных выплат.

Однако такой вывод президиума флотского военного суда не основан на законе.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» по каждому факту причинения ущерба, а также в целях определения его размера проводится административное расследование, назначаемое командованием.

Факт причинения Ч. ущерба установлен в ходе одной инспекционной проверки, при этом определен его общий размер, что подтверждается актом.

Таким образом, суд кассационной инстанции, не проверяя выводы инспекционной проверки, фактически разделил причиненный ответчиком ущерб на два разных, что не было установлено в ходе данной проверки.

Тем самым президиум произвольно увеличил объем ответственности Ч. и вышел за рамки заявленных исковых требований, что в силу ч. 3 ст. 196 ГПК РФ недопустимо.

При таких данных гарнизонный военный суд, с учетом исковых требований, предъявленных командующим флотом по результатам инспекционной проверки, правомерно взыскал с ответчика в пределах заявленного предмета иска сумму, не превышающую одного оклада его месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет.

Допущенные судом кассационной инстанции нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов Ч., что явилось основанием для отмены в кассационном порядке обжалуемого постановления президиума флотского военного суда и оставления в силе решения гарнизонного военного суда и апелляционного определения флотского военного суда.

Неприменение судом положений об исковой давности при рассмотрении иска к гражданину, отчисленному из военного учебного заведения за неуспеваемость, о возмещении средств федерального бюджета, затраченных на его подготовку, повлекло отмену судебного постановления

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2015 г. № 205-КГ15-38 по иску военного прокурора (извлечение)

Решением Краснодарского гарнизонного военного суда от 20 мая 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 27 августа 2014 г., военному прокурору Краснодарского гарнизона отказано в иске, поданном в интересах Российской Федерации в лице филиала военного образовательного учреждения высшего профессионального образования (далее – военно-учебное заведение), к Н. о возмещении им средств федерального бюджета, затраченных на его военную и специальную подготовку, в связи с истечением срока привлечения ответчика к материальной ответственности.

В кассационной жалобе начальник военно-учебного заведения просил об отмене судебных постановлений, указав в обоснование, что при рассмотрении дела суд обязан был руководствоваться положениями Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», который регулирует правоотношения, связанные с возмещением средств бюджета, затраченных на военную и специальную подготовку курсантов, отчисленных из военных образовательных учреждений. В этом случае исковое заявление подлежало рассмотрению по существу, поскольку при его подаче был соблюден установленный ст. 196 ГК РФ срок исковой давности.

Определением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по делам военнослужащих.

Рассмотрев материалы гражданского дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла судебные постановления подлежащими отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Н. 1 августа 2007 г. зачислен на первый курс военно-учебного заведения на должность курсанта с присвоением воинского звания «рядовой», а 31 июля 2009 г. с ним был заключен контракт о прохождении военной службы.

Приказом от 29 апреля 2011 г. Н. отчислен из военно-учебного заведения по неуспеваемости.

20 марта 2014 г. в Краснодарский гарнизонный военный суд поступило исковое заявление военного прокурора Краснодарского гарнизона о возмещении Н. средств федерального бюджета, затраченных на его военную и специальную подготовку, которое 24 марта 2014 г. принято к производству суда.

Отказывая 20 мая 2014 г. в удовлетворении заявленных требований, суд исходил из того, что военный прокурор обратился с иском о привлечении Н. к материальной ответственности в порядке, установленном Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих» (далее – Закон о материальной ответственности военнослужащих), согласно ч. 4 ст. 3 которого военнослужащие могут быть привлечены к этому виду ответственности в течение трех лет со дня обнаружения ущерба. При этом, по мнению суда, течение срока начинается со дня обнаружения ущерба (в данном случае – со дня отчисления ответчика из военно-учебного заведения) и пресекается в день принятия решения о привлечении военнослужащего к материальной ответственности. Поскольку на момент вынесения решения трехлетний срок истек, суд отказал в удовлетворении иска без разрешения вопроса по существу заявленных требований.

Соглашаясь с решением гарнизонного военного суда, суд апелляционной инстанции дополнительно указал в апелляционном определении, что взыскание с Н. денежных средств, затраченных на его военную и специальную подготовку, по истечении трехлетнего срока со дня исключения из военно-учебного заведения невозможно вне зависимости от причин, по которым этот срок был пропущен.

Такие выводы судов основаны на неправильном применении норм материального права.

Обязанность по возмещению гражданами, отчисленными из военных образовательных организаций высшего образования за неуспеваемость, средств федерального бюджета, затраченных на их военную или специальную подготовку, предусмотрена не Законом о материальной ответственности военнослужащих, как ошибочно посчитали суды, а п. 7 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе».

Что касается п. 4 ст. 3 Закона о материальной ответственности военнослужащих, согласно которому военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в течение трех лет со дня обнаружения ущерба, то эти положения распространяются на правоотношения, установленные указанным Законом.

В связи с изложенным в данном деле применению подлежали положения об исковой давности, которой на основании ст. 195 ГК РФ признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Согласно п. 1 ст. 196 и п. 1 ст. 200 ГК РФ общий срок исковой давности к правоотношениям, возникшим между начальником военно-учебного заведения и Н., составляет три года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

При этом в соответствии с п. 1 ст. 204 ГК РФ срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права.

Поскольку военный прокурор обратился в суд с иском о возмещении Н. средств федерального бюджета, затраченных на его военную и специальную подготовку, 20 марта 2014 г., то есть до истечения трехлетнего срока со дня отчисления ответчика 29 апреля 2011 г. из военно-учебного заведения, вывод судов о пропуске прокурором срока на обращение в суд является ошибочным.

При таких данных суд был обязан рассмотреть исковое заявление по существу, однако этого сделано не было.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, и без их устранения невозможно защита охраняемых законом публичных интересов, что в силу ст. 387 ГПК РФ явилось основанием для отмены в кассационном порядке судебных постановлений по исковому заявлению военного прокурора Краснодарского гарнизона и направления дела на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд для его рассмотрения по существу.

Военнослужащие несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб

Заместитель военного прокурора гарнизона Заозерск обратился в суд с иском в защиту интересов Российской Федерации в лице воинской части о привлечении К. к полной материальной ответственности, поскольку К., исполняя обязанности по воинской должности командира роты, утратил переданное ему под отчет имущество.

Решением Заозерского гарнизонного военного суда иск удовлетворен.

Рассмотрев материалы дела в апелляционном порядке, флотский военный суд отменил указанное решение в связи с недоказанностью установленных судом первой инстанции обстоятельств, имеющих значение для дела.

В соответствии с положениями п. 4 ст. 28 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» военнослужащие привлекаются к материальной ответственности за ущерб, причиненный государству при исполнении служебных обязанностей, и несут материальную ответственность только за причиненный по их вине реальный ущерб.

Из материалов дела следует, что К., являясь командиром роты, в апреле 2013 г. принял под отчет имущество подразделения.

В связи с полученным 18 августа 2014 г. на учении тяжелым увечьем К. с 19 августа по 24 сентября 2014 г. находился на стационарном лечении в госпитале, после чего заключением ВВК признан временно не годным к военной службе

с предоставлением отпуска по болезни сроком на 60 суток. В дальнейшем заключениями ВВК от 10 декабря и 23 декабря 2014 г. он также признавался временно не годным к военной службе, каждый раз с освобождением от исполнения обязанностей военной службы сроком на 15 суток.

Приказом командующего Северным флотом от 23 декабря 2014 г. К. в соответствии с заключением ВВК назначен на низшую воинскую должность, в связи с чем в период с 12 по 17 января 2015 г. сдал дела и должность командира роты.

При сдаче К. дел и должности была выявлена недостача имущества на общую сумму 419 763 руб.

Из материалов административного расследования следует, что имущество было утрачено в период исполнения К. обязанностей командира разведывательной роты, что явилось основанием для постановки вопроса о привлечении его к полной материальной ответственности.

При этом также указано, что в период болезни и отсутствия К. его обязанности командира роты исполнял И., однако имущество роты на ответственное хранение последнему передано не было.

Вместе с тем, по мнению суда апелляционной инстанции, административным расследованием, с выводами которого согласился гарнизонный военный суд, установлен лишь факт недостачи имущества и размер ущерба, а не виновные лица и время, когда имущество было утрачено.

Так, в судебном заседании свидетель С. показал, что он видел, как имущество систематически выдавалось военнослужащим подразделения. Обязанности же командира роты во время отсутствия ответчика исполнял И.

Из показаний свидетеля И. следует, что в период временного исполнения им обязанностей командира роты он наличие имущества не проверял, а выдачу и прием данного имущества в период болезни ответчика осуществлял военнослужащий, проходивший военную службу по призыву, который в настоящее время уволен. При этом данный свидетель уточнил, что ключи от комнаты хранения имущества находились как у этого военнослужащего, так и у старшины роты, а К. с 18 августа 2014 г. до момента сдачи дел и должности командира роты к исполнению своих служебных обязанностей не приступал.

Таким образом, из представленных стороной истца документов, якобы устанавливающих вину ответчика в причинении им реального ущерба, нельзя сделать вывод как о причинении К. ущерба воинской части, так и о наличии его вины в наступлении этого ущерба, поскольку длительное время (более пяти месяцев) он по состоянию здоровья служебные обязанности командира роты не исполнял.

При таких данных флотский военный суд признал, что К. не может быть привлечен к материальной ответственности.

Командиры (начальники), не принявшие необходимых мер к возмещению виновными лицами причиненного воинской части ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет

Б. в период с ноября 2009 г. по декабрь 2012 г. проходил военную службу в должности командира воинской части.

В марте 2011 г. в ходе проверки финансовой инспекцией Министерства обороны Российской Федерации финансово-экономической и хозяйственной дея-

тельности воинской части выявлен факт незаконного расходования денежных средств на сумму 169 524 руб. 70 коп., в связи с чем Б. было предложено провести расследование с принятием мер к возмещению ущерба до 15 апреля 2011 г.

Поскольку Б. каких-либо действий по установлению виновных лиц и возмещению ущерба не предпринял, командир вышестоящей воинской части обратился в суд с иском о привлечении Б. к полной материальной ответственности.

Казанский гарнизонный военный суд искивые требования удовлетворил в полном объеме.

Удовлетворяя искивые требования, суд первой инстанции пришел к выводу, что непринятие мер Б. к возмещению выявленного ущерба является достаточным основанием для привлечения его к полной материальной ответственности в соответствии со ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих».

Вместе с тем, суд не учел, что в соответствии с п. 3 ст. 4 названного Федерального закона командиры (начальники), не принявшие необходимых мер к возмещению виновными лицами причиненного воинской части ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет.

Поскольку гарнизонный военный суд неправильно применил норму материального права, окружной военный суд в апелляционном порядке решение суда отменил и принял по делу новое решение – о привлечении Б. к ограниченной материальной ответственности.

На имущество, поставляемое воинским частям централизованно, цены определяются уполномоченными государственными органами, которыми являются центральные дольствующие органы и службы Министерства обороны Российской Федерации

В ходе ревизии хозяйственной деятельности воинской части выявлена недостача вещевого имущества, переданного командиру взвода К. под отчет. Командир воинской части обратился в суд с иском о взыскании с К. 98 798 руб., оценив недостающее имущество по средней рыночной стоимости.

Решением Новороссийского гарнизонного военного суда искивые требования были удовлетворены частично на сумму 57 371 руб. 96 коп., то есть в размере стоимости утраченного имущества согласно данным бухгалтерского учета. В удовлетворении иска на большую сумму судом отказано по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» размер причиненного ущерба определяется по фактическим потерям, на основании данных учета имущества воинской части.

Цены на вооружение, военную технику, боеприпасы, другое имущество, централизованно поставляемые воинским частям, определяются уполномоченными на то государственными органами.

По смыслу данной нормы на имущество, поставляемое централизованно, цены определяются уполномоченными государственными органами, которыми являются центральные дольствующие органы и службы Министерства обороны Российской Федерации.

Допрошенная судом в качестве специалиста ведущий бухгалтер филиала управления финансового обеспечения показала, что утраченное К. имущество

воинской частью не приобреталось, а поступило в воинскую часть централизованно. При этом она пояснила, что стоимость имущества рассчитывается бухгалтерией в соответствии с поступившими на это имущество учетными документами.

Из материалов дела видно, что при проведении инвентаризации размер причиненного К. материального ущерба определен по фактическим потерям, на основании данных бухгалтерского учета имущества воинской части, что в полной мере соответствует требованиям п. 1 ст. 6 вышеназванного Федерального закона.

С учетом изложенного при рассмотрении дела в апелляционном порядке решение суда оставлено без изменения.

Военнослужащий, причинивший материальный ущерб в результате неосторожных действий при исполнении им обязанностей военной службы, подлежит привлечению к ограниченной материальной ответственности

Н. при управлении служебным автомобилем нарушил правила дорожного движения и допустил столкновение с другим автомобилем.

Командир воинской части обратился в суд с иском о привлечении Н. к полной материальной ответственности и взыскании с него 171 899 руб. (стоимость оценки и осуществления восстановительного ремонта служебного автомобиля).

Решением Новороссийского гарнизонного военного суда, оставленным без изменения окружным военным судом, иск удовлетворен частично. В порядке привлечения Н. к ограниченной материальной ответственности в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет с него взыскано 46 440 руб. В удовлетворении исковых требований, превышающих эту сумму, судом отказано.

В ст. 5 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» приведен исчерпывающий перечень оснований для привлечения военнослужащих к полной материальной ответственности. В частности, к указанному виду материальной ответственности привлекаются военнослужащие, которым имущество было передано под отчет для хранения, перевозки, выдачи, пользования и других целей.

Из материалов административного разбирательства следует, что Н., допущенный к управлению автомобильными транспортными средствами на основании приказа командира воинской части, причинил ущерб при исполнении обязанностей военной службы.

Указанный автомобиль под отчет Н. не передавался, а был предоставлен для эксплуатации в служебных целях.

В силу п. 1 ст. 4 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» за ущерб, причиненный по неосторожности при исполнении обязанностей военной службы, военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, несут материальную ответственность в размере причиненного ими ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет.

Поскольку в ходе административного разбирательства установлено, что ущерб причинен в результате неосторожных действий Н. при исполнении им обязанностей военной службы, то он подлежит привлечению к ограниченной материальной ответственности.

В удовлетворении иска к военнослужащему, не заключившему контракт о прохождении военной службы, о возмещении расходов на его военную и специальную подготовку отказано обоснованно

Начальник Череповецкого высшего военного инженерного училища радиоэлектроники обратился в Московский гарнизонный военный суд с иском о взыскании с рядового запаса Д. денежных средств федерального бюджета в размере 89 110 руб., затраченных на его военную и специальную подготовку в период обучения в училище с августа 2013 г. по октябрь 2014 г.

Основанием к этому явилось отчисление ответчика из числа курсантов училища по неуспеваемости.

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал, указав в решении следующее.

В соответствии с п. 7 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» граждане, отчисленные из военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования или учебных военных центров при федеральных государственных образовательных организациях высшего образования за недисциплинированность, неуспеваемость или нежелание учиться, возмещают средства федерального бюджета, затраченные на их военную или специальную подготовку.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2007 г. № 402 утверждена Методика исчисления размера подлежащих возмещению средств федерального бюджета, затраченных на военную или специальную подготовку граждан Российской Федерации в военных профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования.

В силу п. 6 указанной Методики размер подлежащих возмещению средств включается в контракт о прохождении военной службы.

Исходя из п. 1 ст. 4 Положения о порядке прохождения военной службы и приложения № 1 к Положению в типовую форму контракта включается условие о возмещении средств федерального бюджета, затраченных на военную и специальную подготовку гражданина, обучающегося в военном образовательном учреждении профессионального образования, в случаях, предусмотренных указанным Федеральным законом, а в подп. «в» п. 2 типовой формы контракта указывается размер подлежащих возмещению денежных средств.

Согласно пп. 2, 4 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» граждане, не проходившие военную службу, при зачислении в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования приобретают статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и заключают контракт о прохождении военной службы по достижении ими возраста 18 лет, но не ранее окончания ими первого курса обучения в указанных образовательных организациях.

Военнослужащие мужского пола, отчисленные из военных профессиональных образовательных организаций и военных образовательных организаций высшего образования за недисциплинированность, неуспеваемость или нежелание учиться, а также отказавшиеся заключить контракт о прохождении военной службы, если к моменту отчисления из указанных образовательных организаций они достигли возраста 18 лет, не выслужили установленного срока военной службы по призыву и не имеют права на увольнение с военной служ-

бы, на освобождение или отсрочку от призыва на военную службу, направляются для прохождения военной службы по призыву.

Д., не проходивший военную службу до поступления в училище, контракт о прохождении военной службы в период обучения не заключал, был отчислен со второго курса училища и направлен для прохождения военной службы по призыву.

Таким образом, в период обучения ответчик имел статус военнослужащего, проходящего военную службу по призыву, поэтому с него не подлежат взысканию денежные средства, затраченные на его военную и специальную подготовку.

Пропуск установленного п. 1 ст. 196 ГК РФ срока исковой давности, о применении которого заявлено стороной в споре, явился основанием к вынесению судом решения об отказе в удовлетворении иска о взыскании с бывшего военнослужащего денежных средств, затраченных на его военную и специальную подготовку

Окружной военный суд при рассмотрении дела в апелляционном порядке оставил без изменения решение Брянского гарнизонного военного суда по иску Военного учебно-научного центра Сухопутных войск «Общевойсковая академия Вооруженных Сил Российской Федерации» (далее – ВУНЦ) к бывшему курсанту Тульского артиллерийского инженерного института Ж. о взыскании с него в пользу ВУНЦ денежных средств, затраченных на его военную и специальную подготовку.

По делу установлено, что Ж. 1 августа 2007 г. поступил на первый курс Тульского артиллерийского инженерного института, правопреемником которого на настоящий момент является ВУНЦ. 8 октября 2008 г. Ж. заключил контракт о прохождении военной службы.

В соответствии с приказом начальника филиала ВУНЦ (г. Тула) от 21 сентября 2010 г. ответчик отчислен с четвертого курса этого учебного заведения по нежеланию учиться, с указанной даты исключен из списков личного состава филиала ВУНЦ и направлен для постановки на воинский учет в объединенный военный комиссариат г. Клинцы Брянской области.

Начальник ВУНЦ обратился в суд с иском о взыскании с Ж. денежных средств федерального бюджета, затраченных на военную и специальную подготовку ответчика. Истец также просил взыскать с Ж. расходы по уплате государственной пошлины.

Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал в связи с пропуском срока исковой давности, сославшись в решении на следующее.

В соответствии с п. 7 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» граждане, отчисленные из военных образовательных учреждений профессионального образования или учебных военных центров при федеральных государственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования за недисциплинированность, неуспеваемость или нежелание учиться либо отказавшиеся заключить контракты о прохождении военной службы, возмещают средства федерального бюджета, затраченные на их военную или специальную подготовку. Указанные граждане не возмещают средства федерального бюджета, затраченные на обеспечение исполнения ими обязанностей военной службы в период обучения. Порядок исчисления размера возмещаемых средств определяется Правительством Российской Федерации. При заключении кон-

трактов о прохождении военной службы с гражданами, обучающимися в военных образовательных учреждениях профессионального образования, условие о возмещении средств, указанных в п. 7, а также размер подлежащих возмещению средств, включаются в контракт о прохождении военной службы.

Данные нормы материального права свидетельствуют о том, что возмещению подлежат денежные средства, израсходованные государством на военную и специальную подготовку военнослужащего в период его обучения в военном образовательном учреждении профессионального образования.

В соответствии со ст.ст. 195 – 197 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Общий срок исковой давности устанавливается в три года. Для отдельных видов требований законом могут устанавливаться специальные сроки исковой давности, сокращенные или более длительные по сравнению с общим сроком. Правила ст.ст. 195, 198 – 207 ГК РФ распространяются также на специальные сроки давности, если законом не установлено иное.

В силу ст. 199 ГК РФ исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. Истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

В заявлении от 1 июня 2015 г. Ж. просил суд применить срок исковой давности к заявленным истцом требованиям.

Согласно ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Согласно подп. «в» п. 2 контракта о прохождении военной службы Ж. принял на себя обязательство возместить указанные денежные средства в случаях, предусмотренных законом и этим контрактом, заключенным 8 октября 2008 г.

По делу установлено, что приказ об отчислении Ж. из военного учебного заведения по нежеланию учиться издан 21 сентября 2010 г. Следовательно, именно тогда полномочному должностному лицу стало известно о причинении Ж. ущерба, подлежащего возмещению, и, следовательно, о возникновении права предъявить требование об исполнении обязательства.

Однако с иском ВУНЦ обратился лишь 19 мая 2015 г., пропустив срок, установленный для этого ГК РФ.

§ 5. Вопросы, связанные с дисциплинарной ответственностью военнослужащих

Военнослужащий, допустивший нарушения условий контракта, в пределах срока давности привлечения к дисциплинарной ответственности может быть уволен с военной службы по этому основанию независимо от того, когда были допущены данные нарушения – до или после заключения нового контракта, поскольку военная служба носит непрерывный характер

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 202-КГ16-2 по заявлению ИЦ. (извлечение)

Решением Вологодского гарнизонного военного суда от 24 февраля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского ок-

ружного военного суда от 18 июня 2015 г., удовлетворено заявление Щ., в котором он просил признать незаконным приказ командующего Северным флотом от 2 октября 2014 г. в части увольнения Щ. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

В кассационной жалобе представитель должностного лица просил судебные постановления отменить и принять по делу новое решение – об отказе в удовлетворении требований Щ., указав в обоснование на прекращение в отношении заявителя уголовного дела в связи с деятельным раскаянием и наличие у него неснятых дисциплинарных взысканий, что свидетельствует о наличии оснований для его увольнения с военной службы вне зависимости от истечения срока действия ранее заключенного контракта о прохождении военной службы и заключения нового контракта.

Рассмотрев материалы дела, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации нашла, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права.

По делу установлено, что Щ., проходивший военную службу по контракту, заключенному до 22 июня 2014 г., на должности командира роты, на момент истечения срока контракта не достиг предельного возраста пребывания на военной службе и не приобрел права на пенсию за выслугу лет.

За период с 2013 по 2014 гг. Щ. имел пять дисциплинарных взысканий за различные нарушения воинской дисциплины.

19 февраля 2014 г. в отношении Щ. возбуждено уголовное дело, которое до истечения срока контракта прекращено в связи с деятельным раскаянием, то есть по нереабилитирующему основанию.

Аттестационная комиссия воинской части на заседании 17 июня 2014 г. пришла к заключению, что Щ. целесообразно уволить с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

23 июня 2014 г., то есть на следующий день после истечения срока контракта, на основании волеизъявления Щ. с ним заключен новый контракт до наступления предельного возраста пребывания на военной службе с изданием командующим Северным флотом 3 августа 2014 г. соответствующего приказа.

12 августа 2014 г. Щ. представлен к увольнению с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Приказом командующего Северным флотом от 2 октября 2014 г. Щ. уволен с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Удовлетворяя требования Щ. и признавая незаконным приказ о его увольнении с военной службы, суды исходили из того, что после принятия командованием решения о заключении с Щ. нового контракта у командующего Северным флотом не имелось оснований для его увольнения с военной службы по подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», поскольку условия нового контракта Щ. не нарушались, а действие предыдущего прекращено.

С такими выводами согласиться нельзя.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» военная служба – вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на воинских должностях или не на воинских должностях в случаях и на условиях, предусмотренных федеральными законами и (или) нор-

мативными правовыми актами Президента Российской Федерации, в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах, осуществляющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства.

Военнослужащими, к категории которых относится заявитель, профессиональная служебная деятельность осуществляется путем прохождения военной службы по контракту.

Согласно п. 5 ст. 32 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» заключение контракта о прохождении военной службы, прекращение его действия, а также иные отношения, связанные с ним, регулируются данным Законом, Положением о порядке прохождения военной службы, а также законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, определяющими порядок прохождения военной службы и статус военнослужащих.

По смыслу абз. 1 п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих», п. 5 ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и как разъяснено в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», военнослужащим не может быть отказано в заключении нового контракта о прохождении военной службы, если они не достигли предельного возраста пребывания на военной службе, не приобрели права на пенсию за выслугу лет и отсутствуют основания для их досрочного увольнения с военной службы, установленные Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», и обстоятельства, когда с такими военнослужащими в силу закона не может быть заключен новый контракт.

На момент принятия решения о заключении нового контракта с Щ. действовала норма Положения о порядке прохождения военной службы, которая предусматривала, что контракт о прохождении военной службы не может быть заключен с гражданами, в отношении которых вынесен обвинительный приговор и назначено наказание или ведется дознание либо предварительное следствие, или уголовное дело в отношении их передано в суд, с гражданами, имеющими неснятую или непогашенную судимость за совершение преступления, отбывавшими наказание в виде лишения свободы. Указом Президента Российской Федерации от 2 января 2015 г. № 3 эта норма дополнена указанием о том, что контракт не может быть заключен также и с гражданами, лишенными на определенный срок вступившим в законную силу приговором суда права занимать воинские должности в течение указанного срока (п. 3 ст. 4 Положения).

Исходя из изложенного при отсутствии указанных обстоятельств заключение нового контракта с военнослужащими, которые не достигли предельного возраста пребывания на военной службе, не приобрели права на пенсию за выслугу лет и изъявили желание продолжить военную службу, является обязанностью командования, что обеспечивает непрерывность военной службы и реализацию права военнослужащего на труд.

По делу не установлено предусмотренных законодательством обстоятельств, препятствующих заключению с Щ. нового контракта, в связи с чем его волеизъявление о продолжении прохождения военной службы в силу закона являлось обязательным для командования.

При этом заключение нового контракта с военнослужащим не аннулирует правовые последствия, связанные с его поведением при прохождении военной службы и с оценкой этого поведения командованием в период действия предыдущего контракта.

В интересах военной службы, выражающихся в поддержании боевой готовности воинских подразделений, эффективным выполнением стоящих перед ними задач, недобросовестное отношение военнослужащего к своим обязанностям может послужить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, с точки зрения деловых и личных качеств.

В соответствии с подп. «в» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Согласно п. 2.2 ст. 51 данного Закона военнослужащий увольняется в связи с невыполнением им условий контракта только по заключению аттестационной комиссии, вынесенному по результатам аттестации военнослужащего, за исключением случаев, когда увольнение по указанному основанию осуществляется в порядке исполнения дисциплинарного взыскания. Если же военнослужащий имеет судимость или подвергнут судом административному наказанию либо имеет неснятые дисциплинарные взыскания, то такой военнослужащий может быть уволен с военной службы по указанному основанию только до погашения либо снятия судимости или до истечения срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, либо до истечения срока, в течение которого военнослужащий считается имеющим дисциплинарное взыскание.

Нарушений требований п. 2.2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в части срока реализации командованием решения об увольнении Щ. с военной службы по делу не установлено. На момент обжалуемого приказа заявитель имел неснятые дисциплинарные взыскания. Аттестация Щ. проведена с соблюдением требований ст.ст. 26, 27 Положения о порядке прохождения военной службы.

Процедура увольнения Щ. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта была инициирована в период действия его предыдущего контракта о прохождении военной службы, и оснований для прекращения процедуры увольнения после заключения нового контракта не имелось.

Таким образом, заключение нового контракта о прохождении военной службы с Щ. не являлось препятствием для реализации командованием права оценивать его соответствие требованиям, предъявляемым законом к военнослужащим, и принятия решения о его увольнении с военной службы в связи с невыполнением условий контракта при наличии для этого достаточных оснований, подтвержденных заключением аттестационной комиссии. Вывод судов первой и апелляционной инстанций об обратном не основан на законе.

Допущенные нарушения в применении норм материального права повлияли на исход дела, и без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов. Это явилось основанием для отмены Судебной коллегией по делам военнослужащих в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных постановлений и принятия по делу нового решения – об отказе в удовлетворении требований Щ.

Ошибочный вывод суда о том, что командир не предусмотрел должных мер выполнения военнотружущим отданного ему приказа, повлек отмену судебного акта

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнотружущих Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2016 г. № 203-АПГ16-2с по заявлению Т. (извлечение)

Т., проходящий военную службу в филиале федерального государственного казенного военного образовательного учреждения высшего образования «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных Сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»» (г. Воронеж) в г. Сызрани (далее – филиал Академии, филиал) в должности начальника медицинской службы, обратился в суд с административным иском, в котором просил признать незаконным приказ начальника филиала Академии от 18 сентября 2015 г. о предупреждении его о неполном служебном соответствии за невыполнение ст.ст. 112, 113, 117 УВС ВС РФ и требований командующего войсками Центрального военного округа по подготовке к проведению и по проведению совместных командно-штабных учений.

Решением Приволжского окружного военного суда от 9 марта 2016 г. иск Т. удовлетворен, оспариваемый приказ признан незаконным, и в пользу Т. с филиала взысканы судебные расходы в размере 300 руб.

В апелляционной жалобе представитель начальника филиала Академии, утверждая, что вывод суда о недоказанности вины Т. в совершении дисциплинарного проступка является ошибочным, просил решение отменить и принять по делу новое решение – об отказе в удовлетворении иска.

Изучив материалы дела, обсудив доводы апелляционной жалобы, Судебная коллегия по делам военнотружущих отменила решение по следующим основаниям.

Судом установлено, что в соответствии с решением командующего войсками Центрального военного округа и указаниями начальника штаба военного округа на филиал Академии возложено формирование соединения территориальной обороны Самарской области, в том числе определены места закладки и временного хранения медицинского имущества, необходимого для обеспечения формируемых подразделений в ряде населенных пунктов Самарской области. О ходе выполнения указаний предписывалось докладывать еженедельно.

Указанием начальника филиала Академии Т. был назначен ответственным за выполнение мероприятий по плану формирования соединения территориальной обороны медицинским имуществом и за его закладку в места хранения. 18 мая 2015 г. истец ознакомлен с поступившими в филиал нарядами на получение медицинского имущества, а приказом начальника филиала Академии от 21 мая 2015 г. назначен ответственным за мобилизационную и боевую готовность по своему направлению.

Однако указания о получении медицинского имущества и его закладке в места хранения Т. не выполнил, что было установлено в ходе разбирательства, по результатам которого он предупрежден о неполном служебном соответствии приказом начальника филиала Академии от 18 сентября 2015 г.

Признавая приказ незаконным, суд исходил из того, что начальник филиала Академии не предусмотрел должных мер выполнения Т. указаний о получении медицинского имущества и его закладке в места хранения, а именно не определил место хранения имущества и не обеспечил надлежащие условия его хранения, не назначил материально ответственных лиц, которые должны были при-

нять имущество на хранение. При этом на Т., согласно выводу суда, не могли быть возложены обязанности материально ответственного лица.

Между тем такие выводы суда не соответствуют обстоятельствам дела.

Допрошенный в судебном заседании заместитель начальника филиала Академии Тк. показал, что в целях выполнения поставленной задачи каждый начальник службы должен был подать заявку на истребование имущества в части, касающейся его службы, предоставления транспорта и складских помещений для хранения имущества, что впоследствии было выполнено всеми начальниками служб, за исключением Т.

Кроме того, Тк. показал, что для хранения на территории филиала медицинского имущества был выделен первый этаж нежилого помещения, а в воинских частях – складские помещения, в которых после доставки имущества планировалась организация его охраны, что было доведено до сведения Т. Поскольку наряды на получение имущества были выписаны на Т., именно он обязан был получить это имущество и передать материально ответственному лицу. Однако истец вместо выполнения поставленной задачи лишь обозначал проблемы, препятствующие, по его мнению, получению имущества.

Согласно рапорту от 8 июня 2015 г. и резолюции на нем в ответ на просьбу Т. назначить материально ответственных лиц для получения и закладки медицинского имущества ему было предложено представить предложения в срок до 12 июня 2015 г. Однако такие предложения им были подготовлены лишь 21 августа 2015 г.

В других рапортах, исследованных судом первой инстанции, Т. также ставил перед начальником филиала и его заместителем вопросы о порядке исполнения поставленной ему задачи без внесения конкретных предложений по их реализации.

При этом Тк. в судебном заседании пояснил, что до Т. доводилось решение о выделении помещений для хранения медицинского имущества.

Как усматривается из материалов разбирательства, наряды на получение медицинского имущества истец получил лишь 20 августа 2015 г.

Из изложенного следует, что Т. после назначения ответственным за получение медицинского имущества и его закладку в места хранения мер для выполнения указания начальника филиала Академии не принял, имущество не получил, хотя возможность для этого имел.

Согласно ст. 43 УВС ВС РФ приказ командира (начальника) должен быть выполнен беспрекословно, точно и в срок.

В соответствии со ст.ст. 112, 113 и 117 УВС ВС РФ начальник медицинской службы полка подчиняется командиру полка и отвечает, в частности, за постоянную боевую и мобилизационную готовность и состояние подчиненных подразделения и службы, он обязан участвовать в разработке планов боевой и мобилизационной готовности и организовывать их выполнение по своей специальности; принимать меры по оборудованию и организации охраны подчиненного склада и осуществлять контроль за надежностью охраны; участвовать в разработке мероприятий по защите полка от ядерного, химического и биологического оружия, а также мероприятий на случай участия в ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, организовывать их выполнение по своей службе.

Названные требования УВС ВС РФ в части получения медицинского имущества и его закладки в места хранения Т. после назначения его ответственным за

выполнение мероприятий по плану формирования соединения территориальной обороны не выполнил.

Что касается вывода суда о том, что начальник филиала Академии не предусмотрел должных мер выполнения Т. его указаний, то он противоречит показаниям в суде заместителя начальника филиала Академии Тк., согласно которым в качестве места хранения медицинского имущества был определен первый этаж нежилого помещения, который подлежал охране путем организации патрулирования, а материально ответственные лица были бы назначены после поступления соответствующих предложений от Т.

Данные показания судом не опровергнуты.

Более того, в судебном заседании Т. на вопрос представителя административного ответчика о предпринятых им мерах по организации места закладки имущества ответил, что это «такая ситуация, когда не хочется на себя лишнего брать. Это новый склад, это ответственность».

То обстоятельство, что Т. был обязан получить имущество, не свидетельствует о нарушении начальником филиала нормативного правового акта министра обороны Российской Федерации, поскольку, как пояснил в судебном заседании Тк., после получения истцом имущества оно подлежало передаче материально ответственному лицу.

Совершение Т. дисциплинарного проступка установлено в результате разбирательства в период с 27 августа по 5 сентября 2015 г., которое было проведено в соответствии со ст.ст. 28.1 – 28.10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» и ст. 81 ДУ ВС РФ.

Истцу при проведении разбирательства была предоставлена возможность дать свои объяснения, как это предусмотрено ст. 28.1 указанного Федерального закона. Это право им реализовано по своему усмотрению.

Совокупность допущенных истцом нарушений явилась достаточным основанием для привлечения Т. к дисциплинарной ответственности, а избранная в отношении его мера дисциплинарного воздействия соответствует характеру нарушений и определена с учетом конкретных обстоятельств.

При таких данных приказ начальника филиала Академии о предупреждении истца о неполном служебном соответствии следует признать законным, а вывод суда первой инстанции об обратном – ошибочным.

Указанное обстоятельство явилось основанием для отмены Судебной коллегией по делам военнослужащих в апелляционном порядке состоявшегося по делу судебного акта и принятия по делу нового решения – об отказе в удовлетворении административного иска.

Недобросовестное отношение военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, к своим обязанностям, в том числе подтвержденное наличием у него неснятых дисциплинарных взысканий, могло служить основанием для постановки вопроса о несоблюдении таким военнослужащим условий контракта о прохождении военной службы

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2016 г. № 207-КГ16-5 по заявлению Г. (извлечение)

Апелляционным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда от 4 августа 2015 г. отменено решение Кяхтинского гарнизонного военного суда от 17 апреля 2015 г. в части отказа в удовлетворении заявления Г. о

признания незаконным его досрочного увольнения с военной службы и исключения из списков личного состава воинской части. По делу в этой части принято новое решение – о восстановлении заявителя на военной службе в прежней (или с его согласия – равной или не ниже) воинской должности.

В кассационной жалобе представитель командира войсковой части 00000, утверждая, что заявитель не выполнил условия контракта (и это нашло подтверждение в судебном заседании) и что командованием соблюден порядок увольнения, просил об отмене апелляционного определения.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия нашла, что судом апелляционной инстанции допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Г., проходивший военную службу по контракту, в 2013 и 2014 гг. трижды привлекался к дисциплинарной ответственности. Приказами командира воинской части от 23 июля 2013 г. и от 28 марта 2014 г. заявителю объявлены строгий выговор и выговор за неприбытие на контрольное занятие по физической подготовке и неудовлетворительную физическую подготовленность, а приказом того же воинского должностного лица от 20 ноября 2014 г. заявитель предупрежден о неполном служебном соответствии за самовольное убытие из служебной командировки.

После этого Г. был представлен на аттестационную комиссию воинской части, по результатам заседания которой 15 декабря 2014 г. факты нарушения им воинской дисциплины в совокупности с отрицательной характеристикой и систематическим неприбытием в декабре 2014 г. на службу, в том числе в день заседания аттестационной комиссии (что явилось основанием для его розыска и переноса заседания комиссии на более позднее время), были расценены как невыполнение заявителем условий контракта, в связи с чем комиссия пришла к выводу о целесообразности его досрочного увольнения с военной службы.

На следующий день командир воинской части представил заявителя к увольнению с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта, указав в представлении, что Г. недобросовестно исполняет должностные обязанности, имеет три неснятых дисциплинарных взыскания.

По результатам рассмотрения представления командир вышестоящей воинской части приказом от 19 декабря 2014 г. досрочно уволил Г. с военной службы в связи с невыполнением условий контракта, после чего приказом от 19 января 2015 г. исключил его из списков личного состава воинской части.

Признавая названные приказы незаконными, суд апелляционной инстанции указал в определении, что при наложении дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии военнослужащему до увольнения с военной службы предоставляется время и возможность для исправления своего отношения к исполнению служебных обязанностей, чего в отношении Г. фактически сделано не было. Поскольку вывод командования о необходимости досрочного увольнения заявителя с военной службы сделан до истечения одного месяца после предупреждения о неполном служебном соответствии и в период, когда заявитель иных дисциплинарных проступков не совершил и каким-либо образом себя не проявил, такой вывод не может быть признан обоснованным.

При этом суд исходил из положений ст. 96 ДУ ВС РФ, согласно которым военнослужащий может быть представлен к досрочному увольнению с воен-

ной службы до истечения одного года после предупреждения о неполном служебном соответствии лишь в случае систематического нарушения исполнения должностных и (или) специальных обязанностей.

Между тем судом оставлено без внимания то, что досрочное увольнение Г. с военной службы явилось следствием невыполнения им условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к исполнению обязанностей военной службы.

В соответствии с ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

В связи с изложенным недобросовестное отношение Г. к своим обязанностям, в том числе подтвержденное наличием у него неснятых дисциплинарных взысканий, могло служить основанием для постановки вопроса о его соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу, с точки зрения деловых и личных качеств.

Более того, после предупреждения о неполном служебном соответствии заявитель, вопреки утверждению суда апелляционной инстанции, своего поведения образцовым выполнением воинского долга не исправил, а, напротив, продолжил нарушать воинскую дисциплину, что выразилось в самовольном отсутствии на службе, в том числе в день заседания аттестационной комиссии.

Решение по вопросу досрочного увольнения заявителя с военной службы было принято в рамках процедуры аттестации, как это установлено п. 1 ст. 26 Положения о порядке прохождения военной службы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237.

При таких данных вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии у командира воинской части оснований для заключения о невыполнении Г. условий контракта о прохождении военной службы и для принятия решения о его досрочном увольнении с военной службы основан на неправильном применении норм материального права.

Из изложенного следует, что приказы о досрочном увольнении заявителя с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и об исключении из списков личного состава воинской части являются законными.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила в кассационном порядке апелляционное определение Восточно-Сибирского окружного военного суда от 4 августа 2015 г. и оставила в силе решение Кяхтинского гарнизонного военного суда от 17 апреля 2015 г. по заявлению Г.

Военнослужащий может привлекаться к дисциплинарной ответственности только за тот дисциплинарный проступок, в отношении которого установлена его вина

Майор Ч., проходящий военную службу в должности командира дивизиона, после проведения проверки мероприятий медицинского контроля за условиями жизнедеятельности военнослужащих воинской части, проходящих военную службу по призыву, за невыполнение требований ст. 78 УВС ВС РФ был привлечен приказом командира воинской части от 24 февраля 2014 г. к дисциплинарной ответственности и ему объявлен выговор.

Ч. обратился в Ивановский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать приказ незаконным, возложив обязанность на командира воинской части по его отмене, в связи с тем, что был нарушен порядок применения к нему дисциплинарного взыскания, поскольку в нарушение ст.ст. 28.1 и 28.8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» разбирательство по факту совершения Ч. дисциплинарного проступка не проводилось и ему не предоставлялась возможность дать объяснения об обстоятельствах этого проступка.

Принимая решение в части отказа в удовлетворении требования Ч. о признании незаконным приказа командира воинской части о наложении на него дисциплинарного взыскания в виде выговора, гарнизонный военный суд установил, что в действиях Ч. имеется событие дисциплинарного проступка.

Однако данный вывод суда является ошибочным и не соответствует обстоятельствам дела исходя из следующего.

Основанием для применения к заявителю дисциплинарного взыскания послужил акт проверки мероприятий медицинского контроля за условиями жизнедеятельности военнослужащих, проходящих военную службу по призыву.

В описательной части приказа командира воинской части указаны установленные проверкой нарушения, которые повлекли привлечение перечисленных в данном приказе должностных лиц к дисциплинарной ответственности. При этом в нем в части, касающейся дивизиона, которым командует заявитель, указано лишь на то, что в данном подразделении не по всем военнослужащим, записавшимся на прием в медицинский пункт, оформлено решение командира и старшины подразделения, на основании чего сделан вывод о виновности в этом заявителя. О каких-либо других выявленных проверкой нарушениях в данном дивизионе и наличии вины в этом его командира в приказе не говорится.

Однако как в ходе проверки, так и при принятии командованием решения о привлечении заявителя к дисциплинарной ответственности не был принят во внимание ряд существенных обстоятельств, влияющих на сам факт события дисциплинарного проступка и вину лица, его совершившего. В частности, не было учтено то, что заявитель в период с 6 по 10 января 2014 г. находился на боевом дежурстве, что исключало возможность принятия им как командиром решения, в соответствии с требованиями ст. 358 УВС ВС РФ, по записавшимся 7 января 2014 г. в книгу записи больных военнослужащих дивизиона, так как в этот период временно исполнял обязанности командира дивизиона майор З., который был обязан принять соответствующее решение и сделать соответствующую запись в книге записи больных, чего им сделано не было, за что он и был привлечен к дисциплинарной ответственности.

С учетом того что в вину заявителю командованием вменялось лишь отсутствие соответствующего решения в книге записи больных дивизиона по конкретным военнослужащим, которое он не мог осуществить в силу несения в этот период боевого дежурства, оснований для его привлечения к дисциплинарной ответственности у командования в связи с этим обстоятельством не имелось, а поэтому данное дисциплинарное взыскание судебная коллегия Московского окружного военного суда обоснованно признала незаконным и подлежащим отмене.

При таких обстоятельствах обжалуемое судебное решение в части отказа в удовлетворении требования Ч. о признании незаконным наложенного на него приказом командира воинской части от 24 февраля 2014 г. дисциплинарного взыскания в виде выговора в связи с несоответствием выводов суда первой

инстанции, изложенных в решении суда, обстоятельствам дела и неправильным применением норм материального права отменено с принятием нового решения – об удовлетворении заявления в этой части.

Военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности за противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины

Капитан Г. обратился в Саратовский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором указал, что приказом командира воинской части от 21 января 2014 г. ему неправомерно объявлен выговор в связи с нарушением требований ст. 21 УВС ВС РФ.

При этом основанием привлечения Г. к дисциплинарной ответственности послужило то, что он в целях защиты своих прав и свобод обратился в военную прокуратуру, минуя командование воинской части.

В соответствии со ст. 33 Конституции Российской Федерации граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Статьей 2 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 56-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» предусмотрено, что граждане реализуют свое право на обращение в органы государственной власти свободно и добровольно.

При этом из ст. 6 вышеназванного Закона следует, что преследование гражданина в связи с его обращением в государственные органы, органы местного самоуправления или к должностному лицу в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц запрещается.

Таким образом, действующее законодательство не устанавливает требований о необходимости обязательного обращения военнослужащего сначала к командованию воинской части, обязательного его уведомления о намерении обратиться в государственные органы власти или к должностным лицам и только потом обращаться с жалобами и заявлениями в данные органы.

Утверждения представителя командира воинской части о том, что заявитель был правомерно привлечен к дисциплинарной ответственности, поскольку он, проигнорировав командование воинской части, неоднократно обращался в военную прокуратуру Саратовского гарнизона для защиты своих прав и проверки законности принятых командованием указанной воинской части решений, суд признал несостоятельными по вышеприведенным обстоятельствам.

Не является дисциплинарным проступком действие (бездействие), совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или другого лица, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны

Прапорщик З. оспорил в Томском гарнизонном военном суде объявленное ему 2 марта 2015 г. командиром воинской части дисциплинарное взыскание «строгий выговор», примененное в связи с полученной 16 февраля 2015 г. травмой, за невыполнение требований ст. 20 УВС ВС РФ, что выразилось в нарушении обязанности по сохранению своего здоровья в повседневной деятельности.

Статья 20 УВС ВС РФ предусматривает, что военнослужащий обязан знать и соблюдать в повседневной деятельности требования безопасности военной службы. Он должен заботиться о сохранении своего здоровья, ежедневно заниматься закаливанием, физической подготовкой и спортом, воздерживаться от вредных привычек (курения, употребления алкоголя), не допускать употребления наркотических средств и психотропных веществ.

Из материалов административного расследования следует, что 16 февраля 2015 г. З. в ходе бытового конфликта, возникшего на фоне употребления алкогольных напитков между его сослуживцем и другим лицом, пытался обезвредить находившегося в квартире вооруженного травматическим оружием гражданина, причинившего сослуживцу огнестрельное ранение в шею, но при этом сам получил несколько огнестрельных ранений в грудь, потерял сознание и в связи с травмой грудной клетки проходил лечение. По материалам административного расследования сделан вывод, что травма З. получена по личной недисциплинированности, выразившейся в невыполнении ст. 20 УВС ВС РФ, то есть обязанности по сохранению своего здоровья в повседневной деятельности.

Согласно материалам проверки органов внутренних дел по факту причинения телесных повреждений З. и постановлению об отказе в возбуждении уголовного дела от 14 марта 2015 г. З. среагировал на возникший в его отсутствие конфликт после того, как О. в помещении квартиры выстрелом из травматического оружия ранил в шею Ш., у которого открылось кровотечение. При этом З., вытесняя О. из помещения, требовал отдать оружие, но тот несколько раз выстрелил З. в грудь.

Суд установил, что травма З. получена в процессе защиты интересов общественной безопасности и в отсутствие вины в наступлении вреда здоровью, причиной которого стали действия другого лица. Употребление З. спиртных напитков не установлено.

В соответствии с п. 1 ст. 28.3 Федерального закона «О статусе военнослужащих» не является дисциплинарным проступком действие (бездействие), совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или другого лица, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, что законом расценивается в качестве обстоятельств, исключающих дисциплинарную ответственность военнослужащего.

При установленных данных гарнизонный военный суд обоснованно пришел к выводу, что в отношении З. отсутствовали необходимые основания для привлечения его к дисциплинарной ответственности, равно как и прямая причинная связь между поведением заявителя и полученной им травмой.

При привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности командир (начальник) должен учитывать, что применяемое взыскание как мера укрепления воинской дисциплины и воспитания военнослужащих должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины, установленным в результате проведенного разбирательства

Прапорщик Г., находясь в распоряжении командира воинской части, 10 апреля 2014 г. обратилась к последнему с просьбой о предоставлении ей с 11 апреля отпуска по личным обстоятельствам в связи с тяжелым состоянием здоровья

супруга, на что ей было предложено представить установленным порядком соответствующий рапорт, который в этот же день она сдала в строевую часть.

Рассмотрев 11 апреля 2014 г. обращение Г., командир воинской части предоставил ей указанный отпуск с 12 апреля этого же года.

Вместе с тем, полагая себя находящейся в упомянутом отпуске с 11 апреля 2014 г., Г. в этот день на службу не прибыла, в связи с чем командир воинской части на служебном совещании 12 мая объявил ей дисциплинарное взыскание в виде строгого выговора за отсутствие в воинской части без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного ежедневного служебного времени.

Не соглашаясь с такими действиями должностного лица, Г. оспорила их в Омском гарнизонном военном суде, решением которого требования заявителя удовлетворены и на командира части возложена обязанность отменить решение о привлечении Г. к дисциплинарной ответственности.

Отсутствие военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в воинской части или установленном за пределами воинской части месте военной службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного ежедневного служебного времени в соответствии с п. 2 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» является грубым дисциплинарным проступком.

В соответствии с п. 10 ст. 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих» отпуск по личным обстоятельствам на срок до 10 суток предоставляется военнослужащему как в случаях тяжелого состояния здоровья или смерти (гибели) близкого родственника военнослужащего, так и в других исключительных случаях, когда присутствие военнослужащего в семье необходимо, по решению командира воинской части.

Аналогичные нормы закреплены и в п. 11 ст. 31 Положения о порядке прохождения военной службы.

Из материалов дела следует, что решение о предоставлении Г. отпуска по личным обстоятельствам должностным лицом принято 11 апреля 2014 г., с предоставлением данного отпуска заявителю со следующего дня.

Исходя из анализа обстоятельств дела, требований вышеназванных нормативных правовых актов, окружной военный суд пришел к выводу, что в отсутствие решения командира части о предоставлении заявителю отпуска по личным обстоятельствам у Г. не было законных оснований не прибывать на службу 11 апреля 2014 г.

Вместе с тем, окружной военный суд установил, что решение должностного лица о наложении на заявителя дисциплинарного взыскания в виде строгого выговора принято без учета имеющихся смягчающих и иных обстоятельств.

Согласно ст. 52 ДУ ВС РФ при совершении военнослужащим дисциплинарного проступка и привлечении его к ответственности командир должен учитывать, что применяемое взыскание как мера укрепления воинской дисциплины и воспитания военнослужащих должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины, установленным в результате проведенного разбирательства.

Под несоразмерностью примененного к военнослужащему дисциплинарного взыскания следует понимать очевидное несоответствие примененного дисциплинарного взыскания тяжести совершенного проступка, например, если

будет установлено, что командир не учел все обстоятельства, которые надлежит учитывать в силу закона (п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих»).

Согласно пп. 1 и 3 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» при назначении дисциплинарного взыскания учитываются характер дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия его совершения, форма вины, личность военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, обстоятельства, смягчающие и отягчающие дисциплинарную ответственность.

Одним из обстоятельств, смягчающих дисциплинарную ответственность военнослужащих, признается совершение дисциплинарного проступка при стечении тяжелых семейных обстоятельств, к числу которых бесспорно относится тяжелое состояние здоровья близкого родственника (супруга) заявителя.

Данное обстоятельство было известно должностному лицу, однако, как видно из протокола о грубом дисциплинарном проступке, оно не признано смягчающим обстоятельством при назначении Г. дисциплинарного наказания.

Также при назначении дисциплинарного наказания командиром воинской части не принято во внимание предшествующее поведение заявителя и ее отношение к военной службе; Г., как следует из копий служебной карточки, неоднократно поощрялась и взысканий по службе не имела, в указанный период находилась в распоряжении командира части и на нее не возлагалось исполнение должностных либо специальных обязанностей по военной службе.

С учетом изложенного судом апелляционной инстанции назначенное Г. дисциплинарное взыскание было признано чрезмерно суровым и не соразмерным тяжести содеянного ею.

Применение дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии при отмене другого дисциплинарного взыскания за тот же дисциплинарный проступок признано судом правомерным

Капитан Б. обратился в Черемховский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором оспорил действия командира воинской части, связанные с изданием приказа от 24 сентября 2013 г., в соответствии с которым к нему было применено дисциплинарное взыскание в виде предупреждения о неполном служебном соответствии, а также с изданием приказа от 26 мая 2014 г., согласно которому командир отменил ранее наложенное на Б. дисциплинарное взыскание в виде выговора.

В обоснование требований своего заявления Б. указал, что, по его мнению, наложенное на него командиром воинской части дисциплинарное взыскание в виде «предупреждения о неполном служебном соответствии» за халатное исполнение обязанностей военной службы не соответствует тяжести совершенного им дисциплинарного проступка, то есть является чрезмерно строгим.

Кроме того, как указал Б. в своем заявлении, наложению на него командиром части 24 сентября 2013 г. дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии предшествовало дисциплинарное взыскание «выговор», наложенное на него командиром группы капитаном Т. По результатам проведенной прокурорской проверки было установлено, что Б., дважды был наказан за один и тот же дисциплинарный проступок, в связи с чем

командиром воинской части на основании представления заместителя военного прокурора 26 мая 2014 г. был издан приказ об отмене ранее наложенного на Б. капитаном Т. дисциплинарного взыскания в виде выговора.

В соответствии с выпиской из приказа командира воинской части от 26 мая 2014 г. «Об организации устранения нарушений законодательства о порядке привлечения к дисциплинарной ответственности» дисциплинарное взыскание «выговор», объявленное капитану Б. командиром группы капитаном Т., было отменено, о чем внесены соответствующие изменения в служебную карточку заявителя, копия которой была исследована судом.

Из сообщения командира воинской части от 6 мая 2014 г. на имя военного прокурора следует, что представление заместителя военного прокурора об устранении нарушений закона в отношении Б. исполнено, а указанные в представлении недостатки устранены.

Согласно ст. 80 ДУ ВС РФ к военнослужащему, совершившему дисциплинарный проступок, могут применяться только те дисциплинарные взыскания, которые определены указанным Уставом, соответствуют воинскому званию военнослужащего и дисциплинарной власти командира (начальника), принимающего решение о привлечении нарушителя к дисциплинарной ответственности.

В соответствии с положениями ст. 67 ДУ ВС РФ к младшим и старшим офицерам может быть применено, в частности, дисциплинарное взыскание «предупреждение о неполном служебном соответствии». При этом на основании ст. 70 ДУ ВС РФ командир полка обладает правом по применению указанного дисциплинарного взыскания к подчиненному ему офицеру, которым является капитан Б.

Согласно ст. 88 ДУ ВС РФ вышестоящий командир (начальник) имеет право отменить дисциплинарное взыскание, примененное нижестоящим командиром (начальником), если сочтет, что это взыскание не соответствует тяжести совершенного дисциплинарного проступка, и применить более строгое дисциплинарное взыскание, что, в свою очередь, и было реализовано командиром воинской части.

Самого факта (события) дисциплинарного проступка, имевшего место 18 сентября 2013 г., Б. не отрицает, а его несогласие с примененным к нему дисциплинарным взысканием в виде предупреждения о неполном служебном соответствии никак не может повлиять на исключительную прерогативу командира применять дисциплинарные взыскания соразмерно тяжести совершенного дисциплинарного проступка.

Доводы о том, что в соответствии со ст. 88 ДУ ВС РФ вышестоящий командир (начальник) не имеет права отменить или уменьшить дисциплинарное взыскание, примененное нижестоящим командиром (начальником), по причине строгости взыскания, если последний не превысил предоставленной ему власти, а потому командир воинской части не имел права отменять ранее наложенное на него капитаном Т. дисциплинарное взыскание в виде выговора, являются несостоятельными, поскольку командиром части взыскание в виде выговора было отменено не в связи с его строгостью, а, напротив, в связи с его чрезмерной мягкостью.

Не отрицая того, что в действительности имелись нарушения закона, связанные с повторным привлечением капитана Б. к дисциплинарной ответственности

ти за один и тот же дисциплинарный проступок (как это было установлено в ходе проведенной прокурорской проверки), суд пришел к обоснованному выводу о том, что впоследствии вышеуказанные нарушения командиром воинской части были устранены, чем полностью восстановлены права заявителя.

Дисциплинарное взыскание применяется к военнослужащему командиром (начальником), который наделен полномочиями по применению дисциплинарных взысканий

Решением Хабаровского гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении заявления капитана А., в котором тот просил признать незаконными действия помощника командующего войсками Восточного регионального командования внутренних войск МВД России по правовой работе – начальника юридической службы (далее – помощник командующего войсками ВРК ВВ МВД России), связанные с объявлением ему 25 ноября 2014 г. дисциплинарного взыскания в виде выговора.

25 ноября 2014 г. решением помощника командующего войсками ВРК ВВ МВД России А. привлечен к дисциплинарной ответственности за незнание и невыполнение в полном объеме ст. 16 УВС ВС РФ, ст.ст. 1 – 4 ДУ ВС РФ и п. 2 должностных обязанностей.

Гарнизонный военный суд, отказывая в удовлетворении требований заявителя о признании незаконным указанного решения должностного лица, исходил из того, что А. 11 ноября 2014 г. помощником командующего войсками ВРК ВВ МВД России было дано указание детально изучить ряд статей общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации. Поскольку 25 ноября 2014 г. заявитель не смог доложить наизусть данные статьи уставов и свои должностные обязанности, он был привлечен к дисциплинарной ответственности.

В соответствии со ст. 47 ДУ ВС РФ военнослужащие привлекаются к дисциплинарной ответственности за дисциплинарный проступок, то есть противоправное, виновное действие (бездействие), выражающееся в нарушении воинской дисциплины, который в соответствии с законодательством Российской Федерации не влечет за собой уголовной или административной ответственности.

Согласно показаниям свидетелей Ан., Щ., Г. – офицеров юридических подразделений ВРК ВВ МВД России, допрошенных судом первой инстанции, 25 ноября 2014 г. на служебном совещании А. было предложено доложить наизусть названные статьи общевоинских уставов, на что последний дать ответы затруднился, сославшись на отсутствие необходимого времени на подготовку, поскольку он только что прибыл из судебного заседания.

Принимая во внимание то, что заявитель не был заблаговременно поставлен в известность о предстоящем опросе, на котором от него потребовали доложить положения статей общевоинских уставов и должностные обязанности наизусть, судебная коллегия Дальневосточного окружного военного суда установила, что вывод суда о наличии вины в действиях капитана А. ошибочен.

По делу не установлено иных упущений по службе со стороны А., которые могли бы свидетельствовать о невыполнении им своих должностных обязанностей.

В соответствии с ДУ ВС РФ дисциплинарное взыскание налагается на военнослужащего прямым командиром (начальником). Согласно ст. 35 УВС ВС РФ

начальники, которым военнослужащие подчинены по службе, хотя бы и временно, являются прямыми начальниками. Ближайший к подчиненному прямой начальник называется непосредственным начальником.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. № 207 утверждено Типовое положение о юридической службе федерального органа исполнительной власти, в соответствии с которым юридическая служба организуется в виде самостоятельного структурного подразделения центрального аппарата федерального органа исполнительной власти (департамент, главное управление, управление, отдел) и возглавляется руководителем (начальником), назначаемым на должность и освобождаемым от должности в установленном порядке. Юридическая служба подчиняется непосредственно руководителю федерального органа исполнительной власти.

Согласно ст. 106 УВС ВС РФ помощник командира полка (корабля 1 ранга) по правовой работе подчиняется командиру полка (корабля 1 ранга), а по специальным, отнесенным к его ведению вопросам руководствуется указаниями начальников юридических служб вышестоящих органов военного управления.

Принимая во внимание изложенное выше, судебная коллегия окружного военного суда обоснованно указала, что помощник командующего войсками ВРК ВВ МВД России – начальник юридической службы является прямым начальником для военнослужащих, проходящих военную службу в юридической службе Восточного регионального командования внутренних войск МВД России. В отношении военнослужащих юридических служб иных воинских частей самостоятельной дисциплинарной властью он не обладает, а наделен лишь правом давать указания по специальным, отнесенным к его ведению вопросам.

Иная трактовка приведенных правовых норм противоречит ст. 33 УВС ВС РФ, закрепляющей один из основных принципов строительства Вооруженных Сил Российской Федерации – принцип единоначалия, который заключается в наделении командира (начальника) всей полнотой распорядительной власти по отношению к подчиненным и возложении на него персональной ответственности перед государством за все стороны жизни и деятельности воинской части, подразделения и каждого военнослужащего. Установление двойного подчинения – командиру воинской части и начальнику юридической службы вышестоящей воинской части, не являющемуся одновременно прямым начальником для командира нижестоящей воинской части, этому принципу не соответствует.

Не могут поставить под сомнение вышеприведенный вывод и ссылки должностного лица на Положение о юридической службе Восточного регионального командования внутренних войск МВД России, поскольку в данной части это Положение противоречит требованиям общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации и Постановлению Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. № 207 «Об утверждении Типового положения о юридической службе федерального органа исполнительной власти», в связи с чем применению не подлежит.

На основании изложенного судебная коллегия окружного военного суда решение Хабаровского гарнизонного военного суда по заявлению А. об оспаривании действий помощника командующего войсками Восточного регионального командования внутренних войск МВД России по правовой работе – на-

чальника юридической службы, связанных с привлечением к дисциплинарной ответственности, обоснованно отменила и приняла по делу новое решение, которым заявление А. удовлетворила.

Военнослужащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только за неисполнение законного приказа

Лейтенант П. обратился в Калининградский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил обязать командира воинской части отменить приказ от 26 ноября 2013 г. в части привлечения заявителя к дисциплинарной ответственности – применения дисциплинарного взыскания в виде строгого выговора.

В обоснование своих требований заявитель указал, что оспариваемым приказом он незаконно был привлечен к дисциплинарной ответственности, поскольку запрет командира воинской части пользоваться личным транспортом после окончания служебного времени, как и требование о передаче ключей от личного автомобиля, являются неправомерными.

Согласно ст.ст. 41, 44 УВС ВС РФ приказ (приказание) должен соответствовать федеральным законам, общевоинским уставам и приказам вышестоящих командиров (начальников). Отдавая приказ (приказание), командир (начальник) не должен допускать злоупотребления должностными полномочиями или их превышения.

Командирам (начальникам) запрещается отдавать приказы (приказания), не имеющие отношения к исполнению обязанностей военной службы или направленные на нарушение законодательства Российской Федерации.

Командир (начальник) несет ответственность за отданный приказ (приказание) и его последствия, за соответствие содержания приказа (приказания) требованиям ст. 41 УВС ВС РФ.

Из приказа командира воинской части от 26 ноября 2013 г. следует, что П. за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в нарушении ст. 43 УВС ВС РФ, был объявлен строгий выговор.

Непосредственно данное нарушение воинской дисциплины, согласно пояснениям представителя должностного лица, заключалось в игнорировании заявителем запрета командира воинской части на использование 25 ноября 2013 г. после окончания служебного времени личного автотранспорта.

Как следует из телеграммы вышестоящего штаба, поступившей в воинскую часть 25 ноября 2013 г., в связи с неблагоприятными погодными условиями (дождь, заморозки, гололед) командирам воинских частей было предписано, исходя из условий каждой воинской части, принять дополнительные меры по обеспечению безопасности личного состава.

При этом, вопреки утверждению представителя должностного лица о полном запрете использования личного автотранспорта, данная телеграмма не содержит подобного запрета, а лишь предписывает минимизировать использование личного автотранспорта в случаях крайней необходимости.

Как следует из архива погоды в Калининградской области, вечером 25 ноября 2013 г. погодные условия являлись нормальными, температура воздуха была положительной, осадков не было, в связи с чем суд пришел к выводу, что каких-либо особых условий (заморозки, гололед), препятствовавших обычному использованию автотранспорта, не имелось.

Совокупность установленных в судебном заседании обстоятельств свидетельствует о том, что запрет на использование после окончания служебного времени военнослужащими своего личного автотранспорта в целях поездки, как в случае с П., к месту своего жительства из г. Пионерский в г. Калининград, с учетом конкретных условий, является неправомерным.

Кроме того, ссылка представителя должностного лица на ст. 239 УВС ВС РФ, в соответствии с которой порядок выезда военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, определяется командиром воинской части, в данном случае представляется неубедительной, поскольку, как установлено в судебном заседании, покидать гарнизон вообще никто из должностных лиц П. не запрещал.

Таким образом, приведенные нормы законодательства, а также установленные в судебном заседании обстоятельства позволили суду прийти к обоснованному выводу о том, что заявление П. подлежало удовлетворению.

Законодательство Российской Федерации не содержит запрета на применение дисциплинарных взысканий в виде досрочного увольнения с военной службы или предупреждения о неполном служебном соответствии за совершение военнослужащим дисциплинарного проступка, не включенного в перечень грубых

Решением Московского гарнизонного военного суда от 8 сентября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 4 декабря 2014 г., удовлетворено заявление К. в той части, в которой он просил признать незаконным приказ министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2014 г. об увольнении заявителя с военной службы.

Рассмотрев материалы дела, переданные по кассационной жалобе представителя воинского должностного лица, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации решение Московского гарнизонного военного суда от 8 сентября 2014 г. и апелляционное определение Московского окружного военного суда от 4 декабря 2014 г. отменила и приняла по делу новое решение – об отказе в удовлетворении заявления, приведя в обоснование следующие доводы.

Суды обеих инстанций пришли к выводу о том, что приказ об увольнении с военной службы заявителя является незаконным.

Делая такой вывод, суды исходили из того, что дисциплинарное взыскание в виде досрочного увольнения с военной службы может быть применено к военнослужащему лишь за совершение грубого дисциплинарного проступка. Однако данный вывод является ошибочным.

Из материалов дела усматривается, что по результатам административного расследования были выявлены факты нарушений финансово-хозяйственной деятельности, связанные с исполнением государственного оборонного заказа, а также недобросовестного исполнения К. возложенных на него обязанностей уполномоченного от службы защиты государственной тайны. В результате недобросовестного исполнения возложенных обязанностей должностными лицами, в том числе заявителем, Министерству обороны Российской Федерации причинен значительный ущерб, в связи с чем виновных в этом лиц предложено привлечь к дисциплинарной ответственности.

Согласно ст. 99 ДУ ВС РФ дисциплинарное взыскание – досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта – применя-

ется в отношении военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, за невыполнение им условий контракта и исполняется без его согласия.

Приказом командира воинской части от 28 апреля 2014 г., отмененным впоследствии самим должностным лицом в связи с отсутствием соответствующих полномочий, к К. применено дисциплинарное взыскание в виде досрочного увольнения с военной службы.

20 мая 2014 г. начальником Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации направлены материалы об увольнении К. с военной службы, подтверждающие факт совершения им дисциплинарного проступка, выразившегося в недобросовестном исполнении служебных обязанностей, министру обороны Российской Федерации, который 22 мая 2014 г. с данным предложением согласился.

Приказом министра обороны Российской Федерации от 30 мая 2014 г. К. досрочно уволен с военной службы в запас в связи с невыполнением военнослужащим условий контракта.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу об увольнении К. с военной службы в порядке реализации соответствующего дисциплинарного взыскания.

Вместе с тем, утверждение суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для привлечения заявителя к дисциплинарной ответственности в виде досрочного увольнения с военной службы в связи с тем, что он ни одного из грубых дисциплинарных проступков, составы которых перечислены в п. 2 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих», либо уголовно наказуемого деяния или административного правонарушения не совершал, неснятых дисциплинарных взысканий не имеет, является ошибочным.

Отсутствие у заявителя иных дисциплинарных взысканий и то, что данный проступок не входит в перечень грубых дисциплинарных проступков, перечисленных в п. 2 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих», не свидетельствует о невозможности применения к нему оспариваемого дисциплинарного взыскания.

Такой вывод обусловлен тем, что в законодательстве не содержится запрета на применение дисциплинарного взыскания в виде досрочного увольнения с военной службы за совершение дисциплинарного проступка, не включенного в перечень грубых. При применении данного дисциплинарного взыскания должны оцениваться не только обоснованность привлечения к дисциплинарной ответственности военнослужащего, но и соразмерность примененного дисциплинарного взыскания тяжести совершенного проступка и степени вины военнослужащего.

Факт совершения К. дисциплинарного проступка установлен заключением комиссии, проводившей административное расследование.

Согласно ст. 15 ДУ ВС РФ министр обороны Российской Федерации в отношении военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации пользуется дисциплинарной властью в полном объеме прав, определенных названным Уставом.

При таких обстоятельствах министр обороны Российской Федерации правомерно применил к заявителю дисциплинарное взыскание, соразмерное совершенному им дисциплинарному проступку в пределах предоставленной ему дисциплинарной власти.

Полковник Ш., проходящий военную службу в должности заместителя командира по тылу, обратился в Тверской гарнизонный военный суд с заявлением, в котором указал, что с 12 мая по 5 июня 2015 г. в данной воинской части Межрегиональным управлением Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации (далее – Управление) проводилась проверка отдельных вопросов финансово-экономической деятельности, по результатам которой претензий к Ш. не имелось, однако до него был доведен приказ командира воинской части от 3 августа 2015 г. об объявлении ему дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии.

При этом, по мнению заявителя, примененное дисциплинарное взыскание может налагаться лишь за совершение грубого дисциплинарного проступка, тогда как в соответствующий перечень таких проступков необоснованно вменены Ш. нарушения не входят и протокол о грубом дисциплинарном проступке не оформлялся.

Как следует из копии приказа командира воинской части от 3 августа 2015 г., за низкий контроль и слабую организацию деятельности подчиненных должностных лиц воинской части, повлекшие причинение ущерба, с учетом имеющихся недостатков в служебной деятельности, Ш. предупрежден о неполном служебном соответствии. Основанием для издания приказа явились результаты проведенной Управлением проверки, которые поступили в указанную воинскую часть 14 июля 2015 г.

В данном случае исследованных в судебном заседании документов было достаточно для установления командиром воинской части наличия обстоятельств совершения Ш. дисциплинарного проступка, за что ему и было объявлено дисциплинарное взыскание.

Согласно копии служебной карточки на момент издания командиром воинской части приказа от 3 августа 2015 г. у Ш. имелось два неснятых дисциплинарных взыскания «строгий выговор», объявленных ему командиром воинской части. Данные обстоятельства объективно позволяли командиру воинской части сделать вывод об имеющихся в деятельности Ш. недостатках и учесть их при принятии решения о его привлечении к дисциплинарной ответственности и определении меры дисциплинарного воздействия.

Таким образом, событие дисциплинарного проступка и виновность Ш. в его совершении нашли свое подтверждение в ходе судебного заседания, дисциплинарное взыскание к нему применено в установленный срок и в пределах срока давности привлечения к дисциплинарной ответственности, в объеме полномочий, предоставленных командиру воинской части, с соблюдением процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности, и является соразмерным тяжести совершенного Ш. проступка.

Довод Ш. о том, что примененное к нему дисциплинарное взыскание может налагаться лишь за совершение грубого дисциплинарного проступка, суд полагает ошибочным, поскольку Федеральный закон «О статусе военнослужащих» и ДУ ВС РФ таких ограничений по порядку применения названного вида взыскания не содержат.

При таких обстоятельствах суд пришел к обоснованному выводу о законности изданного командиром воинской части приказа от 3 августа 2015 г.

Военнослужащий, у которого истек срок контракта о прохождении военной службы, до его исключения из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы может привлекаться к дисциплинарной ответственности

Прапорщик С. обратился в 235-й гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконными действия (бездействие) командира воинской части, связанные с привлечением его к дисциплинарной ответственности после истечения срока контракта о прохождении военной службы, а приказы указанного должностного лица от 26 апреля 2014 г. и от 8 мая 2014 г. – подлежащими отмене.

Свое заявление С. мотивировал тем, что в ноябре 2013 г. он обратился с рапортом об увольнении с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе после обеспечения его жилым помещением для постоянного проживания. 11 апреля 2014 г. истек срок контракта о прохождении заявителем военной службы. В апреле и мае 2014 г. С. стало известно о примененных к нему дисциплинарных взысканиях за нарушение формы одежды и за отсутствие на службе без уважительных причин более четырех часов подряд. Заявитель полагал, что истечение срока военной службы представляет собой время, после которого военно-служебные отношения не действуют, период исполнения им служебных обязанностей, установленный контрактом, истек, в связи с чем он не мог быть привлечен к дисциплинарной ответственности.

Пунктом 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» установлено, что окончанием военной службы считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части; военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы, кроме перечисленных в данном пункте случаев, а также в иных случаях, установленных Положением о порядке прохождения военной службы.

К числу названных выше случаев относятся и обстоятельства, предусмотренные п. 17 ст. 34 Положения о порядке прохождения военной службы, согласно которому военнослужащий, общая продолжительность военной службы которого составляет 10 лет и более, нуждающийся в улучшении жилищных условий по установленным нормам, без его согласия не может быть уволен с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями без предоставления ему жилого помещения по нормам жилищного законодательства.

В судебном заседании заявитель пояснил, что своего согласия на увольнение с военной службы без предоставления ему жилого помещения он не давал, что подтверждается его рапортом от 15 ноября 2013 г. и листом беседы от 23 мая 2014 г.

Военнослужащий должен быть исключен из списков личного состава воинской части в день истечения срока его военной службы (уволенный досрочно – не позднее окончания срока военной службы), кроме случаев, установленных вышеуказанным Федеральным законом и указанным Положением.

День исключения из списков личного состава воинской части является для военнослужащего днем окончания (последним днем) военной службы.

С учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 30 сентября 2004 г. № 322-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Францына Валерия Васильевича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», пункта 4 статьи 32 и пункта 11 статьи 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», после истечения срока, указанного в контракте, военнослужащий реализует свое право на труд посредством либо дальнейшего прохождения военной службы – до обеспечения его жилым помещением, либо увольнения с военной службы – с условием его последующего обеспечения жильем по месту будущего проживания. Следовательно, при отсутствии письменного согласия военнослужащего на увольнение до улучшения его жилищных условий и при истечении срока, указанного в контракте, такого военнослужащего следует считать проходящим военную службу в добровольном порядке только до дня обеспечения жилым помещением.

5 мая 2014 г. С. вышел на службу в гражданской форме одежды, за что получил выговор. Данный факт подтверждается актом, утвержденным командиром воинской части, от 5 мая 2014 г. и служебной карточкой заявителя.

Пунктом 2 ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» установлено, что отсутствие военнослужащего, проходящего военную службу по контракту, в воинской части или установленном за пределами воинской части месте военной службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного ежедневного служебного времени по своему характеру является грубым дисциплинарным проступком.

В судебном заседании заявитель пояснил, что в период с 14 по 16 апреля 2014 г. он в воинскую часть не прибывал, поскольку не считал обязательным соблюдение установленного ежедневного служебного времени после истечения срока его контракта. По той же причине, пояснил С., он не прибывал на службу и в период с 25 апреля по 30 апреля 2014 г.

Помимо пояснений С., его вина в совершении грубых дисциплинарных проступков подтверждается его служебной карточкой, протоколами о грубых дисциплинарных проступках от 25 апреля 2014 г. и 7 мая 2014 г. соответственно, заключениями административных расследований от 25 апреля 2014 г. и от 7 мая 2014 г. соответственно, а также материалами, приложенными к указанным заключениям, и предостережением о недопустимости нарушения закона заместителем военного прокурора Подольского гарнизона от 19 мая 2014 г.

В соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» исходя из положений подп. «б» п. 3 ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 11 ст. 38 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» судам необходимо учитывать, что военнослужащий, заключая контракт, налагает на себя ряд обязанностей, которые отсутствуют в других видах трудовой деятельности, в частности обязанность продолжать военную службу после истечения срока, указанного в контракте, в случаях, предусмотренных в законе (например, если военнослужащий не может быть уволен с военной службы в связи с достижением предельного возраста пребывания на военной службе без предоставления ему жилищной субсидии или жилого помещения (п. 1 ст. 23 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и др.).

При разрешении споров о правомерности нахождения военнослужащего на военной службе после истечения срока контракта судам следует исходить из того, что если после истечения срока, указанного в контракте, военнослужащий продолжает прохождение военной службы, например, до обеспечения его жилым помещением, то при отсутствии письменного согласия военнослужащего на увольнение с военной службы до обеспечения его жилым помещением (например, при отсутствии рапорта и др.) такого военнослужащего следует считать проходящим военную службу в добровольном порядке только до реализации его права на жилище. При совершении в указанный период правонарушения такой военнослужащий в зависимости от характера и тяжести содеянного подлежит привлечению к дисциплинарной, административной, материальной, гражданско-правовой или уголовной ответственности в соответствии с федеральными законами.

С учетом изложенного, на основании оценки собранных по делу доказательств в их совокупности с приведенными положениями нормативных правовых актов гарнизонный военный суд обоснованно пришел к выводу, что действия (бездействие) командира воинской части, связанные с привлечением к дисциплинарной ответственности заявителя при описанной ситуации, осуществлялись в рамках обязанностей, возложенных нормативными правовыми актами на указанное должностное лицо, в связи с чем суд отказал в удовлетворении заявления С. в полном объеме.

Если примененное к военнослужащему дисциплинарное взыскание по истечении года не будет снято и за этот период он не совершит другого дисциплинарного проступка, в служебной карточке делается отметка о том, что по истечении срока взыскание снято

Полковник П. оспорил в Московском гарнизонном военном суде действия командира воинской части, связанные с невнесением записи в служебную карточку о снятии дисциплинарного взыскания и оставлением рапорта без рассмотрения в установленные сроки.

Согласно ст. 103 ДУ ВС РФ при снятии с военнослужащего дисциплинарного взыскания в служебной карточке, в соответствующей графе раздела «Дисциплинарные взыскания», делается отметка о том, когда и кем взыскание снято. Если примененное к военнослужащему дисциплинарное взыскание по истечении года не будет снято и за этот период он не совершит другого дисциплинарного проступка, в соответствующей графе раздела «Дисциплинарные взыскания» делается отметка о том, что по истечении срока взыскание снято.

Как установлено в судебном заседании и подтверждается документами, П. 17 марта 2015 г. обратился к командиру воинской части с рапортом, в котором просил внести в его служебную карточку отметки о снятии дисциплинарных взысканий, объявленных ему приказом вышестоящего командира воинской части от 18 ноября 2013 г. и приказом командующего войсками Воздушно-космической обороны от 24 февраля 2014 г., по истечении срока и выдать ему копию служебной карточки.

Командир воинской части, рассмотрев рапорт заявителя, произвел запись в служебной карточке о снятии 27 февраля 2015 г. дисциплинарного взыскания, объявленного П. приказом командующего войсками Воздушно-космической обороны от 24 февраля 2014 г., по истечении срока и отказал заявителю в произ-

водстве соответствующей записи в отношении дисциплинарного взыскания, объявленного ему приказом вышестоящего командира воинской части от 18 ноября 2013 г.

По смыслу ст. 103 ДУ ВС РФ снятие с военнослужащего дисциплинарного взыскания по истечении года допускается при отсутствии других дисциплинарных взысканий.

Поскольку командиром воинской части в служебной карточке заявителя правомерно по истечении года была произведена запись о снятии дисциплинарного взыскания, объявленного ему приказом командующего войсками Воздушно-космической обороны от 24 февраля 2014 г., то препятствий для производства записи в служебной карточке заявителя о снятии по истечении срока ранее примененного дисциплинарного взыскания у командира части не было.

При таких обстоятельствах суд признал незаконными действия командира воинской части, связанные с ненадлежащим разрешением рапорта П. от 17 марта 2015 г., и для восстановления нарушенного права заявителя возложил обязанность на командира воинской части внести запись в служебную карточку П. о снятии по истечении срока дисциплинарного взыскания, объявленного ему приказом вышестоящего командира воинской части, и выдать П. заверенную надлежащим образом копию его служебной карточки.

Требование о внесении в служебную карточку отметки о снятии дисциплинарного взыскания признано судом правомерным

Майор Ж. обратился в Балтийский гарнизонный военный суд, оспаривая действия командира воинской части, связанные с отказом во внесении установленным порядком в его служебную карточку отметки о снятии с 16 февраля 2015 г. начальником радиолокационного узла ртб ранее объявленного Ж. 10 декабря 2014 г. устно этим же воинским должностным лицом дисциплинарного взыскания «выговор».

Копией рапорта начальника радиолокационного узла ртб, поданного 16 февраля 2015 г. по команде на имя командира воинской части, подтверждается, что за оперативное восстановление агрегата питания из состава РЛС к Ж. было применено поощрение в виде снятия с него ранее наложенного 25 ноября 2014 г. начальником радиолокационного узла ртб дисциплинарного взыскания «выговор».

Данный рапорт командиром части был оставлен без реализации, поскольку ранее примененное в отношении Ж. дисциплинарное взыскание еще не сыграло своей воспитательной роли.

Как определено ст. 19 ДУ ВС РФ, снятие с военнослужащего ранее примененного к нему дисциплинарного взыскания является одним из видов поощрений.

Из смысла и содержания ст.ст. 32 и 35 ДУ ВС РФ следует, что начальник радиолокационного узла ртб, наделенный властью командира роты, правомочен применять к подчиненным ему офицерам поощрение – «снятие ранее примененного им дисциплинарного взыскания», когда дисциплинарное взыскание сыграло свою воспитательную роль и военнослужащий исправил свое поведение образцовым исполнением воинского долга. Право снятия дисциплинарного взыскания принадлежит тому командиру (начальнику), которым взыскание было применено, а также его прямым начальникам, имеющим не меньшую, чем у него, дисциплинарную власть.

Статья 102 ДУ ВС РФ возлагает обязанность на непосредственных командиров (начальников) еженедельно докладывать по команде командирам воинских частей о применении ими поощрений и дисциплинарных взысканий на прапорщиков, мичманов и офицеров для занесения их в семидневный срок в соответствии с требованиями ст.ст. 103, 104 ДУ ВС РФ в их служебные карточки, которые ведутся в штабе воинской части. При снятии с военнослужащего дисциплинарного взыскания в его служебной карточке, в соответствующей графе раздела «Дисциплинарные взыскания», делается отметка о том, когда и кем взыскание снято. Каждая запись в служебную карточку офицеров и прапорщиков должна быть заверена начальником штаба воинской части.

Поскольку при снятии с Ж. ранее примененного к нему дисциплинарного взыскания начальник радиолокационного узла ртб действовал в строгом соответствии со ст.ст. 32, 35, 102 – 104 ДУ ВС РФ и в рамках предоставленных ему полномочий, суд обоснованно пришел к выводу о том, что у командира воинской части отсутствовали законные основания по оставлению без реализации поданного ему в соответствии с требованиями ст. 102 ДУ ВС РФ рапорта начальника радиолокационного узла ртб от 16 февраля 2015 г. о применении им к Ж. поощрения в виде снятия ранее примененного взыскания.

При таких условиях требование заявителя о внесении установленным порядком в его служебную карточку отметки о снятии с него 16 февраля 2015 г. правами начальника радиолокационного узла ртб ранее объявленного 10 декабря 2014 г. устно этим же воинским должностным лицом дисциплинарного взыскания «выговор» суд удовлетворил.

По истечении года после применения к военнослужащему дисциплинарного взыскания «предупреждение о неполном служебном соответствии» командир (начальник) в срок до 30 суток принимает решение (ходатайствует) о снятии данного дисциплинарного взыскания либо, если военнослужащий не исправил свое поведение образцовым выполнением воинского долга и взыскание не сыграло своей воспитательной роли, – о снижении этого военнослужащего в воинской должности или досрочном увольнении его с военной службы

Старший лейтенант С. обратился в Балтийский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил суд признать незаконным бездействие командира воинской части, связанное с непринятием мер по снятию с него дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии, примененного в отношении его приказом командующего Балтийским флотом от 29 августа 2012 г.

С. указал на то, что дисциплинарное взыскание в виде предупреждения о неполном служебном соответствии было наложено на него приказом от 29 августа 2012 г., однако по истечении года после применения данного взыскания, несмотря на то, что он исправил свое поведение, командир воинской части, в нарушение требований ст. 96 ДУ ВС РФ, не предпринял никаких мер по его снятию в установленном порядке, к тому же указание о наличии данного неснятого взыскания содержится в аттестационных листах С. за 2013 – 2014 гг., что нарушает его права и влияет на принятие решений о его служебном предназначении.

Разрешая требования С. о признании незаконным бездействия командира воинской части, связанного с неприятием мер по снятию с заявителя дисциплинарного взыскания в виде предупреждения о неполном служебном соответствии, суд первой инстанции установил, что после наложения на С. вышеназванного дисциплинарного взыскания он не привлекался к дисциплинарной ответственности в течение года, что подтверждено копией служебной карточки заявителя.

При рассмотрении данного требования заявителя судом обоснованно указано на положения ст. 96 ДУ ВС РФ, согласно которой по истечении года после применения указанного дисциплинарного взыскания командир (начальник) в срок до 30 суток принимает решение (ходатайствует) о снятии данного дисциплинарного взыскания либо, если военнослужащий не исправил свое поведение образцовым выполнением воинского долга и взыскание не сыграло своей воспитательной роли, – о снижении этого военнослужащего в воинской должности или досрочном увольнении его с военной службы в установленном порядке, а также сделан правильный вывод о том, что решение вопроса о снятии данного дисциплинарного взыскания либо о снижении этого военнослужащего в воинской должности или досрочном увольнении его с военной службы ограничено конкретными временными рамками и должно было быть принято в отношении заявителя в данном случае не позднее 29 сентября 2013 г. Однако это командиром воинской части сделано не было.

Командир воинской части при отсутствии в течение года с момента применения указанного взыскания иных дисциплинарных взысканий, что и имело место в отношении С., в силу ст. 96 ДУ ВС РФ обязан был выйти с ходатайством о снятии данного дисциплинарного взыскания. Поскольку он этого не сделал, его бездействие является незаконным.

Нарушение процедуры привлечения военнослужащего к дисциплинарной ответственности может являться основанием для отмены приказа о назначении дисциплинарного взыскания

Капитан 3 ранга Б. обратился в Вологодский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил признать незаконным приказ командира воинской части от 30 апреля 2013 г. о применении к нему дисциплинарного взыскания «строгий выговор» за неудовлетворительное исполнение обязанностей по занимаемой должности.

Заявитель считал неправомерным наложение на него дисциплинарного взыскания, поскольку свои обязанности он исполнял добросовестно, о проводимом разбирательстве в известность его не поставили, объяснений с него не брали, чем лишили права представить доказательства своей невиновности, а, кроме того, о примененном к нему дисциплинарном взыскании ему не объявили.

Из акта административного расследования и материалов разбирательства по факту совершения 17 апреля 2013 г. Б. дисциплинарного проступка, выразившегося в отсутствии с его стороны должного руководства мероприятиями по организации маскировки корабля, следует, что это разбирательство было проведено по указанию начальника службы радиоэлектронной борьбы Северного флота. В ходе разбирательства были получены объяснения от различных должностных лиц, за исключением самого заявителя.

В соответствии со ст. 81 ДУ ВС РФ принятию командиром (начальником) решения о применении к подчиненному военнослужащему дисциплинарного взыскания предшествует разбирательство. Разбирательство проводится в целях установления виновных лиц, выявления причин и условий, способствовавших совершению дисциплинарного проступка. Разбирательство, как правило, проводится непосредственным командиром (начальником) военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, или другим лицом, назначенным одним из прямых командиров (начальников). Разбирательство, как правило, проводится без оформления письменных материалов, за исключением случаев, когда командир (начальник) потребовал представить материалы разбирательства в письменном виде.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной им в определении от 20 марта 2008 г. № 385-О-О, устанавливаемый ДУ ВС РФ порядок привлечения военнослужащих к дисциплинарной ответственности имеет свою специфику, которая обуславливается характером военной службы, предъявляющей повышенные требования к дисциплине военнослужащих. Обеспечение таких требований может достигаться, в частности, более оперативной процедурой разбирательства, предшествующего наложению на военнослужащего дисциплинарного взыскания, отличной от процедур, установленных в трудовом законодательстве. Это, однако, не означает, что соответствующие положения ДУ ВС РФ должны рассматриваться как допускающие такое разбирательство без письменной фиксации всех существенных фактов, связанных с совершенным грубым дисциплинарным проступком (в том числе без истребования письменных объяснений военнослужащего, привлекаемого к дисциплинарной ответственности).

В противном случае создавалась бы угроза нарушения конституционного права на труд, реализуемого военнослужащими посредством прохождения военной службы (ст.ст. 37 и 59 Конституции Российской Федерации), а также конституционных принципов справедливости, соразмерности и равенства (преамбула, ст.ст. 1, 19 и 55 Конституции Российской Федерации), которые должны соблюдаться при привлечении лиц к любым видам ответственности, включая дисциплинарную. Кроме того, оказывалась бы невозможной эффективная судебная проверка решений о наложении на военнослужащих дисциплинарных взысканий и, следовательно, существенно снижался бы уровень конституционной гарантии судебной защиты (ст. 46, чч. 1 и 2, Конституции Российской Федерации), что недопустимо.

Каких-либо доказательств, подтверждающих факт того, что в ходе проведенного в письменной форме разбирательства в отношении проступка, допущенного заявителем, последнему была предоставлена возможность дать объяснения и представить доказательства его невиновности, в судебное заседание представлено не было, что является существенным нарушением прав Б.

При таких обстоятельствах суд пришел к правильному выводу, что при привлечении Б. к дисциплинарной ответственности командиром воинской части был нарушен установленный порядок процедуры привлечения к дисциплинарной ответственности заявителя, а поэтому его требования о признании незаконным приказа командира воинской части от 30 апреля 2013 г. о наложении дисциплинарного взыскания являются обоснованными и подлежат удовлетворению.

Принятию командиром (начальником) решения о применении к подчиненному военнослужащему дисциплинарного взыскания предшествует разбирательство. При этом военнослужащий, назначенный для проведения разбирательства, должен иметь воинское звание и воинскую должность не ниже воинского звания и воинской должности военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок

Капитан Р. обратился в Омский гарнизонный военный суд с заявлением, в котором указал, что командир воинской части применил к нему 23 декабря 2014 г. дисциплинарное взыскание в виде строгого выговора за отсутствие на службе более четырех часов без уважительных причин.

Полагая, что данным решением нарушены его права, Р. просил суд признать его незаконным и обязать указанное должностное лицо отменить примененное к нему взыскание.

В судебном заседании Р. заявленные требования поддержал и пояснил, что он проходит военную службу в должности начальника техническо-эксплуатационной части (звена) инженерно-авиационной службы. 23 декабря 2014 г. командир воинской части издал приказ о привлечении заявителя к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора за отсутствие на службе 20 декабря этого же года. Данный приказ Р. считает неправомерным, поскольку 20 декабря 2014 г. (суббота) являлся выходным днем и о привлечении его в этот день к проведению парково-хозяйственного дня ему известно не было, то есть в совершении проступка отсутствовала его вина. Вместе с тем, должностными лицами воинской части, проводившими по данному факту разбирательство, отсутствие его вины не проверялось.

Военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности только за тот дисциплинарный проступок, в отношении которого установлена его вина.

Статьями 54, 58, 67, 69, 81 и 83 ДУ ВС РФ, а также ст.ст. 11 и 12 УВС ВС РФ определено, что за совершенный военнослужащим дисциплинарный проступок установленной государством мерой ответственности является дисциплинарное взыскание, которое применяется в целях предупреждения совершения таких проступков. При этом к младшему офицеру командиром воинской части может быть применено дисциплинарное взыскание в виде строгого выговора.

Принятию командиром (начальником) решения о применении к подчиненному военнослужащему дисциплинарного взыскания предшествует разбирательство.

Разбирательство проводится в целях установления виновных лиц, выявления причин и условий, способствовавших совершению дисциплинарного проступка.

Разбирательство, как правило, проводится непосредственным командиром (начальником) военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, или другим лицом, назначенным одним из прямых командиров (начальников). При этом военнослужащий, назначенный для проведения разбирательства, должен иметь воинское звание и воинскую должность не ниже воинского звания и воинской должности военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок.

В ходе разбирательства должно быть установлено следующее:

– событие дисциплинарного проступка (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения);

- лицо, совершившее дисциплинарный проступок;
- вина военнослужащего в совершении дисциплинарного проступка, форма вины и мотивы совершения дисциплинарного проступка;
- данные, характеризующие личность военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок;
- наличие и характер вредных последствий дисциплинарного проступка;
- обстоятельства, исключющие дисциплинарную ответственность военнослужащего;
- обстоятельства, смягчающие дисциплинарную ответственность, и обстоятельства, отягчающие дисциплинарную ответственность.

Как усматривается из материалов служебного разбирательства по факту отсутствия капитана Р. в воинской части 20 декабря 2014 г., указанное разбирательство проводил инженер авиационного комплекса лейтенант С.

При этом к моменту окончания данного разбирательства в его материалах содержались лишь рапорт майора К. об отсутствии капитана Р. на службе 20 декабря 2014 г., объяснение капитана Сем. об отсутствии в этот день указанного военнослужащего в месте проживания и рапорт лейтенанта С. о том, что капитан Р. не прибыл в воинскую часть по причине отсутствия служебного транспорта, обеспечивающего доставку военнослужащих к месту службы, о чем данному офицеру стало известно из устных объяснений заявителя.

Помимо указанных объяснений, в материалах разбирательства содержатся объяснения военнослужащих об осуществлении перевозок 20 декабря 2014 г. служебным транспортом военнослужащих к месту службы. При этом данные объяснения датированы 30 марта 2015 г.

Из протокола о грубом дисциплинарном проступке от 23 декабря 2014 г., составленного лейтенантом С., следует, что капитан Р. 20 декабря 2014 г. отсутствовал на службе более четырех часов подряд без уважительных причин, чем совершил грубый дисциплинарный проступок.

Таким образом, в судебном заседании было установлено, что командир воинской части применил к капитану Р. дисциплинарное взыскание на основании разбирательства и протокола о грубом дисциплинарном проступке, которые выполнены военнослужащим, имеющим воинское звание ниже, чем заявитель, то есть не уполномоченным должностным лицом. Кроме того, не установлены упомянутые выше определенные ДУ ВС РФ обстоятельства, включая вину в совершении дисциплинарного проступка и причины его совершения. Об этом свидетельствует и тот факт, что ряд объяснений по факту отсутствия на службе Р. были отобраны от военнослужащих в гораздо поздние сроки, чем окончено разбирательство.

При таких обстоятельствах дела, учитывая, что командиром воинской части нарушен порядок применения к капитану Р. дисциплинарного взыскания, суд оспариваемое решение указанного должностного лица признал незаконным и нарушающим права заявителя.

Подполковник медицинской службы Л. оспорил в Рязанском гарнизонном военном суде действия должностного лица – начальника 753-го ЦОМТИ, связанные с привлечением заявителя к дисциплинарной ответственности.

Основанием для применения дисциплинарного взыскания, как указано в приказе, явился протокол о грубом дисциплинарном проступке от 24 октября 2014 г. Данный протокол, по мнению заявителя, являлся незаконным и подле-

жал отмене в связи с тем, что он противоречил ст. 81 ДУ ВС РФ, а именно: лицо, составившее протокол, имело воинское звание ниже, чем у лица, в отношении которого составлен протокол, что не соответствует требованиям Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ДУ ВС РФ.

Согласно выписке из приказа начальника 753-го ЦОМТИ от 24 октября 2014 г. Л. был предупрежден о неполном служебном соответствии – за неприятие, в пределах компетенции, необходимых мер по предупреждению и пресечению дисциплинарных проступков, совершенных его подчиненными, выразившихся в неисполнении своих должностных обязанностей работниками отдела.

Разбирательство, как правило, проводится непосредственным командиром (начальником) военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок, или другим лицом, назначенным одним из прямых командиров (начальников). При этом военнослужащий, назначенный для проведения разбирательства, должен иметь воинское звание и воинскую должность не ниже воинского звания и воинской должности военнослужащего, совершившего дисциплинарный проступок. Материалы разбирательства о грубом дисциплинарном проступке оформляются только в письменном виде.

Л. был привлечен к дисциплинарной ответственности за совершение грубого дисциплинарного проступка.

Вместе с тем, в ст. 28.5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» установлен перечень грубых дисциплинарных проступков. Перечень грубых дисциплинарных проступков является исчерпывающим и расширенному толкованию не подлежит.

Л. вменялось в вину совершение грубого дисциплинарного проступка – «неприятие, в пределах компетенции, мер по предупреждению и пресечению дисциплинарных проступков, совершенных его подчиненными, выразившихся в неисполнении своих должностных обязанностей работниками отдела» (в соответствии с приложением № 7 к ДУ ВС РФ).

Однако такой формулировки дисциплинарного проступка в перечне грубых дисциплинарных проступков нет.

При проведении разбирательства о грубом дисциплинарном проступке начальником 753-го ЦОМТИ было нарушено требование ст. 81 ДУ ВС РФ. Нарушение заключалось в том, что для проведения разбирательства был назначен офицер – капитан медицинской службы К., воинское звание которого ниже воинского звания подполковника медицинской службы Л., более того, К. относится к младшим офицерам, тогда как Л. по своему воинскому званию относится к старшим офицерам.

При таких обстоятельствах суд признал незаконным приказ начальника 753-го ЦОМТИ в части привлечения Л. к дисциплинарной ответственности.

В соответствии со ст. 81 ДУ ВС РФ разбирательство, как правило, проводится без оформления письменных материалов, за исключением случаев, когда командир (начальник) потребовал представить материалы разбирательства в письменном виде и при совершении военнослужащим грубых дисциплинарных проступков

Красноярский гарнизонный военный суд удовлетворил заявление начальника склада воинской части прапорщика П., в котором тот оспорил приказ о привлечении его к дисциплинарной ответственности.

Признавая оспоренный заявителем приказ незаконным, гарнизонный военный суд свои выводы мотивировал тем, что воинскими должностными лицами нарушена процедура привлечения П. к дисциплинарной ответственности. По мнению суда, командованием не проводилось всестороннее исследование всех обстоятельств совершения дисциплинарного проступка, кроме того, было нарушено право заявителя дать объяснения и представить доказательства, а также ознакомиться по окончании разбирательства со всеми его материалами.

При рассмотрении дела в апелляционном порядке окружной военный суд обоснованно указал, что судом первой инстанции при проверке законности оспариваемого приказа не учтены положения законодательства, регулирующего привлечение военнослужащих к дисциплинарной ответственности, и фактические обстоятельства, имеющие значение для дела.

Согласно пп. 2 и 6 ст. 28.2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащий привлекается к дисциплинарной ответственности только за тот дисциплинарный проступок, в отношении которого установлена его вина, что подлежит доказыванию в порядке, установленном данным Федеральным законом и другими федеральными законами, и установлено решением командира или вступившим в законную силу постановлением судьи военного суда.

Проведение разбирательства при привлечении военнослужащего к дисциплинарной ответственности в силу требований п. 1 ст. 28.8 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ст. 81 ДУ ВС РФ является обязательным.

В то же время, согласно ст. 81 ДУ ВС РФ, разбирательство, как правило, проводится без оформления письменных материалов, за исключением случаев, когда командир (начальник) потребовал представить материалы разбирательства в письменном виде и при совершении военнослужащим грубых дисциплинарных проступков.

Таким образом, при отсутствии письменных материалов разбирательства суду следует проверять, установлен ли факт совершения военнослужащим дисциплинарного проступка и наличия его вины.

Так, из приказа командира воинской части от 29 ноября 2014 г. следует, что П. объявлен выговор за низкую боевую и мобилизационную готовность вверенного ему структурного подразделения по итогам проверки за летний период обучения 2014 г.

Согласно акту итоговой проверки склада состояния боевой и мобилизационной готовности склада оценено комиссией базы хранения на «неудовлетворительно» по результатам внезапной проверки склада 10 октября 2014 г.

О том, что состоянии боевой и мобилизационной готовности вверенного П. склада оценено комиссией на «неудовлетворительно» заявителю, согласно его объяснениям в судебном заседании, стало известно по окончании указанной выше проверки. Как пояснил П., в части не были отработаны документы мобилизационной готовности. Данные обстоятельства заявитель связывал с нехваткой времени и отсутствием штатных должностей офицеров, ответственных за боевую подготовку и мобилизационную готовность.

В соответствии со ст. 76 УВС ВС РФ командир (начальник) обязан поддерживать боевую и мобилизационную готовность вверенной воинской части (подразделения): разрабатывать планы мероприятий по поддержанию и совершенствованию боевой и мобилизационной готовности и добиваться их выполнения, своевременно вносить в планы необходимые изменения и уточнения.

Таким образом, невыполнение П. предусмотренной ст. 76 УВС ВС РФ обязанности по итогам работы комиссии было очевидным и не требовало оформления письменного разбирательства. Поэтому принятие командиром воинской части решения о привлечении П. к дисциплинарной ответственности за невыполнение обязанностей командира (начальника), предусмотренных ст. 76 УВС ВС РФ, после утверждения акта итоговой проверки склада является правомерным.

Прапорщик П. оспорил в Калужском гарнизонном военном суде действия заместителя командира части по работе с личным составом, связанные с привлечением к дисциплинарной ответственности.

Заместитель командира части по работе с личным составом полковник К. требования заявления не признал и просил отказать в их удовлетворении, при этом пояснил, что он неоднократно обращал внимание его подчиненного П. на недопустимое поведение как со старшими по званию, так и с гражданскими лицами. Когда К. объяснял П. недопустимость такого поведения, тот стал его перебивать, не давал высказаться до конца и говорил, что обратится в суд.

К. указал на нетактичное поведение П. со старшим по званию. П. проигнорировал это замечание, продолжив вести себя нетактично, и тогда К. объявил ему выговор.

Заслушав объяснения сторон и исследовав материалы дела, военный суд пришел к следующим выводам.

В соответствии с положениями ст. 19 УВС ВС РФ военнослужащий обязан уважать честь и достоинство других военнослужащих, выручать их из опасности, помогать им словом и делом, удерживать от недостойных поступков, не допускать в отношении себя и других военнослужащих грубости и издевательств, содействовать командирам (начальникам) и старшим в поддержании порядка и дисциплины. Он должен соблюдать правила воинской вежливости, поведения, выполнения воинского приветствия, ношения военной формы одежды и знаков различия. Обо всех случаях, которые могут повлиять на исполнение военнослужащим его обязанностей, а также о сделанных ему замечаниях он обязан докладывать своему непосредственному начальнику.

В ст. 67 УВС ВС РФ указано, что военнослужащие должны постоянно служить примером высокой культуры, скромности и выдержанности, свято блюсти воинскую честь, защищать свое достоинство и уважать достоинство других. Они должны помнить, что по их поведению судят не только о них, но и о Вооруженных Силах Российской Федерации в целом. Взаимоотношения между военнослужащими строятся на основе взаимного уважения. По вопросам военной службы они должны обращаться друг к другу на «Вы».

Также ст. 3 ДУ ВС РФ обязывает каждого военнослужащего поддерживать определенные общевоинскими уставами правила взаимоотношений между военнослужащими, крепить войсковое товарищество; оказывать уважение командирам (начальникам) и друг другу, соблюдать правила воинского приветствия и воинской вежливости; вести себя с достоинством в общественных местах, не допускать самому и удерживать других от недостойных поступков, содействовать защите чести и достоинства граждан.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что П. около 15 часов 9 июня 2015 г. был вызван в кабинет заместителя командира части по работе с личным составом, где полковником К. с заявителем проводилась беседа по во-

просам воинской вежливости и взаимоотношений между военнослужащими. В ходе беседы П. допускал нетактичное поведение со старшим по званию. К., действуя в соответствии со ст.ст. 8 и 52 ДУ ВС РФ, напомнил П. о его обязанностях и воинском долге, однако тот, нарушая требования ст.ст. 19 и 67 УВС ВС РФ и ст. 3 ДУ ВС РФ, продолжил вести себя нетактично. Видя, что П. правильных выводов не сделал, К., действуя в пределах предоставленных полномочий, в соответствии с положениями ст.ст. 91 и 92 ДУ ВС РФ применил взыскание – «выговор» и объявил П. его лично.

Несостоятельны доводы П. о том, что перед применением взыскания необходимо было проводить письменное разбирательство, поскольку такой порядок установлен только по фактам совершения грубого дисциплинарного проступка. Вместе с тем, предусмотренные ст. 81 ДУ ВС РФ обстоятельства были установлены К. перед применением дисциплинарного взыскания.

При таких обстоятельствах суд не установил нарушений в порядке применения к заявителю дисциплинарного взыскания.

§ 6. Процессуальные вопросы

Оставление судом без внимания того обстоятельства, что управление кадров военного округа в связи с характером спорного правоотношения подлежало привлечению к участию в деле наряду с командиром воинской части, повлекло отмену судебного постановления об отказе в пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения гарнизонного военного суда

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2016 г. № 207-КГ16-6 по заявлению Р. (извлечение)

Определением Борзинского гарнизонного военного суда от 13 февраля 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда от 28 мая 2015 г., представителю начальника управления кадров Восточного военного округа отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил отменить по вновь открывшимся обстоятельствам решение Борзинского гарнизонного военного суда от 4 апреля 2013 г. об удовлетворении заявления Р.

Названным решением возложена обязанность на командира воинской части по представлению заявителя к награждению медалями Министерства обороны Российской Федерации «За отличие в военной службе» I и II степени, а на министра обороны Российской Федерации – по изданию приказа о награждении заявителя указанными медалями.

В кассационной жалобе представитель начальника управления кадров Восточного военного округа, приводя утверждение о разрешении судом вопроса о правах и об обязанностях начальника управления кадров Восточного военного округа, не привлеченного к участию в деле, и о наличии существенных для дела обстоятельств, которые не были и не могли быть ему известны, просил об отмене определения Борзинского гарнизонного военного суда от 13 февраля 2015 г. и апелляционного определения Восточно-Сибирского окружного военного суда от 28 мая 2015 г.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Р. 1 августа 1990 г. поступил на военную службу и 17 июня 2010 г. уволен в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями, зачислен в распоряжение командира с оставлением в списках личного состава воинской части до обеспечения жилым помещением.

На основании представления командира воинской части от 29 сентября 2011 г. заявитель приказом министра обороны Российской Федерации от 22 февраля 2012 г. награжден медалью Министерства обороны Российской Федерации «За отличие в военной службе» III степени.

В мае 2012 г. командиром воинской части было подготовлено очередное представление о награждении заявителя медалью Министерства обороны Российской Федерации «За отличие в военной службе» I степени, сведений о поступлении которого в управление кадров Восточного военного округа в материалах дела не содержится.

Приказом министра обороны Российской Федерации от 30 ноября 2012 г. Р. зачислен в распоряжение командира другой воинской части.

В марте 2013 г. заявитель обратился в гарнизонный военный суд с заявлением, в котором просил обязать министра обороны Российской Федерации наградить его медалями «За отличие в военной службе» I и II степени.

В заявлении и в судебном заседании Р. пояснил, что, со слов командования воинской части, в которой он ранее проходил военную службу, документы о его награждении были направлены в вышестоящий штаб, откуда обратно не возвращались.

Удовлетворяя заявление, Борзинский гарнизонный военный суд исходил из того, что Р. соответствует необходимым критериям для награждения его медалями «За отличие в военной службе» I и II степени и что представления к награждению его медалями направлялись командиром воинской части в управление кадров Восточного военного округа, а его ненаграждение произошло вследствие бездействия и нераспорядительности воинских должностных лиц военного округа.

22 декабря 2014 г. представитель начальника управления кадров Восточного военного округа обратился в Борзинский гарнизонный военный суд с заявлением о пересмотре решения того же суда от 4 апреля 2013 г., указав, что названным решением разрешен вопрос о правах и обязанностях должностных лиц управления кадров Восточного военного округа.

Определением Борзинского гарнизонного военного суда от 13 февраля 2015 г. в удовлетворении заявления отказано.

В обоснование принятого решения суд указал, что начальник управления кадров Восточного военного округа лицом, участвующим в деле, не являлся и вопрос о его правах и обязанностях не разрешался, поскольку полномочиями для принятия решения по представлению к награждению медалями Министерства обороны Российской Федерации он не наделен. С принятым решением согласился суд апелляционной инстанции.

Однако такой вывод суда основан на неправильном применении норм процессуального права.

Согласно пп. 2 и 3 Положения о медали Министерства обороны Российской Федерации «За отличие в военной службе», утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 85, награждение каждой степенью медали «За отличие в военной службе» производится последователь-

но в порядке, установленном в Министерстве обороны Российской Федерации. Представления к награждению направляются в Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации.

Порядок работы кадровых органов Вооруженных Сил Российской Федерации на период возникновения спорных правоотношений был установлен приказом министра обороны Российской Федерации от 4 мая 2006 г. № 160дсп «Об утверждении Руководства по работе кадровых органов Вооруженных Сил Российской Федерации», согласно которому на управление кадров военного округа возложены подготовка документов и направление в Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации поступивших из воинских частей представлений к награждению военнослужащих медалями «За отличие в военной службе» после принятия командующим войсками военного округа соответствующего решения.

Аналогичные положения закреплены в действующем приказе министра обороны Российской Федерации № 180дсп-2015 г.

При таких данных управление кадров Восточного военного округа является лицом, от принятия решения которого зависело направление либо ненаправление в Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации представлений о награждении заявителя медалями «За отличие в военной службе», то есть лицом, которое в связи с характером спорного правоотношения подлежало привлечению к участию в деле наряду с командиром воинской части.

О том, что ненаграждение Р. медалями «За отличие в военной службе» I и II степени стало возможным ввиду бездействия и нераспорядительности воинских должностных лиц управления кадров Восточного военного округа, прямо указано и в решении суда.

Согласно п. 2 ч. 2, п. 1 ч. 3 ст. 392 ГПК РФ основаниями для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам являются существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю.

Такие же положения содержатся в п. 1 ч. 2 ст. 350 КФС РФ.

Из заявления представителя начальника управления кадров Восточного военного округа в суд о пересмотре решения Борзинского гарнизонного военного суда от 4 апреля 2013 г. по заявлению Р. по вновь открывшимся обстоятельствам усматривается, что о наличии указанного решения ему стало известно из материалов, поступивших в ноябре 2014 г. из Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации, после чего проведенной проверкой было установлено, что представления о награждении заявителя медалями «За отличие в военной службе» I и II степени в управление кадров военного округа из воинских частей, в которых проходил военную службу заявитель, не поступали.

С учетом того что в материалах дела отсутствуют доказательства, свидетельствующие о направлении воинскими частями представлений о награждении заявителя медалями «За отличие в военной службе» I и II степени, проверка судом заявления представителя воинского должностного лица имела существенное значение для дела.

Однако этого сделано не было, в результате чего вывод суда об отсутствии вновь открывшихся обстоятельств на материалах дела не основан.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела, без их устранения невозможна защита охраняемых законом публичных интересов, что в силу ст. 328 КАС РФ явилось основанием для отмены в кассационном порядке судебных постановлений по заявлению представителя начальника управления кадров Восточного военного округа и направления дела на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд.

Примечание: следует учитывать, что суд, принимая решение по заявлению, не вправе обязывать командование награждать или не награждать конкретных военнослужащих соответствующими наградами.

На Департамент жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации, наделенный организационно-распорядительными полномочиями в сфере жилищного обеспечения военнослужащих, в полной мере распространяются положения подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 мая 2016 г. № 208-КГ16-17 по заявлению Ч. (извлечение)

Определением судьи Биробиджанского гарнизонного военного суда от 26 июня 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 27 августа 2015 г., оставлена без движения в связи с неуплатой государственной пошлины апелляционная жалоба представителя начальника территориального отделения федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Востокрегионжилье») на решение Биробиджанского гарнизонного военного суда от 22 мая 2015 г. о частичном удовлетворении заявления Ч., в котором она просила признать незаконным решение начальника территориального отделения ФГКУ «Востокрегионжилье» о снятии ее и членов семьи с учета в качестве нуждающихся в жилом помещении.

В кассационной жалобе представитель должностного лица, указывая на наделение министром обороны Российской Федерации ФГКУ «Востокрегионжилье» полномочиями по жилищному обеспечению военнослужащих, что свидетельствует о фактическом выполнении учреждением функций органа государственной власти, который на основании подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ освобождается от уплаты государственной пошлины, просил обжалуемые судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы административного дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих жалобу удовлетворила.

В соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ от уплаты государственной пошлины освобождаются государственные органы, органы местного самоуправления, выступающие по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, в качестве истцов (административных истцов) или ответчиков (административных ответчиков). Аналогичные положения содержались в указанной норме закона в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений.

При вынесении обжалуемого определения судья указал, что положения названной статьи НК РФ на территориальное отделение ФГКУ «Востокрегион-

жилье» не распространяются, поскольку оно создано для разрешения вопросов жилищного обеспечения военнослужащих, в связи с чем основной вид его деятельности не связан с обороной и безопасностью государства.

Такой вывод на законе не основан.

В соответствии со Структурой федеральных органов исполнительной власти, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 мая 2012 г. № 636, Министерство обороны Российской Федерации является федеральным министерством и по этому основанию отнесено к органам государственной власти.

Положением о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, установлено, что Министерство обороны Российской Федерации является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, а также уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в сфере управления и распоряжения имуществом Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Министерству обороны Российской Федерации организаций.

Согласно п. 5 названного Положения Министерство обороны Российской Федерации осуществляет свою деятельность непосредственно и через органы управления военных округов, иные органы военного управления, территориальные органы (военные комиссариаты).

К центральному органу военного управления в силу Положения о Департаменте жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации, утвержденного министром обороны Российской Федерации 23 декабря 2010 г., отнесен Департамент жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации, который предназначен для обеспечения реализации прав на жилище военнослужащими, гражданами, уволенными с военной службы, и членами их семей.

Из изложенного следует, что Департамент жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации наделен министром обороны Российской Федерации организационно-распорядительными полномочиями в сфере жилищного обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей, то есть полномочиями, которыми наделено Министерство обороны Российской Федерации как орган государственной власти.

В свою очередь, в соответствии с пп. 1 и 2 приказа министра обороны Российской Федерации от 3 ноября 2010 г. № 1455 «Об уполномоченном органе Министерства обороны Российской Федерации и специализированных организациях Министерства обороны Российской Федерации по вопросам жилищного обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации» ФГКУ «Востокрегионжилье» является специализированной организацией Министерства обороны Российской Федерации, через которую Департамент жилищного обеспечения осуществляет свои функции по вопросам реализации в Вооруженных Силах Российской Федерации требований нормативных правовых актов по жилищному обеспечению военнослужащих.

Согласно п. 11 Устава, утвержденного 17 августа 2012 г., ФГКУ «Востокрегионжилье» находится в ведомственном подчинении Министерства обороны Российской Федерации и непосредственно подчиняется Департаменту жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации.

Таким образом, на ФГКУ «Востокрегионжилье», являющееся структурным подразделением Министерства обороны Российской Федерации и действующее в рамках предоставленных этому государственному органу полномочий, в полной мере распространяются положения подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, а материалы судебного производства направила в гарнизонный военный суд для выполнения требований ст. 302 КАС РФ.

Наделение Центральной жилищной комиссии ФСО России полномочиями органа государственной власти в области реализации прав военнослужащих на обеспечение их жилыми помещениями указывает на то, что на нее распространяются льготы при обращении в суды общей юрисдикции, связанные с освобождением от уплаты государственной пошлины

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2015 г. № 207-КГ15-6 по заявлению О. (извлечение)

Определением Читинского гарнизонного военного суда от 29 января 2015 г., оставленным без изменения апелляционным определением Восточно-Сибирского окружного военного суда от 7 апреля 2015 г., оставлена без движения в связи с неуплатой государственной пошлины апелляционная жалоба представителя Центральной жилищной комиссии ФСО России на решение Читинского гарнизонного военного суда от 30 декабря 2014 г. об удовлетворении заявления О., в котором он просил признать незаконным решение Центральной жилищной комиссии ФСО России об отказе в принятии его с членами семьи на учет в качестве нуждающегося в жилом помещении.

В кассационной жалобе представитель Центральной жилищной комиссии ФСО России, указывая на наделение директором ФСО России Центральной жилищной комиссии полномочиями по признанию военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях, что свидетельствует о приравнивании названной комиссии к государственным органам, которые, на основании подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ, освобождаются от уплаты государственной пошлины, просил обжалуемые судебные постановления отменить.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

В соответствии с подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ от уплаты государственной пошлины освобождаются государственные органы, органы местного самоуправления, выступающие по делам, рассматриваемым Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции, мировыми судьями, в качестве истцов (административных истцов) или ответчиков (административных ответчиков). Аналогичная норма содержалась в приведенной норме закона в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений.

При вынесении обжалуемого определения судья указал, что положения названной статьи НК РФ на Центральную жилищную комиссию ФСО России не распространяются, в связи с чем при подаче кассационной жалобы представителем жилищной комиссии должна быть уплачена государственная пошлина.

Между тем судьей оставлено без внимания то, что решение Центральной жилищной комиссии в отношении заявителя было принято в соответствии с полномочиями, предоставленными ей директором ФСО России в Инструкции о порядке обеспечения жилыми помещениями в ФСО России, утвержденной приказом ФСО России от 13 ноября 2002 г. № 362 (далее – Инструкция), и в Положении о жилищных комиссиях федеральных органов государственной охраны, утвержденном приказом ФСО России от 24 июня 2010 г. № 307 (далее – Положение).

Согласно пп. 2, 4 и 5 Положения Центральная жилищная комиссия ФСО России образуется приказом ФСО России в целях рассмотрения жилищных вопросов военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и лиц гражданского персонала федеральных органов государственной охраны, принятия решений о предоставлении им жилых помещений и о принятии их на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

Аналогичные положения содержатся в Инструкции, которая определяет порядок ведения в ФСО России учета военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, и гражданского персонала ФСО России, нуждающихся в улучшении жилищных условий, распределения жилых помещений, а также принятия решений по жилищным вопросам.

Из изложенного следует, что Центральная жилищная комиссия наделена директором ФСО России организационно-распорядительными полномочиями в области реализации прав военнослужащих органов государственной охраны на обеспечение их жилыми помещениями, носящими в отношении их обязательный характер, то есть полномочиями, которыми наделена Федеральная служба охраны Российской Федерации как орган государственной власти в соответствии с п. 1 ст. 12 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране», подп. 68 п. 12 и подп. 41 п. 16 Положения о Федеральной службе охраны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 г. № 1013.

Таким образом, на Центральную жилищную комиссию ФСО России, действующую на основании полномочий ФСО России, в полной мере распространяются положения подп. 19 п. 1 ст. 333.36 НК РФ.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные постановления и направила материалы судебного производства в Читинский гарнизонный военный суд для выполнения требований процессуального закона.

Отказ от иска является правом, а не обязанностью истца, в связи с чем возмещение судебных расходов истцу при указанных обстоятельствах не может быть поставлено в зависимость от заявления им отказа от иска

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2016 г. № 205-КГ15-43 по заявлению Г. (извлечение)

Решением Волгоградского гарнизонного военного суда от 16 октября 2014 г. Г. отказано в удовлетворении заявления ввиду добровольного удовлетворения начальником федерального государственного казенного учреждения «Южное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее – ФГКУ «Югрегионжилье») требований об отме-

не решения жилищного органа о снятии заявителя с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма.

Определением Волгоградского гарнизонного военного суда от 24 декабря 2014 г. частично удовлетворено заявление Г. о взыскании в ее пользу с федерального казенного учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Ростовской области» судебных расходов, понесенных в связи с рассмотрением данного дела.

В пользу заявителя судом взыскано 7 140 руб., а во взыскании средств, затраченных на получение выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, отказано ввиду того, что эти затраты к издержкам, связанным с рассмотрением дела, не относятся.

Апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 22 апреля 2015 г. определение отменено, вопрос разрешен по существу с принятием решения об отказе Г. в удовлетворении заявления.

В кассационной жалобе Г., указывая на неправомерный отказ суда апелляционной инстанции взыскать в ее пользу судебные расходы и необоснованное уменьшение судом первой инстанции подлежащей взысканию суммы издержек, связанных с рассмотрением дела, просила судебные постановления отменить, принять по делу новое решение – об удовлетворении заявления.

Рассмотрев материалы дела и обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к следующим выводам.

Из материалов дела следует, что решением начальника ФГКУ «Югрегионжилль» от 25 августа 2014 г. Г. снята с учета нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма.

Не согласившись с указанным решением, заявитель оспорила его в судебном порядке, однако в судебное заседание начальник ФГКУ «Югрегионжилль» представил другое решение – от 2 октября 2014 г. – об отмене оспариваемого решения от 25 августа 2014 г., что явилось основанием для отказа судом первой инстанции в удовлетворении заявления.

После этого Г. обратилась в суд с заявлением о возмещении судебных расходов, которые состояли, в частности, из оплаты получения выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним – 1 500 руб.

Частично удовлетворяя заявление, суд первой инстанции в обоснование указал, что оспариваемое решение жилищного органа добровольно отменено должностным лицом после обращения заявителя в суд, в связи с чем понесенные заявителем расходы, указанные в ст. 94 ГПК РФ, подлежат возмещению в разумных пределах.

Отменяя определение и отказывая в удовлетворении заявления, окружной военный суд пришел к выводу о том, что с учетом отсутствия отказа представителя Г. от заявления после добровольного восстановления заинтересованным лицом прав заявителя у суда не имелось предусмотренных законом оснований для взыскания в ее пользу судебных расходов.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном истолковании закона.

Согласно ч. 1 ст. 101 ГПК РФ в случае, если истец не поддерживает свои требования вследствие добровольного удовлетворения их ответчиком после предъявления иска, все понесенные истцом по делу судебные расходы, в том числе расходы на оплату услуг представителя, по просьбе истца взыскиваются с ответчика.

Содержание названных норм указывает на то, что отказ от иска является правом, а не обязанностью истца, в связи с чем возмещение судебных расходов истцу при указанных обстоятельствах не может быть поставлено в зависимость от заявления им отказа от иска.

Из изложенного следует, что в случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком после обращения истца в суд и принятия судебного решения по такому делу судебные расходы также подлежат взысканию с ответчика.

При таких данных вывод суда первой инстанции о праве Г. на возмещение судебных расходов является правильным, в связи с чем апелляционное определение подлежит отмене.

При определении размера судебных расходов суд первой инстанции правомерно исходил из того, что услуги представителя подлежат оплате в разумных пределах, расходы представителя заявителя по проезду в суд для устранения недостатков заявления, выявленных судьей при его принятии к производству суда, возмещению не подлежат.

Вместе с тем, отказывая Г. в отнесении к издержкам, связанным с рассмотрением дела, расходов на получение выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним, суд не учел, что представление в суд этой выписки было обусловлено требованиями ст. 132 ГПК РФ о приложении к заявлению документов, подтверждающих обстоятельства, на которых заявитель основывает свои требования, в данном случае – отсутствие в ее собственности жилых помещений, что является одним из оснований для постановки гражданина на жилищный учет.

При таких данных расходы на получение заявителем выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним следует признать необходимыми, которые, в соответствии со ст. 94 ГПК РФ, относятся к издержкам, связанным с рассмотрением дела.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 22 апреля 2015 г. по делу по заявлению Г. и изменила определение Волгоградского гарнизонного военного суда от 24 декабря 2014 г., увеличив размер судебных расходов в пользу Г. на 1 500 руб.

Подсудность дел военным судам определяется исходя из субъектного состава лиц, участвующих в деле, а также характера спорных правоотношений

Определением судьи Владивостокского гарнизонного военного суда заявление Г. об оспаривании действий командира воинской части, связанных с невыдачей справки о неиспользованных воинских перевозочных документах, возвращено заявителю в связи с неподсудностью дела военному суду. Этим же определением заявителю разъяснено его право обратиться с заявлением в районный суд по месту нахождения должностного лица.

Флотский военный суд определение судьи отменил в связи с неправильным применением норм процессуального права по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», ст. 25 ГПК РФ, ст. 18 КАС РФ военным судам, за исключением дел, отнесенных к подсудности Верховного Суда Российской Федерации, подсудны гражданские и административные дела о защите нарушен-

ных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений. Военным судам также подсудны дела по заявлениям лиц, уволенных с военной службы, если они оспаривают действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие их права, свободы и охраняемые законом интересы в период прохождения военной службы.

Таким образом, подсудность дел военным судам определяется исходя из субъектного состава (военнослужащий либо бывший военнослужащий и орган военного управления), а также характера правоотношений (отношения, возникающие в связи с прохождением военной службы).

Как усматривается из представленных материалов, Г. был исключен из списков личного состава воинской части на основании приказа командира части и на момент обращения с заявлением в гарнизонный суд военнослужащим не являлся. Вместе с тем, в заявлении Г. просил суд признать незаконным отказ указанного должностного лица в выдаче ему справки о неиспользованных воинских перевозочных документах, которая в соответствии с п. 70 Руководства по оформлению, использованию, хранению и обращению с воинскими перевозочными документами в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденного приказом министра обороны Российской Федерации от 6 июня 2001 г. № 200, подлежит выдаче воинскими частями военнослужащим, проходившим военную службу по контракту, не избравшим при увольнении с военной службы новое место жительства и в связи с этим зачисленным на учет в военном комиссариате по месту увольнения с военной службы.

Таким образом, оспариваемые Г. действия должностного лица хотя и имели место после увольнения его с военной службы, но неразрывно связаны с реализацией его прав, возникших при исключении из списков личного состава воинской части, то есть в период прохождения военной службы.

При таких обстоятельствах у суда первой инстанции не имелось оснований, предусмотренных законом, для возвращения заявления.

Лицо, допрошенное по административному делу в качестве свидетеля, не может быть представителем лиц, участвующих в этом деле

При рассмотрении административного дела об оспаривании Н. действий командования Севастопольским гарнизонным военным судом в качестве свидетеля был допрошен военнослужащий К.

После принятия судом решения административный ответчик выдал К. доверенность, на основании которой тот подал на решение суда апелляционную жалобу.

Между тем согласно положениям ст.ст. 48 и 55 КАС РФ свидетель относится к лицам, содействующим осуществлению правосудия по административному делу, и не может быть представителем лиц, участвующих в этом деле.

Поскольку доверенность на имя К. является ненадлежащей, апелляционная жалоба данного представителя как не соответствующая требованиям, предусмотренным ч. 2 ст. 299 КАС РФ, судом апелляционной инстанции оставлена без рассмотрения по существу.

Согласно гл. 10 КАС РФ возмещению подлежат только процессуальные издержки, являющиеся необходимыми и оправданными в связи с производством по делу

Решением Екатеринбургского гарнизонного военного суда отказано в удовлетворении заявления К., который оспорил действия командира воинской части, связанные с изданием приказа об исключении К. из списков личного состава воинской части без направления на военно-врачебную комиссию.

Административный ответчик обратился в суд с заявлением о взыскании с К. 50 207 руб. в счет компенсации судебных расходов, понесенных двумя его представителями в связи с рассмотрением дела.

Определением гарнизонного военного суда заявление командира воинской части удовлетворено.

Окружной военный суд изменил определение суда первой инстанции, поскольку в судебном заседании не была установлена необходимость и оправданность понесенных расходов.

При рассмотрении административного дела в суде участвовала представитель командира воинской части Ч., которая понесла расходы, связанные с перелетом из г. Саратова до г. Екатеринбурга и проживанием в период рассмотрения дела.

Второй представитель административного ответчика Кор. участия в суде не принимал, доверенность от командира воинской части не представлял и каких-либо ходатайств о его участии в процессе никто не заявлял. В связи с этим определение суда о взыскании с К. денежных средств в сумме 24 825 руб., связанных с командировкой Кор., является необоснованным.

Кроме того, из документов, представленных административным ответчиком в обоснование понесенных расходов, усматривается, что Ч. не воспользовалась проездом из г. Саратова до г. Екатеринбурга прямым рейсом (прямые рейсы осуществляли авиаперевозчики в тот период времени с понедельника по субботу), а приобрела авиабилеты с пересадкой в г. Москве. Каких-либо документов, подтверждающих необходимость такого перелета, в том числе по причине отсутствия билетов на прямой рейс, в суд не представлено. При этом стоимость прямого рейса составляла 6 600 руб., а через Москву – 15 835 руб.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции изменил определение гарнизонного военного суда, отказав полностью в возмещении судебных расходов, связанных с участием в деле представителя Кор., а также снизил размер взысканной суммы за участие представителя Ч.

Глава 2

Вопросы судебной практики по уголовным делам

§ 1. Нарушения норм материального права

Суд должен учесть все редакции закона на момент принятия итогового судебного решения на соответствующей стадии судопроизводства

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 201-УД16-3 по уголовному делу в отношении Д. (извлечение)

По приговору Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. с учетом последующих изменений Д. признан виновным, в частности, в совершении в период с февраля 2007 г. по апрель 2008 г. развратных действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего шестнадцатилетнего возраста, и осужден по ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ) сроком на один год.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор и последующие судебные решения в отношении Д. изменила, указав в обоснование следующее.

Санкция ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ) предусматривала за совершение указанного преступления наказания в виде штрафа, ограничения свободы и в качестве наиболее строгого наказания – лишения свободы на срок до трех лет.

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 УК РФ внесены изменения, согласно которым преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное названным Кодексом, не превышает трех лет лишения свободы. Наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличииотячающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Д. ранее судим не был, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 135 УК РФ, совершил впервые, обстоятельство, отягчающее наказание, судом не установлено.

Таким образом, с учетом внесенных в ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 УК РФ изменений Д. считается совершившим преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), относящееся к категории небольшой тяжести, за которое ему не может быть назначено наказание в виде лишения свободы.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если после совершения преступления небольшой тяжести прошло два года.

С момента совершения Д. преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, и до момента постановления обвинительного приговора прошло более двух лет.

Московский окружной военный суд, пересматривая 19 марта 2014 г. приговор Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. в кассационном порядке, признал назначенное Д. наказание, в том числе за совершенное им преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ, соответствующим требованиям уголовного закона, однако такое судебное решение является ошибочным.

В соответствии со ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Если новый уголовный закон смягчает наказание за деяние, которое отбывается лицом, то это наказание подлежит сокращению в пределах, предусмотренных новым уголовным законом.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в постановлении от 20 апреля 2006 г. № 4-П, по буквальному смыслу ч. 1 ст. 10 УК РФ закон, улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу и подлежит применению в конкретном деле независимо от стадии судопроизводства, в которой должен решаться вопрос о применении этого закона, и независимо от того, в чем выражается такое улучшение – в отмене квалифицирующего признака преступления, снижении нижнего и (или) верхнего пределов санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, изменении в благоприятную для осужденного сторону правил его Общей части, касающихся назначения наказания, или в чем-либо ином.

Таким образом, правильное применение уголовного закона является обязанностью суда, который должен учесть все редакции закона на момент принятия итогового судебного решения на соответствующей стадии судопроизводства. Вследствие этого конституционно-правовое толкование ст. 10 УК РФ, предполагающее необходимость учета при отправлении правосудия всех изменений закона, распространяется на все стадии уголовного судопроизводства, включая кассационное (надзорное).

Исходя из изложенного при вынесении постановления от 19 марта 2014 г. президиум Московского окружного военного суда обязан был учесть внесенные в уголовный закон изменения, улучшающие положение осужденного, освободить Д. от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ), на основании п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ и привести приговор Одинцовского гарнизонного военного суда от 2 июня 2011 г. в соответствие с законом в порядке ст.ст. 396, 397 УПК РФ. Однако этого сделано не было.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по делам военнослужащих на основании ст. 10 и п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ в связи с изданием уголовного закона, имеющего обратную силу, а также истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности освободила Д. от наказания, назначенного по ст. 135 УК РФ (в редакции Федерального закона от 21 июля 2004 г. № 73-ФЗ).

Отсутствие доказанности умысла осужденного на хищение имущества у потерпевшего путем его обмана повлекло отмену приговора в указанной части

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 марта 2016 г. № 201-АПУ16-4 по уголовному делу в отношении А. (извлечение)

А., наряду с другими преступлениями, признан виновным в мошенничестве с причинением значительного ущерба потерпевшему У. и осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ).

Рассмотрев дело, в частности, по апелляционным жалобам потерпевшего и его защитника, Судебная коллегия отменила приговор в указанной части по следующим основаниям.

Признавая А. виновным в мошенничестве, суд положил в основу приговора показания потерпевшего У., свидетелей, сведения, представленные в двух кредитных договорах, графиках платежей по данным договорам, протоколах выемки у А. листов бумаги с печатным текстом на арабском языке, содержащих, в частности, квитанцию о получении товара и иные сведения о различных предметах. По выводу суда указанные доказательства свидетельствуют о том, что А., войдя в доверие к У., убедил его в необходимости передачи ему денежных средств в размере 20 000 долл. США, что эквивалентно 630 610 руб., обманным путем присвоил эти денежные средства, распорядившись ими по своему усмотрению.

Между тем доводы апелляционных жалоб осужденного и защитника о том, что А. никаких мошеннических действий в отношении У. не совершал и его вина в совершении данного преступления не доказана, материалами уголовного дела не опровергнуты.

Потерпевший У. дал подробные и последовательные показания о том, что в 2011 г. он и А. по предложению последнего договорились организовать совместный бизнес в г. Казани по производству и продаже восточных сладостей с приобретением оборудования в Сирии. У. должен был внести на указанные цели 700 000 руб., а А. – 350 000 руб. Впоследствии в целях реализации договора они дважды летали в Сирию за счет средств А., где последний демонстрировал У. порядок производства восточных сладостей и организации соответствующего бизнеса. 14 апреля и 15 июля 2011 г. У. передал А. денежные средства в общей сумме 630 610 руб., в том числе для приобретения соответствующего производственного оборудования.

В сентябре 2011 г. со склада в Москве А. и У. были получены приобретенные А. в Сирии: большой казан, около 20 металлических подносов, станок по изготовлению сладкой нити, ручной пресс кустарного производства, металлическая горелка, с помощью которых, а также дополнительно приобретенного потерпевшим У. за 50 000 руб. оборудования было организовано предприятие по производству и реализации восточных сладостей, зарегистрированное на У. Кроме того, силами А. был обеспечен проезд в г. Казань трех поваров из Сирии, которые в период примерно с ноября 2011 г. по январь 2012 г. работали на созданном предприятии. При этом первое время, около одного месяца, повара проживали в квартире у А. и питались за счет его средств.

Отец и отчим потерпевшего, допрошенные в качестве свидетелей, подтвердили показания потерпевшего об изложенных обстоятельствах и, кроме того, показали, что с использованием банковских кредитов они оказали финансовую

помощь У. по приобретению через А. в Сирийской Республике оборудования для изготовления восточных сладостей.

А. в отношении обстоятельств договора с У. по поводу организации совместного предприятия, выездов в Сирию для ознакомления У. с производственным процессом, приобретения и доставки станков и иного оборудования в г. Казань, организации и обеспечения прибытия трех поваров из Сирии и их работы на созданном предприятии дал показания, в основном соответствующие показаниям потерпевшего.

Таким образом, судебным следствием установлены реальные действия А. по исполнению договора с У. о создании совместного предприятия по изготовлению и реализации восточных сладостей.

Данные действия выразились в обеспечении двух выездов потерпевшего У. в Сирию для ознакомления его с организацией производственного процесса по изготовлению восточных сладостей, в обеспечении поставки из Сирии в Россию определенного производственного оборудования, использовавшегося потерпевшим в предпринимательской деятельности, в организации и обеспечении приезда в г. Казань трех поваров из Сирии и работе их на созданном У. и А. предприятии.

Названные обстоятельства не свидетельствуют о доказанности умысла А. на хищение имущества у потерпевшего У. путем его обмана. Доказательства, положенные в основу приговора, также не подтверждают и факт незаконного изъятия А. у потерпевшего У. денежных средств.

На основании изложенного Судебная коллегия приговор в части осуждения А. по ч. 3 ст. 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) в отношении потерпевшего У. отменила по основаниям, предусмотренным ст.ст. 389.15 и 389.16 УПК РФ, а уголовное преследование прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления с признанием права на реабилитацию в порядке, предусмотренном гл. 18 УПК РФ.

Виновность лица, а значит, и состав халатности исключаются, если в совершенном деянии отсутствует признак недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностям по должности

Приговором Псковского гарнизонного военного суда преподаватель кафедры вооружения и стрельбы Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища майор Ф. осужден по ч. 3 ст. 293 УК РФ к лишению свободы на срок 5 лет 2 месяца в колонии-поселении, с лишением права занимать определенные должности на 2 года.

Ф. был признан виновным в ненадлежащем исполнении им как должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного отношения к службе, повлекшем по неосторожности существенное нарушение прав и законных интересов граждан и смерть более двух лиц.

Согласно приговору данные преступные действия Ф. выразились в следующем.

В октябре 2013 г. курсанты указанного училища прибыли на полигон в Псковской области для проведения занятий с боевой стрельбой 100-мм снарядами. На Ф. командованием училища было возложено общее руководство курсантами и решение организационных вопросов.

В силу должностного положения, образования и практического опыта Ф. обладал знаниями нормативных и иных документов по использованию учеб-

но-материальной базы полигона, действиям войск, обеспечению безопасности на полигоне, об уровне подготовленности курсантов, порядке организации и проведения практических занятий с боевой стрельбой из орудий БМД-4М, обязан был ими руководствоваться. Известно ему было и о том, что полигон является объектом повышенной опасности ввиду возможного нахождения на нем неразорвавшихся во время прежних стрельб снарядов.

Однако Ф. самоустранился от выполнения возложенных на него обязанностей по осуществлению общего руководства курсантами, что привело к созданию условий наступления общественно опасных последствий для жизни и здоровья военнослужащих.

Так, после установки мишеней во время движения военнослужащих по дороге мишенного поля директрисы боевых машин полигона произошел подрыв 100-мм снаряда, находившегося на обочине дороги, в результате которого шестеро военнослужащих погибли, а еще двум курсантам был причинен средней тяжести вред здоровью.

Апелляционным определением окружного военного суда приговор был оставлен без изменения.

Проверив уголовное дело по кассационной жалобе осужденного Ф., президиум Ленинградского окружного военного суда приговор и апелляционное определение отменил по следующим основаниям.

Частью 3 ст. 293 УК РФ предусмотрена ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц.

В связи с изложенным суду надлежало установить, какие конкретно обязанности должностным лицом не исполнены либо исполнены ненадлежащим образом, имелась ли реальная возможность их исполнить, а также наличие причинной связи между противоправными действиями (бездействием) должностного лица и наступившими последствиями.

Однако по данному уголовному делу признаки объективной стороны состава преступления, вмененного в вину Ф., в приговоре были приведены неполно и некорректно, без учета его должностных полномочий на определенные действия, а также компетенции других должностных лиц на их совершение. Судом же апелляционной инстанции указанные противоречия не были устранены, надлежащая оценка доводам жалоб осужденного и защитника в этой части не дана.

Между тем судебным следствием установлено, что на Ф. была возложена обязанность по решению организационных вопросов и общему руководству курсантами при проведении занятий на базе полигона. Одновременно для руководства и обслуживания проведения стрельб с курсантами были назначены старший руководитель стрельбы и руководитель стрельбы на участке из числа офицеров батальона, которым было поручено непосредственное проведение занятий в соответствии с Курсом стрельб, обратив особое внимание на обеспечение безопасности.

Последствия для жизни и здоровья потерпевших наступили в результате подрыва 100-мм снаряда, находившегося около дороги на территории директрисы боевых машин и не отмеченного, вопреки требованиям нормативных актов и руководящих документов.

Ф. обязанностей проверять территорию директрисы боевых машин на предмет наличия неразорвавшихся боеприпасов, фиксировать их на местности и определять безопасные зоны передвижения не имел, указаний курсантам на выдвижение в поле директрисы для установки мишени не давал. В день проведения занятий Ф. решал организационные вопросы, связанные с обеспечением курсантов продуктами, и потому не предполагал возможности наступления названных общественно опасных последствий.

Бездействие, вмененное в вину Ф., выразившееся в самоустранении от осуществления общего руководства курсантами при нахождении с ними других командиров, в прямой причинной связи с наступившими последствиями не состоит, поскольку непосредственное руководство и проведение мероприятия по подготовке к занятиям, обеспечение безопасности возлагалось на иных должностных лиц.

Таким образом, в действиях Ф., за совершение которых он был осужден, признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 293 УК РФ, не содержалось.

Нарушение уголовного закона, допущенное гарнизонным военным судом, которое не было исправлено судом апелляционной инстанции, президиумом окружного военного суда признано существенным, повлиявшим на исход дела.

С учетом изложенного приговор и апелляционное определение в отношении Ф. отменены, а уголовное дело в части его обвинения прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, за отсутствием в деянии состава преступления, с признанием права на реабилитацию.

Согласно примечанию к ст. 222 УК РФ не может признаваться добровольной сдачей предметов, указанных в данной статье, их изъятие при задержании, а также при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию

Постановлением судьи Псковского гарнизонного военного суда прекращено уголовное преследование Ж. в соответствии с примечанием к ст. 222 УК РФ.

Рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению прокурора, суд второй инстанции принял решение об отмене постановления гарнизонного суда, исходя из следующего.

Согласно обвинительному заключению Ж., находясь в служебной командировке в Ростовской области, на месте тактико-специальной подготовки обнаружил два минных детонатора, присвоил их и перевез эти взрывные устройства в г. Псков, где хранил в своей квартире до выдачи 10 июня 2015 г. в ходе оперативно-розыскного мероприятия.

Суд апелляционной инстанции нашел ошибочным освобождение Ж. от уголовной ответственности на основании примечания к ст. 222 УК РФ, поскольку выдача им минных детонаторов, хранившихся в квартире, не была добровольной и изъяты они были в ходе оперативно-розыскного мероприятия, проводившегося по судебному постановлению.

Приведенные недостатки при наличии препятствий для их устранения судом апелляционной инстанции повлекли за собой отмену вышеуказанного судебного решения и передачу уголовного дела в гарнизонный военный суд на новое судебное разбирательство.

Совершение ряда тождественных действий, таких как неоднократные требования передачи имущества или права на имущество, обращенные к одному или нескольким лицам, если эти требования объединены единым умыслом и направлены на завладение одним и тем же имуществом, составляют в своей совокупности единое преступление

Приговором Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда Б. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 163 УК РФ.

Как следует из приговора, Б., желая незаконно обогатиться за счет Х. и Ш., в телефонном разговоре с Ш. потребовал от него и Х. после получения денежного довольствия передать ему по 2 000 руб. При этом Б. высказал угрозу применить к Х. и Ш. насилие, если они не выполнят это его требование.

Воспринимая реально указанные угрозы и требования Б., после перечисления денежного довольствия потерпевшим Ш. и Х. на банковские карты они передали Б. свои банковские карты с их данными, а тот в этот же день в банке снял со счетов Х. и Ш. по 2 000 руб.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, сформулированной в результате осуществления конституционных полномочий по разъяснению судебной практики, от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое деяние, состоящее из ряда тождественных действий, таких как неоднократные требования передачи имущества или права на имущество, обращенные к одному или нескольким лицам, если эти требования объединены единым умыслом и направлены на завладение одним и тем же имуществом, которые составляют в своей совокупности единое преступление (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 мая 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве»).

Суд апелляционной инстанции установил, что в данном случае имело место одно продолжаемое посягательство, поскольку акты преступного деяния связаны между собой объективными обстоятельствами – местом, временем, способом совершения хищения, предметом посягательства.

Действия Б., квалифицированные судом первой инстанции как два самостоятельных факта вымогательства, носили однотипный характер, были направлены на получение чужого имущества – денег – в одном месте, в одно время и совершались в отношении одного и того же имущества потерпевших – денежных средств, подлежавших получению ими. Сведений о совершении этих действий каждый раз по вновь возникшему умыслу в суде не добыто, предметом оценки при вынесении приговора такие обстоятельства не являлись.

Апелляционным постановлением Дальневосточного окружного военного суда приговор Южно-Сахалинского гарнизонного военного суда изменен, а действия Б. с двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 163 УК РФ, переквалифицированы на одно преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 163 УК РФ.

Уголовное преследование лица прекращается при наличии в отношении его вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо решения судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению

Приговором Хабаровского гарнизонного военного суда Г-ов осужден за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116 УК РФ.

Осужденный признан виновным в нанесении потерпевшей Г-ой побоев и совершении иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 УК РФ.

Как видно из приговора, виновные действия выразились в том, что в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений, осужденный нанес Г-ой не менее трех ударов ногой по правому колену, дергал ее за волосы и прижимал ее к полу.

28 июля 2014 г. Г-ва обратилась в суд с заявлением о привлечении ее бывшего супруга Г-ва к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, при указанных выше обстоятельствах.

После проведения по уголовному делу судебно-медицинской экспертизы частный обвинитель Г-ва обратилась к суду с заявлением о прекращении уголовного дела в отношении подсудимого.

28 ноября 2014 г. гарнизонным военным судом по обвинению, изложенному Г-ой в своем заявлении от 28 июля 2014 г., было вынесено постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении Г-ва в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ.

Данное постановление суда вступило в законную силу.

12 января 2015 г. потерпевшей вновь было подано в суд заявление о привлечении Г-ва по тем же основаниям к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 115 УК РФ.

По результатам рассмотрения данного уголовного дела частного обвинения гарнизонный военный суд постановил в отношении Г-ва обвинительный приговор, в соответствии с которым изменил юридическую квалификацию действий последнего и признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ.

Однако в силу п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РФ уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению.

В соответствии с п. 1 ст. 254 УПК РФ суд прекращает уголовное дело в судебном заседании в случаях, если во время судебного разбирательства будут установлены обстоятельства, указанные в пп. 3 – 6 ч. 1, в ч. 2 ст. 24 и пп. 3 – 6 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Данные правовые нормы не допускают возможность повторного уголовного преследования лица, в отношении которого вынесено, в частности, сохраняющее свою силу решение о прекращении уголовного дела по тому же обвинению.

Каких-либо исключений из указанного правила, обусловленных особенностями тех или иных оснований прекращения уголовного преследования или отдельных стадий судопроизводства, на которых оно производилось, ни ст. 27 УПК РФ, ни другие нормы УПК РФ не содержат.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу, что при наличии сохраняющего свою силу постановления суда от 28 ноября 2014 г. о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении Г-ва по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 116 УК РФ, суд обязан был прекратить уголовное преследо-

вание и не вправе был выносить в отношении названного лица приговор по тому же обвинению.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда приговор Хабаровского гарнизонного военного суда в отношении Г-ва отменен и уголовное дело прекращено по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст.27 УПК РФ.

За Г-вым признано право на реабилитацию в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ.

§ 2. Ошибки, связанные с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела

Неправильная оценка судами установленных по делу обстоятельств повлекла необоснованное осуждение лица за уклонение от военной службы

По приговору Вологодского гарнизонного военного суда, оставленному без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда, военнослужащий контрактной службы младший сержант Б. был признан виновным в неявке в срок без уважительных причин на службу из отпуска продолжительностью свыше десяти суток, но не более одного месяца, и осужден на основании ч. 3 ст. 337 УК РФ к штрафу.

Постановлением заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председателя Судебной коллегии по делам военнослужащих по жалобе осужденного было возбуждено надзорное производство с передачей дела в президиум Ленинградского окружного военного суда.

Президиум Ленинградского окружного военного суда своим постановлением судебные решения в отношении Б. отменил, производство по уголовному делу прекратил за отсутствием в деянии состава преступления с признанием за Б. права на реабилитацию, приведя в обоснование следующие доводы.

По делу установлено, что Б., полностью выслуживший срок военной службы по призыву и заключивший контракт о прохождении военной службы сроком на три года, решил уволиться со службы, о чем 13 июля 2012 г. подал рапорт по команде. С 19 ноября по 23 декабря 2012 г. ему был предоставлен отпуск за 2012 г., из которого он должен был явиться в часть 24 декабря 2012 г.

21 декабря 2012 г., то есть до окончания срока отпуска, Б. приказом министра обороны Российской Федерации был досрочно уволен с военной службы в запас как не выдержавший испытание (подп. «е» п. 2 ст. 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»). С 31 января 2013 г. Б. на основании того же приказа подлежал исключению из списков личного состава воинской части.

Конституционный долг по защите Отечества граждане вправе исполнять путем добровольного поступления на военную службу. Такие граждане проходят военную службу в добровольном порядке (по контракту) в соответствии с положениями Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и других нормативных правовых актов.

Признавая Б. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 337 УК РФ, суд в приговоре указал, что он уклонился от исполнения обязанностей по военной службе в период с 25 декабря 2012 г. по 9 января 2013 г.

При этом суд не учел, что в соответствии с ч. 1 ст. 331 УК РФ к преступлениям против военной службы могут относиться только деяния, посягающие на установленный порядок прохождения военной службы.

Поскольку Б. должен был явиться в часть не для прохождения военной службы, откуда он уже был уволен, а только для производства с ним расчетов и исключения из списков личного состава части, то совершенное им деяние содержало признаки состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 337 УК РФ, лишь формально, и в силу ч. 2 ст. 14 УК РФ общественной опасности для охраняемых уголовным законом интересов военной службы не представляло.

Однако положения ч. 2 ст. 14 УК РФ в данном деле судами первой и апелляционной инстанций применены не были, что повлекло необоснованное осуждение Б.

Неправильная оценка судом фактических обстоятельств совершенного уклонения от военной службы повлекла переквалификацию содеянного осужденным

По приговору Магнитогорского гарнизонного военного суда военнослужащий, проходивший военную службу по контракту, рядовой Ю. был признан виновным в дезертирстве в период с 27 октября 2009 г. по 27 марта 2015 г. и осужден по ч. 1 ст. 338 УК РФ к лишению свободы на срок 1 год 6 месяцев в исправительной колонии общего режима.

Окружной военный суд изменил данный приговор, указав в апелляционном определении следующее.

Суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о доказанности вины Ю. в неявке 27 октября 2009 г. без уважительных причин в установленный срок к месту службы при обстоятельствах, указанных в приговоре.

Однако, правильно установив данные обстоятельства, суд неправомерно вменил в вину Ю. период уклонения с 10 марта 2010 г. по 27 марта 2015 г., а также ошибочно квалифицировал его действия по ч. 1 ст. 338 УК РФ.

Так, из материалов дела следует, что Ю., чей контракт о прохождении военной службы заканчивался 13 марта 2010 г., добровольно прервал свое незаконное нахождение вне части и обратился с заявлением о содеянном в военный комиссариат 10 марта 2010 г. На следующий день он на основании предписания военного коменданта установленным порядком был прикомандирован к одной из воинских частей, после чего в связи с окончанием срока контракта о прохождении военной службы с введом командования проживал дома по месту официальной регистрации, ожидая распоряжений о дальнейшей военной службе, и от органов военного управления не скрывался. С декабря 2014 г. по день задержания 27 марта 2015 г. Ю. продолжал проживать дома и работать с разрешения сотрудников правоохранительных органов.

С учетом указанных обстоятельств пребывание Ю. в период с 10 марта 2010 г. по 27 марта 2015 г. вне военной службы уклонением от ее прохождения не является, этот период вменен осужденному необоснованно и подлежал исключению из приговора.

Кроме того, исследованными доказательствами установлено, что намерений вовсе уклониться от прохождения военной службы при неявке на нее продолжительностью более одного месяца Ю. не имел, в связи с чем по прибытии домой 10 марта 2010 г. добровольно обратился в военный комиссариат.

Суд апелляционной инстанции расценил содеянное Ю. как неявку в срок без уважительных причин на службу продолжительностью свыше одного месяца,

переквалифицировав его преступные действия с ч. 1 ст. 338 УК РФ на ч. 4 ст. 337 УК РФ.

В связи с изложенным суд смягчил назначенное Ю. наказание, применил к нему условное осуждение и освободил от назначенного наказания со снятием судимости на основании акта амнистии от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов».

§ 3. Ошибки в квалификации преступлений

При квалификации действий виновного лица по ч. 3 ст. 160 УК РФ в случае хищения им чужого имущества путем растраты с использованием своего служебного положения корыстный мотив может заключаться не только в собственном обогащении, но и в обогащении других лиц

Летом 2011 г. временно исполняющим обязанности начальника ФБУ «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Мурманской области» (далее – УФО по МО) Д. были изданы два приказа о выплате дополнительного материального стимулирования, предусмотренного приказом министра обороны Российской Федерации от 26 июля 2010 г. № 1010, шести военнослужащим в общей сумме более 560 тыс. руб.

Во исполнение изданных приказов военнослужащим были начислены и перечислены на личные банковские счета денежные средства в общей сумме более 560 тыс. руб.

Поскольку указанные военнослужащие, состоявшие в распоряжении командиров войсковых частей 00000 и 00000-В, в подчинении у Д. не находились, к УФО по МО надлежащими должностными лицами прикомандированы не были, к временному исполнению вакантных должностей гражданского персонала в УФО по МО не допускались и не могли быть допущены и соответственно на их материальное поощрение Д. полномочиями не обладал, органами предварительного следствия Д. обвинялся в совершении двух хищений чужого имущества, вверенного ему как должностному лицу, в форме растраты с использованием своего служебного положения. При этом одно из этих хищений совершено в крупном размере, что квалифицировалось органами предварительного следствия в обоих случаях по ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Однако Мурманский гарнизонный военный суд, рассмотрев уголовное дело, признал Д. виновным в совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий, повлекших существенное нарушение охраняемых законом интересов государства, и переквалифицировал содеянное им по каждому из инкриминируемых эпизодов на ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Кроме того, изменив категорию совершенных преступлений на менее тяжкую, суд назначил Д. наказание в виде штрафа и освободил его от назначенного наказания в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Принимая решение о переквалификации действий Д., суд исходил из того, что указанные выше приказы были изданы виновным не с корыстной целью, а с целью поощрения военнослужащих за добросовестное исполнение ими обязанностей по вакантным должностям гражданского персонала в УФО по МО, к назначению на которые они планировались после увольнения с военной служ-

бы. Суд также принял во внимание то, что по делу не установлен факт передачи военнослужащими денежных сумм Д., а потому в его действиях отсутствует корыстный мотив.

Однако квалификация судом действий Д. по ч. 1 ст. 286 УК РФ является ошибочной.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 19 постановления Пленума от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем передачи другим лицам.

В соответствии с требованиями Порядка дополнительного материального стимулирования и иных нормативных правовых актов Министерства обороны Российской Федерации расходы на дополнительное материальное стимулирование осуществляются за счет экономии бюджетных средств в результате сокращения численности личного состава Вооруженных Сил Российской Федерации и указанные средства выплачиваются тем военнослужащим, которые исполняют свои должностные обязанности. При этом только соответствующим должностным лицом, в подчинении которого находятся эти военнослужащие, может быть принято решение об их дополнительном стимулировании.

Поскольку военнослужащие, состоявшие в распоряжении командиров войсковых частей 00000 и 00000-В, в подчинении у Д. не находились, к УФО по МО надлежащими должностными лицами прикомандированы не были, к временному исполнению вакантных должностей гражданского персонала в УФО по МО не допускались и не могли быть допущены, суд апелляционной инстанции пришел к правильному выводу, что должностными полномочиями на привлечение названных лиц к исполнению каких-либо служебных обязанностей и соответственно на их материальное поощрение Д. не обладал, а потому превысить указанные должностные полномочия не мог.

Незаконно выплатив дополнительное материальное стимулирование находящимся в распоряжении иных воинских должностных лиц военнослужащим, на которых не были возложены обязанности по воинским должностям и которые, как следствие, не имели права получать указанные денежные средства, Д. причинил ущерб Министерству обороны Российской Федерации, так как денежные средства в установленных суммах выбыли из правомерного владения собственника.

Корыстный мотив при растрате может заключаться не только в собственном обогащении исполнителя преступления, но и в обогащении других лиц, что и было достоверно установлено по обоим преступлениям в отношении Д.

Кроме того, согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 17 постановления Пленума от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его безвозмездное изъятие в пользу третьих лиц, содеянное полностью охватывается ч. 3 ст. 159 УК РФ или ч. 3 ст. 160 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 285 либо ст. 286 УК РФ не требует.

С учетом изложенного оснований для переквалификации содеянного Д. с ч. 3 ст. 160 УК РФ на ч. 1 ст. 286 УК РФ не имелось.

Суд апелляционной инстанции удовлетворил апелляционное представление военного прокурора и изменил приговор Мурманского гарнизонного военного суда, переквалифицировав действия Д. по каждому из совершенных им преступлений с ч. 1 ст. 286 УК РФ на ч. 3 ст. 160 УК РФ.

По совокупности двух преступлений окончательное наказание Д. суд определил в виде лишения свободы.

§ 4. Ошибки, связанные с назначением наказания

Ограничение свободы не назначается военнослужащим

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 2 июня 2016 г. № 205-АПУ16-13 по уголовному делу в отношении П. и др. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 2 сентября 2015 г. военнослужащий П. и другие граждане (всего 6 человек) признаны виновными в участии в преступном сообществе (преступной организации) и в устойчивой вооруженной банде, а также в ряде других преступлений.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам защитников осужденных, Судебная коллегия по делам военнослужащих исключила из приговора указание о назначении П. дополнительного наказания в виде ограничения свободы по ч. 2 ст. 210, ч. 2 ст. 209, пп. «а», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по совокупности преступлений, поскольку в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы не назначается военнослужащим.

При назначении наказания в соответствии с положениями ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 205-АПУ16-7 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 2 ноября 2015 г. М. осужден к лишению свободы по ч. 2 ст. 212 УК РФ сроком на 4 года; по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) сроком на 3 года без ограничения свободы; по ст. 205.3 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) сроком на 7 лет; по ч. 2 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) сроком на 5 лет без ограничения свободы; по ч. 1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) сроком на 2 года без штрафа.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание назначено М. в виде лишения свободы сроком на 17 лет в исправительной колонии строгого режима.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия приговор изменила в связи с неправильным применением судом норм материального права при назначении М. окончательного наказания по

совокупности преступлений, а также при определении вида исправительного учреждения.

Суд первой инстанции, сославшись на ч. 3 ст. 69 УК РФ, назначил М. окончательное наказание путем частичного сложения наказаний, а именно лишение свободы на срок 17 лет в исправительной колонии строгого режима.

При этом суд не принял во внимание то, что в соответствии с положениями ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание в виде лишения свободы не может превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

Поскольку наиболее тяжким преступлением, за которое осужден М., является преступление, предусмотренное ст. 205.3 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ), и ее санкция предусматривает наказание от пяти до десяти лет лишения свободы, в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 69 УК РФ максимальное наказание, которое может быть назначено осужденному по совокупности преступлений, не должно превышать пятнадцати лет лишения свободы.

Кроме того, в силу п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, к категории которых относится осужденный М., отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях общего режима. Данное требование закона судом также нарушено.

В связи с изложенным Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила: смягчила наказание, назначенное М. на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

Нарушение судом уголовного закона повлекло назначение несправедливого наказания

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2015 г. № 201-АПУ15-13 по уголовному делу в отношении Л. и др. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 25 июня 2015 г. Л. осужден по ч. 1 ст. 282 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год, по ч. 4 ст. 150 УК РФ к лишению свободы сроком на 5 лет с ограничением свободы на 1 год с установлением указанных в приговоре ограничений и обязанностей. Окончательное наказание по совокупности преступлений ему назначено в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний в виде лишения свободы сроком на 5 лет 6 месяцев с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима с ограничением свободы на 1 год с установлением указанных в приговоре ограничений и обязанностей.

Рассмотрев дело, в частности, по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла приговор подлежащим изменению по следующим основаниям.

Исходя из положений ч. 1 ст. 53 УК РФ в приговоре осужденному должны быть установлены ограничения на изменение места жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения сво-

боды, и ограничение на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования, а также на него должна быть возложена обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации.

Однако суд в нарушение ч. 1 ст. 53 УК РФ при назначении Л. ограничения свободы в качестве дополнительного наказания по ч. 4 ст. 150 УК РФ, по совокупности преступлений и окончательного наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ не установил ограничение – не изменять места жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Кроме того, судом не соблюдены правила назначения окончательного наказания Л., предусмотренные ч. 5 ст. 69 УК РФ.

Сославшись в приговоре на назначение Л. наказания по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний, назначенных по данному приговору и по приговору Октябрьского районного суда г. Барнаула от 11 июня 2014 г., суд фактически эти правила не применил, поскольку и по ч. 3 ст. 69 УК РФ, и по ч. 5 ст. 69 УК РФ определил осужденному одинаковое основное наказание в виде 5 лет 6 месяцев лишения свободы, хотя при назначении наказания в соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ окончательное наказание в данном случае должно быть более строгим, нежели наказание, назначенное за любое из преступлений, входящих в совокупность.

Суд также допустил нарушение требований ст. 71 УК РФ, когда принял решение о самостоятельном исполнении ограничения свободы, назначенного в качестве основного наказания по приговору Октябрьского районного суда г. Барнаула от 11 июня 2014 г., так как ограничение свободы как основное наказание не входит в перечень наказаний, которые исполняются самостоятельно, и при сложении ограничения свободы и лишения свободы одному дню лишения свободы соответствуют два дня ограничения свободы. Только в случае назначения ограничения свободы в качестве дополнительного наказания оно подлежит самостоятельному исполнению.

Ошибочно засчитал суд в срок назначенного Л. окончательного наказания период с 11 июня 2014 г. по 25 июня 2015 г. как отбытое им наказание в виде ограничения свободы, назначенное ему по приговору Октябрьского районного суда г. Барнаула от 11 июня 2014 г., поскольку согласно ч. 1 ст. 49 УИК РФ срок ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, исчисляется со дня постановки осужденного на учет уголовно-исполнительной инспекцией, куда Л. был поставлен с 3 июля 2014 г., а не с даты вынесения приговора.

Таким образом, на момент вынесения приговора по настоящему делу срок отбытого Л. наказания в виде ограничения свободы составил 11 месяцев 22 дня, поэтому в окончательное наказание в виде лишения свободы, назначенное ему по правилам ч. 5 ст. 69 УК РФ и с применением ч. 1 ст. 71 УК РФ, следовало зачесть 5 месяцев 26 дней лишения свободы.

Допущенные судом нарушения повлекли назначение Л. несправедливого вследствие чрезмерной мягкости наказания, поскольку на него не возложены обязательные по закону ограничения и не соблюдены правила назначения наказания, предусмотренные ч. 1 ст. 71 и ч. 5 ст. 69 УК РФ.

На основании изложенного Судебная коллегия определила приговор Московского окружного военного суда от 25 июня 2015 г. в отношении Л. изме-

нить: по ч. 4 ст. 150 УК РФ назначить Л. наказание в виде 5 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с установлением в соответствии с ч. 1 ст. 53 УК РФ следующих ограничений: не выезжать за пределы г. Барнаула Алтайского края, не изменять места жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, 4 раза в месяц для регистрации в установленные данным органом дни.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), ч. 4 ст. 150 УК РФ, путем частичного сложения наказаний назначить Л. наказание в виде 5 лет 6 месяцев лишения свободы с ограничением свободы на 1 год с установлением ограничений: не выезжать за пределы г. Барнаула Алтайского края, не изменять места жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, 4 раза в месяц для регистрации в установленные данным органом дни.

В соответствии с ч. 5 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний, назначенных по данному приговору и по приговору Октябрьского районного суда г. Барнаула от 11 июня 2014 г., окончательное наказание Л. назначить в виде лишения свободы сроком на 5 лет 10 месяцев в исправительной колонии общего режима с ограничением свободы на 1 год и установлением ограничений: не выезжать за пределы г. Барнаула Алтайского края, не изменять места жительства или пребывания без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, 4 раза в месяц для регистрации в установленные данным органом дни.

В соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 71 УК РФ зачесть Л. в срок наказания в виде лишения свободы 5 месяцев 26 дней, отбытые по приговору районного суда от 11 июня 2014 г.

Снижение наказания за одно из преступлений, входящих в совокупность, влечет за собой снижение наказания по совокупности преступлений

Постановление президиума Тихоокеанского флотского военного суда от 20 января 2016 г. № 44У-1/2015 по уголовному делу в отношении Л. (извлечение)

По приговору Владивостокского гарнизонного военного суда от 27 апреля 2005 г. Л. осужден к лишению свободы по ч. 1 ст. 105 УК РФ на 12 лет, по ч. 1 ст. 338 УК РФ на 3 года, по ч. 1 ст. 111 УК РФ на 4 года, по ч. 1 ст. 158 УК РФ на 1 год и за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 161 УК РФ, к 2 годам лишения свободы за каждое, а по совокупности преступлений в соот-

ветствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения назначенных наказаний на 15 лет в исправительной колонии строгого режима.

Кассационным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 22 августа 2005 г. приговор изменен – назначенное Л. наказание за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, снижено до 11 лет лишения свободы. В остальном приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Л. просил изменить кассационное определение, полагая, что флотский военный суд, снизив ему наказание за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 105 УК РФ, должен был снизить и срок окончательного наказания, назначенного по совокупности совершенных преступлений.

Постановлением президиума Тихоокеанского флотского военного суда от 20 января 2016 г. апелляционное определение изменено по следующим основаниям.

Согласно кассационному определению суд первой инстанции, правильно признав смягчающим наказание обстоятельством явку Л. с повинной, вопреки требованиям действовавшей на тот момент ст. 62 УК РФ, назначил ему по ч. 1 ст. 105 УК РФ наказание свыше трех четвертей максимального наказания, предусмотренного санкцией указанной нормы уголовного закона.

В связи с изложенным суд второй инстанции обоснованно снизил назначенное Л. наказание по ч. 1 ст. 105 УК РФ до 11 лет лишения свободы, однако оставил без изменения назначенное ему наказание по совокупности преступлений, что противоречит требованиям чч. 1 и 3 ст. 69 УК РФ, в соответствии с которыми наказание по совокупности преступлений определяется исходя из наказаний, назначенных за каждое из совершенных преступлений, то есть снижение наказания за одно из преступлений влечет за собой и снижение наказания по совокупности преступлений.

Данное нарушение уголовного закона президиум признал существенным, поскольку оно повлияло на исход дела.

На основании изложенного президиум флотского военного суда снизил назначенное Л. окончательное наказание по совокупности преступлений и посчитал его осужденным к 14 годам и 5 месяцам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. В остальном вынесенные по делу судебные постановления оставлены без изменения.

Лицу, признанному виновным в совершении преступления, может быть назначено только то наказание, которое предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части названного Кодекса

Приговором Краснореченского гарнизонного военного суда К. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 335 и п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ, к содержанию в дисциплинарной воинской части соответственно на срок 5 и 6 месяцев.

В соответствии с ч. 2 ст. 69 названного Кодекса по совокупности совершенных преступлений окончательное наказание К. определено путем частичного сложения назначенных наказаний в виде содержания в дисциплинарной воинской части на срок 8 месяцев.

Пунктом 4 ч. 1 ст. 308 УПК РФ предусмотрено, что в резолютивной части обвинительного приговора должен быть указан вид и размер наказания, на-

значенного подсудимому за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным.

В соответствии со ст.ст. 43 и 60 УК РФ уголовное наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений Общей части названного Кодекса.

Каких-либо изъятий из приведенных выше требований УК РФ и УПК РФ закон не содержит.

Как следует из резолютивной части приговора в отношении К., последний судом первой инстанции был признан виновным, в частности, в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 335 УК РФ, санкцией которой определен единственный вид наказания – лишение свободы.

Однако в нарушение требований ст.ст. 43, 56 и 60 указанного Кодекса предусмотренного законом наказания К. назначено не было. При этом суд счел возможным без назначения осужденному какого-либо уголовного наказания заменить таковое содержанием в дисциплинарной воинской части, что является существенным нарушением действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и противоречит основополагающим принципам уголовного судопроизводства.

Суд апелляционной инстанции приговор Краснояреченского гарнизонного военного суда отменил и передал уголовное дело на новое судебное разбирательство в гарнизонный военный суд со стадии судебного разбирательства.

Окончательное наказание, назначаемое путем частичного или полного сложения, должно быть строже наиболее строгого из наказаний, назначенных за входящие в совокупность преступления

Приговором Псковского гарнизонного военного суда Т. был признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 285 УК РФ, за которые ему было назначено наказание соответственно в виде двух лет лишения свободы и в виде штрафа в размере 60 000 руб. При этом окончательное наказание осужденному было определено по совокупности преступлений путем их частичного сложения в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы, условно, со штрафом в размере 50 000 руб., который постановлено исполнять самостоятельно.

Проверив приговор по представлению прокурора, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о необходимости его изменения по следующим основаниям.

Согласно п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» окончательное наказание, назначаемое путем частичного или полного сложения, должно быть строже наиболее строгого из наказаний, назначенных за входящие в совокупность преступления. Аналогичное разъяснение содержалось и в п. 31 одноименного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2.

В нарушение данных требований закона Т. по совокупности совершенных преступлений судом было назначено, с указанием о частичном сложении наказаний, более мягкое по размеру наказание, чем за каждое из входящих в совокупность преступлений.

В связи с изложенным апелляционной инстанцией приговор был изменен и за первое преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 285 УК РФ, Т. вместо лишения свободы был назначен штраф в размере 70 000 руб., а по совокупности преступлений, путем частичного сложения, окончательное наказание назначено в виде штрафа в размере 120 000 руб.

Неприменение судом первой инстанции положений ч. 1 ст. 56 УК РФ при наличии к тому безусловных оснований повлекло изменение приговора и смягчение назначенного осужденному наказания

В соответствии с приговором Саратовского гарнизонного военного суда А. за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 337 УК РФ, осужден к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год.

Рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению прокурора, окружной военный суд приговор изменил, обосновав свое решение следующим.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 УК РФ наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 указанного Кодекса, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Между тем из материалов дела усматривалось, что А. совершил преступление впервые, оно относится к категории небольшой тяжести, отягчающих обстоятельств судом установлено не было и согласно санкции ч. 3 ст. 337 УК РФ лишение свободы является не единственным видом наказания.

Таким образом, законных оснований для назначения А. наказания в виде лишения свободы у гарнизонного военного суда не имелось.

В связи с изложенным суд второй инстанции приговор изменил и назначил А. наказание, не связанное с лишением свободы.

В соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы военнослужащим не назначается

Приговором Тамбовского гарнизонного военного суда капитан З. был осужден по ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 228.1 УК РФ к лишению свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в колонии общего режима, с ограничением свободы на срок 6 месяцев.

По апелляционному представлению заместителя заместителя прокурора Западного военного округа приговор изменен.

Как указал суд апелляционной инстанции, назначая З. дополнительное наказание в виде ограничения свободы, суд первой инстанции не учел, что последний проходил военную службу по контракту, то есть являлся военнослужащим, а в соответствии с ч. 6 ст. 53 УК РФ ограничение свободы военнослужащим не назначается.

В связи с неправильным применением уголовного закона окружной военный суд исключил из резолютивной части приговора указание о назначении З. дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

Учет при назначении наказания смягчающих наказание обстоятельств является не правом, а обязанностью суда

Приговором Владивостокского гарнизонного военного суда К. признан виновным в нарушении уставных правил взаимоотношений между военно-

служащими при отсутствии между ними отношений подчиненности, сопряженном с насилием, с причинением средней тяжести вреда здоровью и осужден по п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год. На основании ст. 55 УК РФ назначенное лишение свободы заменено содержанием в дисциплинарной воинской части на тот же срок.

Согласно ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания суд обязан учитывать, в частности, обстоятельства, смягчающие наказание.

В соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, являются обстоятельствами, смягчающими наказание.

Однако в нарушение требований указанной правовой нормы гарнизонный суд при назначении осужденному наказания не признал в качестве обстоятельств, смягчающих К. наказание, добровольное возмещение им затрат на лечение П., а также компенсацию потерпевшему морального вреда.

В связи с изложенным флотский суд в апелляционном порядке приговор изменил и, признав добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда обстоятельствами, смягчающими наказание, с учетом положительных характеристик К. по военной службе, снизил ему срок назначенного наказания.

Суд не вправе признавать отягчающими наказание подсудимого обстоятельства, которые органами предварительного следствия ему в качестве отягчающих не вменялись

Приговором 35-го гарнизонного военного суда И. признан виновным в нарушении лицом, управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, – в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ.

Как следует из приговора, И., управляя автомобилем, в нарушение п. 13.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, не уступил дорогу малолетнему пешеходу С., переходившему дорогу в установленном месте на разрешающий сигнал светофора, и совершил на него наезд. В результате дорожно-транспортного происшествия С. был причинен тяжкий вред здоровью.

За совершение данного преступления И. был осужден к лишению свободы сроком на 9 месяцев с отбыванием наказания в колонии-поселении с лишением права управлять транспортным средством на срок 3 года.

Органами предварительного следствия И. каких-либо отягчающих наказание обстоятельств не вменялось. Не содержало обвинительное заключение и указания на наличие у И. умысла на совершение преступления в отношении малолетнего.

Между тем гарнизонный суд, выйдя за пределы обвинения, признал совершение преступления в отношении малолетнего обстоятельством, отягчающим И. наказание, предусмотренным п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ, чем ухудшил его положение.

В связи с изложенным, а также по причине необоснованного непризнания судом первой инстанции смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, – оказание И. иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления флотский суд при апелляционном рассмотрении дела исключил из приговора указанное отягчающее об-

стоятельство, признал названное смягчающее вину обстоятельство и смягчил назначенное осужденному наказание.

Явка с повинной является обстоятельством, смягчающим наказание, и подлежит учету судом при назначении наказания

Приговором Хабаровского гарнизонного военного суда С. осужден по пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 30 и п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Как было установлено следствием и судом, С. добровольно сообщил органу, осуществляющему уголовное преследование, о совершенном им преступлении, о чем был составлен протокол явки с повинной, который был положен судом первой инстанции в основу приговора.

В соответствии с положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 если сообщение лица о совершенном с его участием преступлении в совокупности с другими доказательствами положено судом в основу обвинительного приговора, то данное сообщение может рассматриваться как явка с повинной и в том случае, когда лицо в ходе предварительного расследования или в судебном заседании изменило свои показания. При совокупности совершенных преступлений явка с повинной как обстоятельство, смягчающее наказание, учитывается при назначении наказания за преступление, в связи с которым лицо явилось с повинной.

В нарушение требований п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также разъяснений названного выше постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации явка с повинной, расцененная гарнизонным военным судом как доказательство виновности С. и положенная в основу обвинительного приговора в отношении его, в качестве смягчающего наказание обстоятельства признана не была и во внимание при определении меры ответственности С. не принята.

При таких обстоятельствах суд второй инстанции пришел к выводу о необходимости признать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание С., его явку с повинной и смягчил назначенное ему наказание.

В случае изменения категории преступления на менее тяжкую при постановлении приговора суд освобождает осужденного от отбывания назначенного наказания, если со дня совершения преступления истекли предусмотренные ст. 78 УК РФ сроки

По приговору Грозненского гарнизонного военного суда полковник Д. осужден по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ к 4 годам лишения свободы в колонии-поселении с лишением права занимать указанные в приговоре должности сроком на 2 года.

При постановлении обвинительного приговора суд изменил категорию совершенного осужденным деяния, признав его в порядке ч. 6 ст. 15 УК РФ преступлением средней тяжести.

Однако при этом судом не были учтены требования п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ и п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», в соответствии с которыми лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления средней тяжести истекло шесть лет.

Согласно материалам уголовного дела не являющееся длящимся преступление, предусмотренное п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, совершено Д. 10 ноября 2008 г.

С учетом того что Д. в розыске не находился, а срок давности уголовного преследования истек 10 ноября 2014 г., суду первой инстанции при постановлении приговора следовало освободить Д. от наказания.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда приговор изменен, в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 78 УК РФ и на основании п. 3 ч. 1 ст. 24, ч. 8 ст. 302 УПК РФ Д. освобожден от назначенных ему основного и дополнительного наказаний ввиду истечения срока давности уголовного преследования.

При повторном рассмотрении уголовного дела недопустимо ухудшение положения осужденного, если первоначальный приговор не отменялся за мягкостью назначенного наказания или в связи с необходимостью применения закона о более тяжком преступлении по представлению прокурора либо по жалобе потерпевшего

По приговору Махачкалинского гарнизонного военного суда от 18 мая 2015 г. рядовой О. осужден по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ к штрафу в размере 30 000 руб.

Однако ранее по предыдущему приговору того же суда от 11 июля 2014 г. рядовой О. был осужден по ч. 1 ст. 159.2 УК РФ к штрафу в размере 15 000 руб.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда от 25 сентября 2014 г. первый приговор отменен по жалобе стороны защиты в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

Поскольку при повторном рассмотрении дела объем обвинения О. остался прежним, а его действия не были квалифицированы по закону о более тяжком преступлении, суд первой инстанции не вправе был назначить осужденному более строгое наказание.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда приговор изменен, размер назначенного осужденному О. штрафа снижен до 14 000 руб.

Условным может быть признано лишь основное наказание

По приговору Махачкалинского гарнизонного военного суда капитан О. осужден по п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ к 3 годам лишения свободы с лишением права занимать указанные в приговоре должности сроком на 1 год, с применением ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком 1 год.

Таким образом, назначив основное и дополнительное наказания условными, суд нарушил требования уголовного закона, поскольку условным может быть признано лишь основное наказание. Дополнительное наказание приводится в исполнение реально, о чем следовало указать в резолютивной части приговора.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда приговор изменен, из него исключено указание о назначении О. дополнительного наказания.

В настоящее время действует постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами

Российской Федерации уголовного наказания», в абз. 2 п. 62 которого еще раз подтверждена правильность данной позиции.

Если отягчающее наказание обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно не может повторно учитываться при назначении наказания

По приговору Читинского гарнизонного военного суда сержант Г. осужден по ч. 2 ст. 264 УК РФ.

Г. признан виновным в нарушении лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения и управляющим автомобилем, правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Согласно ст. 60 УК РФ лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание, при этом учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В соответствии с ч. 2 ст. 63 УК РФ отягчающие обстоятельства, относящиеся к признакам состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ, не могут быть повторно учтены при назначении наказания.

Однако суд указал в приговоре, что при назначении наказания Г. он принимает во внимание управление им транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения и причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, то есть фактически признал отягчающими обстоятельства, вмененные виновному в качестве квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ.

В связи с указанными нарушениями окружной военный суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, приговор изменил, исключил из его описательно-мотивировочной части ссылку на вышеуказанные обстоятельства и смягчил назначенное Г. наказание.

Срок и размер наказания, назначаемого с применением ст. 64 УК РФ, в любом случае не могут быть ниже установленных соответствующими статьями Общей части УК РФ минимальных срока и размера применительно к каждому виду уголовного наказания

По приговору Борзинского гарнизонного военного суда рядовой З. осужден по ч. 1 ст. 336 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, к содержанию в дисциплинарной воинской части на срок 2 месяца.

Изменяя приговор, окружной военный суд указал следующее.

В соответствии с ч. 1 ст. 64 УК РФ при наличии исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно при активном содействии участника группового преступления раскрытию этого преступления наказание может быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ,

или суд может назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой статьей, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного.

Согласно п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (действовавшего на момент постановления приговора) с учетом правил, содержащихся в ст. 64 УК РФ, может быть назначен любой более мягкий вид основного наказания, не указанный в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ. При этом их срок и размер не могут быть ниже установленных соответствующими статьями Общей части УК РФ минимальных срока и размера применительно к каждому виду уголовного наказания.

В силу ч. 1 ст. 55 УК РФ наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части устанавливается на срок от 3 месяцев до 2 лет.

Таким образом, суд, назначив 3. наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части, с применением ст. 64 УК РФ, на срок 2 месяца, допустил неправильное применение закона.

Окружной военный суд приговор изменил и назначил 3. более мягкий вид наказания, чем предусмотрен ч. 1 ст. 336 УК РФ, – штраф.

§ 5. Нарушения уголовно-процессуального закона

Немотивированное решение суда о возвращении представителю лица, освобожденного от уголовной ответственности, принадлежащих ему оружия и боеприпасов повлекло отмену судебного решения в части решения судьбы вещественных доказательств

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 5 мая 2016 г. № 201-АПУ16-9 по уголовному делу в отношении Г. (извлечение)

Определением Московского окружного военного суда от 8 февраля 2016 г. Г. С. освобожден от уголовной ответственности за совершение в состоянии невменяемости запрещенных уголовным законом деяний, предусмотренных пп. «а», «б», «к» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

К Г. С. применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Уголовное преследование в отношении Г. С. за совершение им запрещенного уголовным законом деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 206 УК РФ, прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 и п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев уголовное дело по апелляционному представлению прокурора и апелляционной жалобе представителя потерпевших, нашла определение подлежащим изменению в части решения вопроса о вещественных доказательствах.

Принимая решение о возвращении представителю Г. В. принадлежащих ему оружия и боеприпасов, изъятых с места происшествия и по месту его жительства, суд это решение в определении не мотивировал, а из протокола судебного заседания следует, что относящиеся к данным вещественным доказательствам

обстоятельства, указанные в апелляционном представлении и апелляционной жалобе, судом не исследовались и не обсуждались, в том числе не выяснялся вопрос о том, принимались ли органами, осуществляющими контроль за оборотом оружия, какие-либо решения относительно возможности дальнейшего пользования владельцем этим оружием и боеприпасами.

При таких данных определение суда в части возвращения Г. В. указанных в представлении и жалобе предметов, находящихся в ограниченном обращении, не может быть признано законным и обоснованным, в связи с чем Судебная коллегия отменила обжалуемое определение в части решения вопроса о вещественных доказательствах, а уголовное дело в этой части направила на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном ст.ст. 397, 399 УПК РФ.

Необоснованный отказ суда в допуске, наряду с профессиональным адвокатом, избранного подсудимым защитника повлек существенное нарушение права на защиту и, как следствие, отмену приговора

В соответствии с приговором Пензенского гарнизонного военного суда С. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, к штрафу в размере 150 000 руб.

Рассмотрев апелляционную жалобу осужденного, окружной военный суд отменил приговор по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 49 УПК РФ при производстве по уголовному делу в качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены, наряду с адвокатом, один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый.

Из материалов дела усматривалось, что в судебном заседании С. ходатайствовал перед судом о допуске к участию в деле З. в качестве его защитника, о чем подал письменное заявление.

Как видно из протокола судебного заседания, председательствующий по делу в допуске указанного лица в качестве защитника отказал, мотивируя свое решение тем, что З. не являлся близким родственником подсудимого и не представил сведений о наличии у него юридического образования.

Однако уголовно-процессуальное законодательство, вопреки выводу суда первой инстанции, не содержит таких условий для участия в деле в качестве защитника иного лица, о допуске которого заявлено соответствующее ходатайство, как обязательное наличие у него юридического образования или близкого родства с подсудимым.

Как неоднократно разъяснял Конституционный Суд Российской Федерации, в частности в определении от 21 мая 2015 г. № 1098-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Колесникова В.В. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 49, статьями 75, 195 и 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», одним из способов защиты от предъявленного обвинения, который не только не запрещен, но и прямо закреплен ч. 2 ст. 49 УПК РФ, является приглашение для участия в судебном заседании по ходатайству обвиняемого в качестве защитника, наряду с адвокатом, одного из близких родственников обвиняемого или иного лица. Отказ суда в предоставлении обвиняемому возможности воспользоваться этим способом и тем самым ограничение гарантируемого ч. 2 ст. 45 Конституции Рос-

сийской Федерации права может иметь место лишь при наличии существенных к тому оснований.

Норма ч. 2 ст. 49 УПК РФ не предполагает право суда произвольно, без учета иных положений данного Кодекса, а также обстоятельств конкретного дела и особенностей личности приглашаемого в качестве защитника лица отклонять соответствующее ходатайство обвиняемого.

Характер и особенности обвинения не препятствовали З. осуществлять защиту прав и интересов подсудимого С. и оказывать ему юридическую помощь, а сам З., прибывший в судебное заседание, с возложением на себя функции защитника был согласен, заявив при этом о наличии у него высшего юридического образования с 2007 г.

При таких данных решение суда первой инстанции об отказе в допуске З. к участию в судебном разбирательстве уголовного дела в отношении С. являлось необоснованным.

Приведенные обстоятельства привели к существенному нарушению права подсудимого на защиту, в связи с чем суд апелляционной инстанции приговор в отношении С. отменил и передал уголовное дело на новое судебное разбирательство.

Подозреваемый вправе пользоваться помощью защитника с момента, предусмотренного ст. 46 УПК РФ

Постановлением судьи Хабаровского гарнизонного военного суда от 19 февраля 2015 г. отказано в удовлетворении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на постановление следователя о возбуждении уголовного дела в отношении Р.

Как следует из представленных в суд материалов, обжалуемое постановление о возбуждении уголовного дела было вынесено следователем 5 февраля 2015 г.

С указанного момента, в силу положений ч. 1 ст. 46 УПК РФ, Р. являлась подозреваемой и обладала всеми правами, предусмотренными ч. 4 этой же статьи названного Кодекса.

В соответствии с п. 3 ч. 4 ст. 46 и п. 2 ч. 3 ст. 49 УПК РФ подозреваемый имеет право пользоваться помощью защитника с момента возбуждения в отношении его уголовного дела.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащимся в п. 16 постановления от 19 декабря 2013 г. № 41, в стадиях досудебного производства по уголовному делу в качестве защитника допускаются только адвокаты.

Из имевшихся при рассмотрении жалобы материалов следовало, что Р. ходатайствовала о допуске в судебное заседание в качестве ее представителя В., то есть Р. выразила желание, чтобы ее интересы при рассмотрении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ представляло иное лицо.

Данное ходатайство суду надлежало расценить как просьбу подозреваемой о реализации ее права на защиту.

Вместе с тем, гарнизонный военный суд, установив личность В. и определив, что последний не имеет статуса адвоката, ограничился только лишь допуском его к участию в деле в качестве представителя и каких-либо мер к обеспечению Р. квалифицированной юридической помощью не предпринял.

Кроме того, из протокола судебного заседания следовало, что Р. не были разъяснены права, предусмотренные ст. 46 УПК РФ, в том числе указанное право на защиту.

Изложенное свидетельствует о том, что судом первой инстанции при рассмотрении жалобы Р. были допущены существенные нарушения процессуального закона, которые лишили и ограничили подозреваемую в реализации гарантированных Конституцией Российской Федерации и УПК РФ прав.

Допущенные судьей нарушения норм процессуального закона явились основанием для отмены судебного решения в апелляционном порядке и направления материалов по жалобе Р. на новое судебное разбирательство иным составом суда.

Одно и то же лицо не может быть защитником двух подсудимых, если интересы одного из них противоречат интересам другого

Приговором Хабаровского гарнизонного военного суда А. и И. признаны виновными в вымогательстве, совершенном группой лиц по предварительному сговору с применением насилия, при следующих обстоятельствах.

Около 22 часов 31 июля 2014 г. в целях незаконного безвозмездного завладения чужим имуществом А. и И. договорились о предъявлении незаконного требования к рядовому М. о передаче им принадлежащего последнему мобильного телефона и предъявили тогда же в казарме к М. требование о передаче через некоторое время мобильного телефона с применением физического насилия, выразившегося в нанесении последнему побоев.

Рассмотрев уголовное дело в апелляционном порядке, судебная коллегия указанный приговор отменила ввиду существенного нарушения судом уголовно-процессуального закона.

В соответствии с ч. 6 ст. 49 УПК РФ одно и то же лицо не может быть защитником двух подозреваемых или обвиняемых, если интересы одного из них противоречат интересам другого.

Пунктом 3 ч. 1 ст. 72 УПК РФ указанное обстоятельство предусмотрено как исключающее участие защитника в производстве по уголовному делу.

Как на предварительном следствии, так и в суде первой инстанции интересы обоих осужденных защищала один и тот же адвокат Т., несмотря на то, что имело место противоречие интересов осужденных.

Прежде всего, А. и И. обвинялись и осуждены за совершение преступных действий по предварительному сговору группой лиц, который, как следует из приговора, не отрицали. В то же время в апелляционной жалобе А. утверждал, что он применил насилие к потерпевшему независимо от И. и без предварительной договоренности с последним.

Взаимно противоречивыми были и показания И. и А. о причинах нанесения побоев М. и в суде апелляционной инстанции.

Судом первой инстанции оставлены без внимания и имевшиеся на момент рассмотрения им дела иные обстоятельства, также свидетельствовавшие о противоречии в интересах А. и И.

Так, в судебном заседании гарнизонного военного суда И. пояснил, что собирался взять у М. телефон на время, намереваясь вернуть его потерпевшему. Из показаний же А. следовало, что он и И. намеревались похитить у потерпевшего телефон.

Боле того, противоречия в показаниях А. и И. относительно намерений, касавшихся телефона М., имели место и на предварительном следствии, на стадии допросов их в качестве обвиняемых.

Данные противоречия в показаниях не были оценены гарнизонным военным судом ни на стадии подготовки к судебному заседанию, ни в ходе судебного разбирательства.

Таким образом, по делу было установлено нарушение требований ст. 72 УПК РФ, исключавшее дальнейшее участие защитника – адвоката Т. в производстве по уголовному делу.

Лишение подсудимого права на участие в прениях сторон является основанием для отмены судебного решения

Приговором Биробиджанского гарнизонного военного суда Д. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 334 УК РФ к лишению свободы сроком на 1 год.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Дальневосточного окружного военного суда данный приговор был отменен, а уголовное дело передано на новое судебное разбирательство в тот же суд, но иным составом суда со стадии судебного разбирательства по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

В силу положений ч. 2 ст. 292 УПК РФ подсудимый вправе ходатайствовать об участии в прениях сторон.

Как следует из протокола судебного заседания, подсудимый Д., пользуясь своим правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации, отказался давать показания по делу, но выразил желание выступить в прениях сторон.

В ходе судебного разбирательства, как указано в протоколе судебного заседания, ходатайство об участии в прениях от подсудимого не поступало.

Не содержится в протоколе судебного заседания и сведений о предоставлении подсудимому возможности выступить на данной стадии судебного разбирательства.

В суде апелляционной инстанции Д. указал, что был лишен судом первой инстанции права выступить в прениях сторон, где намеревался выразить свое отношение к предъявленному обвинению и изложить доказательства в свою защиту.

Согласно п. 6 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ основанием отмены судебного решения в любом случае является непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон.

Таким образом, судебная коллегия по уголовным делам обоснованно отменила приговор и направила уголовное дело на новое судебное разбирательство.

Непредоставление подсудимому последнего слова является безусловным основанием для отмены приговора

По приговору Краснореченского гарнизонного военного суда старший лейтенант Ф. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 336 УК РФ, к ограничению по военной службе на срок 6 месяцев с удержанием из его денежного довольствия в доход государства 10 %.

В апелляционном порядке уголовное дело не рассматривалось.

Постановлением президиума Дальневосточного окружного военного суда приговор отменен в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона.

В соответствии с ч. 1 ст. 293 УПК РФ после окончания прений сторон председательствующий предоставляет подсудимому последнее слово.

Как усматривается из содержания протокола судебного заседания, в нарушение указанной выше нормы после окончания прений сторон судья, не предоставив подсудимому Ф. последнее слово, удалился в совещательную комнату для постановления приговора.

Протокол судебного заседания подписан председательствующим по делу, секретарем судебного заседания, замечаний на протокол в соответствии со ст. 260 УПК РФ не поступало.

Согласно п. 7 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ непредоставление подсудимому последнего слова является основанием для отмены судебного решения.

Президиум окружного военного суда, отменив приговор в отношении Ф., уголовное дело направил на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства.

Суд не вправе ссылаться в приговоре на доказательства, если они не были исследованы в ходе судебного следствия и не нашли отражения в протоколе судебного заседания

Приговором Хабарововского гарнизонного военного суда Д. и З. признаны виновными в покушении на незаконный сбыт группой лиц по предварительному сговору наркотического средства в крупном размере.

Согласно ч. 2 ст. 297 УПК РФ приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен в соответствии с требованиями указанного Кодекса и основан на правильном применении уголовного закона.

В силу ст. 240 УПК РФ суд не вправе ссылаться в приговоре на собранные по делу доказательства, если они не были исследованы в ходе судебного следствия и не нашли отражения в протоколе судебного заседания.

Данное требование, как это указано в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре», означает, что приговор должен быть основан лишь на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании.

В обоснование своего вывода о виновности З. и Д. в покушении на незаконный сбыт группой лиц по предварительному сговору наркотического средства в крупном размере гарнизонный военный суд сослался, в частности, на следующие доказательства: акт проведения оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» от 27 января 2014 г., заключение эксперта от 10 февраля 2014 г. № 167/фх, акт проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» от 10 марта 2014 г., заключение эксперта от 8 августа 2014 г. № 1196/Д, протоколы осмотров предметов от 6 мая 2014 г., от 7 мая 2014 г., от 30 мая 2014 г., заключение комиссии экспертов от 15 сентября 2014 г. № 95.

Между тем из протокола судебного заседания следовало, что стороны не ходатайствовали перед судом об исследовании вышеуказанных доказательств и таковые судом не исследовались.

При таких обстоятельствах приговор суда, как вынесенный с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, не может быть признан законным и обоснованным.

В связи с изложенным судебная коллегия окружного военного суда апелляционным определением отменила постановленный по уголовному делу приго-

вор и передала уголовное дело на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии судебного разбирательства иным составом суда.

Неразрешение судом апелляционной инстанции ходатайств стороны защиты и отсутствие в апелляционном определении мотивированной оценки доводов жалоб признано существенным нарушением уголовно-процессуального закона

По приговору Псковского гарнизонного военного суда, оставленному без изменения в апелляционном порядке, старший лейтенант Ж. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

Президиум Ленинградского окружного военного суда, рассмотрев уголовное дело в кассационном порядке, апелляционное определение отменил исходя из следующего.

Конституцией Российской Федерации каждому осужденному за преступление гарантируется право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (ч. 3 ст. 50).

В соответствии с требованиями ч. 4 ст. 7, ст. 389.28 УПК РФ постановление судьи, определения суда должны быть законными, обоснованными и мотивированными.

Обязанностью суда апелляционной инстанции является проверка по апелляционным жалобам, представлениям законности, обоснованности и справедливости приговора, законности и обоснованности иного решения суда первой инстанции (ст. 389.9 УПК РФ). При этом апелляционное определение должно содержать краткое изложение доводов лица, подавшего апелляционную жалобу или представление, а также возражений других лиц, участвовавших в заседании суда апелляционной инстанции, и мотивы принятого решения (ч. 3 ст. 389.28 УПК РФ).

Между тем ряд доводов, приведенных в апелляционных жалобах осужденного и его защитника, в описательно-мотивировочной части апелляционного определения не указаны и правовую оценку в нем не получили.

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 389.13 УПК РФ производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции должно осуществляться в порядке, установленном гл. 35 – 36 УПК РФ, с изъятиями, предусмотренными гл. 45.1 УПК РФ.

Данный порядок предусматривает проведение судебного следствия, основной задачей которого является проверка доказательств путем их исследования по правилам, установленным ст.ст. 87 – 89 и гл. 37 УПК РФ, с особенностями, предусмотренными чч. 3 – 8 ст. 389.13 УПК РФ.

Ходатайства сторон об исследовании доказательств, в том числе ходатайства об исследовании доказательств, которые не были исследованы судом первой инстанции (новых доказательств), и о вызове в этих целях в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц разрешаются судом в порядке, предусмотренном чч. 1 и 2 ст. 271 УПК РФ. Суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства только на том основании, что оно не было удовлетворено судом первой инстанции (ч. 6 ст. 389.13 УПК РФ). Суд апелляционной инстанции вправе рассмотреть апелляционную жалобу или представление без проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, с согласия сторон (ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ).

Согласно разъяснениям, которые даны Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в п. 13 постановления от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении

норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции», по смыслу ч. 7 ст. 389.13 УПК РФ суд выясняет у сторон мнение о необходимости проверки доказательств, которые были исследованы судом первой инстанции, и вправе рассмотреть апелляционную жалобу или представление без проверки доказательств с согласия сторон.

Данные требования уголовно-процессуального закона судом апелляционной инстанции нарушены.

В апелляционных жалобах осужденный Ж. и его защитник утверждали, что в приговоре неполно изложены показания свидетелей и специалистов, в связи с чем заявили ходатайства об исследовании в судебном заседании показаний указанных лиц, данных ими в суде первой инстанции.

Данные ходатайства были поддержаны и в заседании суда апелляционной инстанции, однако судом апелляционной инстанции они не разрешены.

По завершении судебного следствия суд апелляционной инстанции, в нарушение требований ч. 9 ст. 389.13 УПК РФ, не выяснил у сторон, имеются ли у них ходатайства о дополнении судебного следствия, и перешел к прениям сторон при наличии ранее заявленных и нерассмотренных ходатайств.

Кроме того, по ходатайству стороны защиты судом апелляционной инстанции был допрошен в качестве свидетеля гражданин К. Однако его показания и их оценка со стороны суда апелляционной инстанции в апелляционном определении своего отражения не нашли.

Таким образом, судом апелляционной инстанции не соблюдена процедура уголовного судопроизводства, что могло повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого апелляционного определения по уголовному делу.

Признав указанные нарушения уголовно-процессуального закона существенными, президиум окружного военного суда на основании ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ апелляционное определение отменил и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение в ином составе суда.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления

По приговору Реутовского гарнизонного военного суда К. признан виновным в совершении действий, явно выходящих за пределы его полномочий, повлекших существенное нарушение прав и законных интересов гражданина, совершенных с применением насилия, то есть в преступлении, предусмотренном п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ.

При этом в описательно-мотивировочной части приговора в нарушение ч. 1 ст. 307 УПК РФ суд сослался лишь на предъявленное органами следствия К. обвинение и не описал установленные судом преступное деяние, за которое К. был осужден, место, время и обстоятельства его совершения.

Рассмотрев уголовное дело, суд апелляционной инстанции в связи с существенным нарушением уголовного процессуального закона приговор отменил, а уголовное дело направил на новое судебное разбирательство.

В своем определении суд апелляционной инстанции указал следующее.

В соответствии с требованиями п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ при производстве по уголовному делу подлежит доказыванию событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Согласно положениям п. 1 ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления.

В данном случае указанные требования процессуального закона судом первой инстанции соблюдены не были, что является существенным нарушением уголовного процессуального закона.

Переквалификация судом первой инстанции содеянного осужденным на более тяжкое преступление повлекла отмену обвинительного приговора и направление уголовного дела на новое судебное разбирательство

В соответствии с приговором Оренбургского гарнизонного военного суда старший лейтенант Б. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ, к наказанию в виде лишения свободы сроком на 1 год в исправительной колонии общего режима.

Б. признан виновным в покушении на мошенничество, совершенное с использованием своего служебного положения, которое он совершил в период с 23 ноября по 8 декабря 2014 г.

Рассмотрев уголовное дело по апелляционным жалобам осужденного и его защитника, а также по апелляционному представлению прокурора, окружной военный суд пришел к следующим выводам.

Согласно обвинительному заключению Б. органами предварительного следствия обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ.

Суд первой инстанции, рассмотрев уголовное дело, переквалифицировал содеянное Б. на ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» суд вправе изменить обвинение и квалифицировать действия подсудимого по другой статье уголовного закона, по которой обвинение не предъявлялось, при условии, что она не содержит признаков более тяжкого преступления и существенно не отличается по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает положения подсудимого и не нарушает его права на защиту.

Более тяжким обвинение считается в том случае, если применяется другая норма уголовного закона, санкция которой предусматривает более строгое наказание.

Учитывая, что санкция ч. 3 ст. 159 УК РФ предусматривает более строгое наказание, чем санкция ч. 3 ст. 160 названного Кодекса, окружной военный суд согласился с доводами апелляционных жалоб и представления о том, что суд, изменив квалификацию содеянного Б., ухудшил его положение.

Нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные судом первой инстанции, повлекли отмену приговора в отношении Б. и направление уголовного дела на новое судебное разбирательство.

Судья, высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, касающемуся существа уголовного дела, не вправе принимать участие в дальнейшем производстве по этому уголовному делу

Постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2015 г. кассационное представление Главного военного прокурора на апелляционное постановление Уральского окружного военного суда от 12 августа 2014 г., принятое по уголовному делу в отношении П. и Щ., передано для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции.

Президиум Уральского окружного военного суда 19 июня 2015 г. отменил апелляционное постановление в связи с существенным нарушением уголовно-процессуального закона, указав следующее.

Обжалуемое апелляционное постановление было вынесено судьей, который ранее – 12 декабря 2013 г. – уже участвовал в проверке в апелляционном порядке законности и обоснованности обвинительного приговора Челябинского гарнизонного военного суда в отношении П. и Щ. В результате этого он вынес постановление об отмене указанного приговора ввиду несоответствия выводов суда, изложенных в нем, фактическим обстоятельствам уголовного дела, а уголовное дело направил на новое судебное рассмотрение, тем самым судьей уже тогда было высказано мнение по существу дела.

Повторное участие того же судьи в рассмотрении 12 августа 2014 г. в апелляционном порядке уголовного дела в отношении П. и Щ. является недопустимым, поскольку противоречит как положениям ч. 2 ст. 61 и ч. 2 ст. 63 УПК РФ, так и правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым судья, ранее принимавший решения по вопросам, затронутым в апелляционной (кассационной) жалобе и подлежащим рассмотрению в судебном заседании, а также высказавший в ходе производства по уголовному делу свое мнение по предмету рассмотрения, касающемуся существа уголовного дела и затрагивающему выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке достоверности и достаточности доказательств, о квалификации деяния, наказании осужденного и другим вопросам, не вправе принимать участие в дальнейшем производстве по уголовному делу независимо от того, было ли отменено судебное решение, вынесенное ранее с его участием.

В связи с изложенным президиум окружного военного суда апелляционное постановление отменил и направил уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение.

Процессуальный срок на обжалование решения суда лицом, содержащимся в местах лишения свободы и не принимавшим участия в судебном заседании, исчисляется с момента вручения ему копии вынесенного в его отсутствие судебного решения

Постановлением судьи Ростовского-на-Дону гарнизонного военного суда от 22 июля 2014 г. отказано в удовлетворении ходатайства осужденного Л., отбывающего наказание в местах лишения свободы.

Указанное ходатайство было рассмотрено в порядке ст.ст. 396 – 399 УПК РФ в отсутствие осужденного.

22 августа 2014 г. в суд поступила апелляционная жалоба Л. на данное судебное постановление, которая постановлением судьи от 1 сентября 2014 г. оставлена без рассмотрения, как поданная с пропуском срока.

Однако судья не учел, что копия обжалуемого судебного решения осужденным получена 5 августа 2014 г., а 12 августа того же года через администрацию места лишения свободы апелляционная жалоба направлена в суд.

Таким образом, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 389.4 УПК РФ, срок апелляционного обжалования постановления судьи осужденным не был пропущен.

Апелляционным постановлением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда постановление судьи отменено, а материалы уголовного дела переданы в гарнизонный военный суд для выполнения требований ст. 389.7 УПК РФ и устранения препятствий его рассмотрения судом апелляционной инстанции.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 238 УПК РФ производство по уголовному делу приостанавливается в случае, когда место нахождения обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в судебном разбирательстве отсутствует

Постановлением судьи Владивостокского гарнизонного военного суда производство по уголовному делу частного обвинения в отношении Б., обвиняемого в совершении трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УК РФ, приостановлено на основании п. 4 ч. 1 ст. 238 УПК РФ.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 238 УПК РФ судья выносит постановление о приостановлении производства по уголовному делу в случае, когда место нахождения обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в судебном разбирательстве отсутствует.

Приостанавливая производство по данному делу, судья, сославшись на сообщение командира воинской части о временном прохождении Б. службы в другой воинской части в г. Москве, пришел к выводу о том, что место нахождения обвиняемого известно, но реальная возможность его участия в судебном разбирательстве отсутствует.

Однако данный вывод суда первой инстанции на материалах дела не основан, поскольку судом сам Б., как непосредственно, так и через командование, о месте, дате и времени судебного заседания не извещался и сведений о том, что у подсудимого отсутствовала реальная возможность принять участие в судебном разбирательстве, не имелось.

При таких обстоятельствах флотский суд в апелляционном порядке постановление гарнизонного суда отменил и направил материалы дела в суд первой инстанции на новое судебное разбирательство.

После провозглашения судом вынесенного приговора внесение в него этим же судом каких-либо изменений и дополнений во внепроцессуальном порядке недопустимо и является существенным нарушением уголовно-процессуального закона

Приговором Владивостокского гарнизонного военного суда Ш. оправдан в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УК РФ, на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УК РФ, то есть в связи с отсутствием события преступления.

Согласно ч. 1 ст. 298 УПК РФ приговор постановляется судом в совещательной комнате.

При оглашении судом указанного приговора частный обвинитель осуществлял, с соблюдением требований процессуального законодательства Российской Федерации, аудиозапись судебного заседания.

В результате исследования судом апелляционной инстанции указанной аудиозаписи, приобщенной к материалам дела, установлено, что оглашенный оправдательный приговор существенно отличался от текста этого же приговора, имеющегося в материалах дела, как по объему, так и по содержанию.

В частности, приговор, имевшийся в материалах дела, содержал новые абзацы, которые не оглашались судом, и иную редакцию показаний свидетелей.

В связи с указанным существенным нарушением уголовно-процессуального закона данный приговор флотским судом был отменен, а дело передано в гарнизонный суд на новое разбирательство.

При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также при продлении срока ее действия суду следует определять не только продолжительность периода содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей, но и дату его окончания

Постановлением судьи Тамбовского гарнизонного военного суда от 26 сентября 2015 г. было удовлетворено ходатайство следователя ВСО СК РФ по Тамбовскому гарнизону об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу С., подозреваемому в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 226.1, ч. 3 ст. 160 УК РФ.

При этом в постановлении судья не указал продолжительность периода действия меры пресечения, в то время как следователь в своем ходатайстве с учетом установленного срока предварительного следствия просил суд определить период содержания С. под стражей на срок до 1 месяца 22 суток, то есть до 14 ноября 2015 г.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также при продлении срока ее действия суду следует определять не только продолжительность периода содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей, но и дату его окончания.

При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции внес изменение в постановление судьи гарнизонного военного суда, определив период содержания С. под стражей на срок до 1 месяца 22 суток, то есть до 14 ноября 2015 г. включительно.

Согласно ч. 1 ст. 100, ч. 1 ст. 108 УПК РФ избрание меры пресечения в отношении подозреваемого допускается лишь в исключительных случаях при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения

Постановлением судьи Биробиджанского гарнизонного военного суда удовлетворено ходатайство следователя о заключении под стражу офицера Г., подозреваемого в совершении ряда преступлений.

В нарушение ч. 1 ст. 108 УПК РФ в судебном постановлении не мотивирована невозможность применения к Г. иной, более мягкой, меры пресечения и не приведены какие-либо обстоятельства в обоснование исключительности случая применения меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого.

В связи с изложенным судебная коллегия отменила решение суда первой инстанции.

Неправильное разрешение судьбы вещественных доказательств повлекло изменение приговора

Согласно приговору Солнечногорского гарнизонного военного суда капитан Б. был осужден за незаконный оборот оружия:

– незаконное хранение 5 пистолетов, 2 револьверов, винтовки, 6 стволов к пистолетам и 4 701 патрона различного калибра;

– незаконное изготовление 6 пистолетов, приобретение 5 стволов для пистолетов; ствола к огнестрельному оружию; 2 кожухов-затворов с возвратными механизмами и стволами для пистолетов; 2 затворов со стволами и возвратными механизмами для пистолета, а также затвора для малокалиберной винтовки и др.

Изъятые у осужденного оружие и боеприпасы, признанные вещественными доказательствами по делу, суд постановил по вступлении приговора в законную силу передать в одну из воинских частей для использования по назначению и для уничтожения.

Признавая такое решение незаконным, суд апелляционной инстанции указал следующее.

В соответствии с п. 2 ч. 3 ст. 81 УПК РФ при вынесении приговора должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах. При этом предметы, запрещенные к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются.

Аналогичная правовая норма закреплена и в п. 58 Инструкции о порядке изъятия, учета, хранения и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, ценностей и иного имущества органами предварительного следствия, дознания и судами.

Согласно данной Инструкции после разрешения дела оружие, пули, гильзы и патроны, признанные вещественными доказательствами, должны направляться в распоряжение соответствующего органа внутренних дел, который в установленном порядке принимает решение об их уничтожении или реализации либо использовании в надлежащем порядке.

В соответствии со ст. 10 Федерального закона «Об обороне» Вооруженные Силы Российской Федерации, в состав которых входит войсковая часть, на которую суд первой инстанции возложил обязанности по распоряжению судьбой вещественных доказательств, предназначены для отражения агрессии, направленной против Российской Федерации, для вооруженной защиты целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, а также для выполнения задач в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами, международными договорами Российской Федерации и т. д.

Таким образом, из приведенной правовой нормы усматривается, что на воинские части не может быть возложена обязанность по уничтожению вещественных доказательств, в том числе и предметов, запрещенных к обращению, а также им не может быть предоставлено право использования изъятых вещественных доказательств.

С учетом изложенного решение о судьбе вещественных доказательств было отменено и принято новое – о передаче указанных вещественных доказательств в Главное управление МВД России по Московской области для принятия решения в установленном законом порядке.

В соответствии с требованиями ст.ст. 131, 132 УПК РФ процессуальные издержки подлежат взысканию с осужденного только в доход государства

Согласно приговору Махачкалинского гарнизонного военного суда по уголовному делу в отношении Ч. процессуальные издержки, связанные с расходами потерпевшего на оплату услуг своего представителя в сумме 60 000 руб., постановлено взыскать с Пограничного управления ФСБ России по Республике Дагестан в пользу потерпевшего Ф.

Однако расходы на оплату услуг представителя, понесенные потерпевшим, подлежали отнесению к процессуальным издержкам только при условии их предварительного возмещения за счет средств федерального бюджета (выплаты этих денег потерпевшему на основании предоставленных им документов), чего из дела не усматривалось.

В соответствии с требованиями ст.ст. 131, 132 УПК РФ процессуальные издержки подлежат взысканию с осужденного только в доход государства.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда приговор в части решения о распределении процессуальных издержек и взыскания с Пограничного управления ФСБ России по Республике Дагестан в пользу потерпевшего Ф. 60 000 руб., связанных с расходами на оплату услуг представителя, отменен, материалы дела в данной части переданы на новое судебное разбирательство.

§ 6. Рассмотрение жалоб на стадии досудебного производства

При проверке законности и обоснованности решений прокурора в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ, судья не вправе предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела

Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14 октября 2015 г. № 201-УДП15-8 по материалам судебного производства по жалобе И. (извлечение)

По заявлениям гражданина И. о совершении С. противоправных действий органами предварительного расследования неоднократно проводились проверки в порядке ст.ст. 144 и 145 УПК РФ. В ходе последней дополнительной проверки заместителем руководителя 2-го военного следственного отдела военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Западному военному округу 14 августа 2014 г. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе в отношении С.

Данное постановление отменено заместителем военного прокурора Западного военного округа постановлением от 10 октября 2014 г. как неполное и необоснованное, с направлением материалов для проведения дополнительной проверки.

Постановлением судьи Московского гарнизонного военного суда от 21 ноября 2014 г., оставленным без изменения апелляционным постановлением Московского окружного военного суда от 16 января 2015 г. и постановлением президиума того же суда от 17 июня 2015 г., жалоба, поданная адвокатом З., действующего в интересах С., на постановление заместителя военного прокурора Западного военного округа от 10 октября 2014 г. удовлетворена, указанное постановление признано необоснованным, и на данное должностное лицо возложена обязанность устранить допущенные нарушения.

В обоснование необходимости отмены постановления заместителя военного прокурора округа от 10 октября 2014 г. суды сослались на то, что дополнительные проверочные мероприятия, указанные в постановлении, в случае их проведения не могли бы повлиять на законность и обоснованность решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела.

Рассмотрев материалы судебного производства по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Главного военного прокурора, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные постановления и направила материалы судебного производства на новое рассмотрение в Московский гарнизонный военный суд в ином составе суда, приведя в обоснование принятого решения следующие доводы.

В соответствии с ч. 4 ст. 7 УПК РФ постановление суда должно быть законным, обоснованным, мотивированным.

Согласно ст. 123 УПК РФ действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном данным Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

По смыслу ст. 125 УПК РФ и как разъяснено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», судья при проверке законности и обоснованности решений и действий (бездействия) дознавателя, следователя, прокурора не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния, то есть предрешать вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела.

Указанные требования закона при рассмотрении жалобы адвоката З. на постановление заместителя военного прокурора Западного военного округа от 10 октября 2014 г. не соблюдены.

Как усматривается из материалов судебного производства, по заявлениям И. о совершении С. противоправных действий, содержащих признаки ряда преступлений, неоднократно проводились проверки в порядке ст.ст. 144 и 145 УПК РФ.

В ходе проведенной последней дополнительной проверки заместителем руководителя 2-го военного следственного отдела военного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Западному военному округу 14 августа 2014 г. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении С.

Данное постановление следователя отменено заместителем военного прокурора Западного военного округа постановлением от 10 октября 2014 г. как неполное и необоснованное, с направлением материалов для организации дополнительной проверки.

Судья гарнизонного военного суда, проверив законность и обоснованность действий заместителя военного прокурора Западного военного округа, пришел к выводу, что дополнительные проверочные мероприятия, указанные в постановлении от 10 октября 2014 г., в случае их проведения не могли бы повли-

ять на законность и обоснованность решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела.

К такому выводу судья пришел на основании оценки имеющихся в материалах проверки документов. При этом судьей проанализированы указанные документы на предмет их достоверности, относимости и достаточности, исходя из чего сделан вывод об отсутствии в действиях С. признаков состава преступления.

Однако при этом судья дал оценку доказательствам, собранным в ходе проверки, и предопределил возможные результаты дополнительных проверочных мероприятий до их фактического проведения, то есть вошел в обсуждение вопросов, не подлежащих разрешению на данной стадии досудебного производства, на основании чего сделал недопустимые выводы о конкретных обстоятельствах дела и об отсутствии в действиях С. признаков состава преступления.

Изложенное свидетельствует о том, что судья вышел за пределы своих полномочий, предусмотренных законом, и в то же время, вопреки ч. 1 ст. 125 УПК РФ, не установил, в чем конкретно выразилось нарушение конституционных прав и свобод С. обжалуемыми действиями.

Помимо этого, судьей оставлено без внимания то, что в соответствии с положениями ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним соответствующие процессуальные решения, а согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ, признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа.

Исходя из указанных норм закона, проверяя законность и обоснованность постановления прокурора об отмене решений руководителя следственного органа, следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, судья обязан выяснить, вынесено ли данное постановление уполномоченным должностным лицом в пределах его компетенции с соблюдением требований ч. 6 ст. 148 УПК РФ, мотивировано ли оно конкретными обстоятельствами, подлежащими дополнительной проверке, и содержит ли указания об устранении допущенных нарушений закона.

Данные обстоятельства, являющиеся в силу требований закона предметом судебной проверки законности и обоснованности постановления прокурора об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела, оценки в обжалованном постановлении судьи не получили, на это не отреагировали и суды апелляционной и кассационной инстанций.

Таким образом, судами допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, что, в соответствии с ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ, является основанием для отмены в кассационном порядке постановления судьи гарнизонного военного суда, апелляционного постановления и постановления президиума окружного военного суда с направлением материалов на новое рассмотрение в гарнизонный военный суд, в ходе которого следует устранить допущенные нарушения закона и вынести законное и обоснованное судебное решение.

Оспаривание бездействия следователя, связанного с невыплатой адвокату вознаграждения за оказание обвиняемому юридической помощи на предварительном следствии, не является предметом обжалования в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ

Постановлением судьи Белогорского гарнизонного военного суда удовлетворена жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ адвоката Г.

Судья признал незаконным бездействие следователя военного следственного отдела по Белогорскому гарнизону, связанное с невыплатой Г. вознаграждения за оказание юридической помощи обвиняемому в период предварительного следствия, и обязал указанное должностное лицо устранить допущенное нарушение.

В соответствии с ч. 1 ст. 125 УПК РФ в районный (гарнизонный военный) суд могут быть обжалованы процессуальные решения дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Понятие действий и решений, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, а также затрудняющих доступ граждан к правосудию, определено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Согласно содержащимся в указанном постановлении Пленума разъяснениям, исходя из положений ч. 1 ст. 125 УПК РФ, могут быть обжалованы решения и действия (бездействие) должностных лиц только лишь в связи с их полномочиями по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве по уголовному делу. В соответствии с разъяснениями названного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в ходе предварительной подготовки к судебному заседанию по поступившей жалобе судье надлежало проверить, имеется ли в данном случае предмет обжалования в соответствии со ст. 125 УПК РФ. При отсутствии предмета обжалования следовало вынести постановление об отказе в принятии жалобы к рассмотрению. Если указанные обстоятельства установлены в судебном заседании, то производство по жалобе подлежит прекращению.

Постановлением президиума Дальневосточного окружного военного суда постановление судьи Белогорского гарнизонного военного суда отменено и производство по этой жалобе прекращено.

§ 7. Ошибки в рассмотрении гражданского иска

Оставление гражданского иска без рассмотрения и одновременное признание за истцом права на удовлетворение иска с передачей его для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства противоречит УПК РФ

Приговором Калининградского гарнизонного военного суда К. был признан виновным в совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пре-

дела его полномочий и повлекших существенное нарушение охраняемых законом интересов государства в виде причинения ущерба на сумму 4 695 014 руб., то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ.

При этом гражданский иск, заявленный Министерством обороны Российской Федерации, о взыскании с осужденного К. 4 695 014 руб. в счет возмещения причиненного его действиями материального ущерба был оставлен без рассмотрения с одновременным признанием за гражданским истцом права на удовлетворение иска с передачей вопроса о размере иска на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Рассмотрев дело в апелляционном порядке, флотский военный суд приговор в части гражданского иска отменил и передал вопрос о рассмотрении гражданского иска на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства, указав следующее.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 309 УПК РФ в резолютивной части приговора должно содержаться решение по предъявленному гражданскому иску в соответствии с ч. 2 названной статьи. Часть 2 ст. 309 УПК РФ предусматривает, что при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации в абз. 2 п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» дал разъяснение указанного положения уголовно-процессуального закона, обратив внимание судов на то, что лишь при необходимости произвести дополнительные расчеты, связанные с гражданским иском, требующие отложения судебного разбирательства, и когда это не влияет на решение суда о квалификации преступления, мере наказания и по другим вопросам, возникающим при постановлении приговора, суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства.

Согласно же ч. 2 ст. 306 УПК РФ при постановлении оправдательного приговора за отсутствием события преступления или в связи с непричастностью подсудимого к совершению преступления суд отказывает в удовлетворении иска. В остальных случаях суд оставляет гражданский иск без рассмотрения.

В п. 20 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации указано, что при постановлении оправдательного приговора, вынесении постановления или определения о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 24 и п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, суд отказывает в удовлетворении гражданского иска. В остальных случаях суд оставляет гражданский иск без рассмотрения. Оставление судом гражданского иска без рассмотрения не препятствует последующему его предъявлению и рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства.

С учетом вышеуказанных положений норм уголовно-процессуального закона, а также приведенных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации оставление гражданского иска без рассмотрения и признание за гражданским истцом права на удовлетворение иска с передачей вопроса о

размере возмещения гражданского иска для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства являются двумя противоположными друг другу решениями, принимаемыми при разных обстоятельствах, а их совместное указание в качестве одного решения по разрешаемому гражданскому иску в резолютивной части приговора недопустимо и по своему правовому смыслу противоречит УПК РФ.

Расходы на оплату услуг представителей, понесенные потерпевшим, относятся к процессуальным издержкам, а не к материальному ущербу, причиненному преступлением

Приговором Уссурийского гарнизонного военного суда Г. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, к штрафу в размере 50 000 руб.

В удовлетворение гражданского иска потерпевшего К. с осужденного приговором взыскать 220 387 руб. 76 коп. в счет возмещения материального ущерба, причиненного преступлением.

При апелляционном рассмотрении дела флотский суд установил, что решение, принятое гарнизонным судом по иску потерпевшего о возмещении материального ущерба, подлежит отмене, поскольку расходы на оплату услуг представителей в сумме 150 000 руб., понесенные потерпевшим, в силу п. 11 и п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ относятся к процессуальным издержкам и не могли быть включены в данный иск, так как в силу ст. 132, п. 13 ч. 1 ст. 299 и п. 3 ч. 1 ст. 309 УПК РФ вопрос об их возмещении должен быть разрешен в приговоре отдельно от иска, с указанием, на кого и в каком размере они должны быть возложены.

При таких обстоятельствах флотский суд приговор Уссурийского гарнизонного военного суда в части решения по иску отменил и принял новое решение, частично удовлетворив иск потерпевшего о возмещении материального ущерба и его требования о взыскании с осужденного процессуальных издержек, связанных с выплатой вознаграждения представителям потерпевшего.

Глава 3

Практика рассмотрения военными судами дел о преступлениях, совершение которых сопряжено с осуществлением террористической и экстремистской деятельности

§ 1. Вопросы применения Общей и Особенной части уголовного закона

В резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого подсудимый признан виновным

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 мая 2016 г. № 201-АПУ16-11 по уголовному делу в отношении Г. и др. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 10 марта 2016 г. Г., И., Р. и другие граждане (всего 6 человек) признаны виновными и осуждены за незаконное хранение группой лиц по предварительному сговору в квартире дома в г. Одинцове Московской области самодельного взрывного устройства и за приготовление в период не позднее 26 апреля и до 7 мая 2014 г. к совершению группой лиц по предварительному сговору террористического акта путем взрыва самодельного взрывного устройства при проведении праздничного салюта 9 мая 2014 г. в г. Одинцове, устрашающего население и создающего опасность гибели человека и наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти, который не был осуществлен по независящим от них обстоятельствам в связи с их задержанием сотрудниками правоохранительных органов.

Кроме того, Г. и Р. признаны виновными и осуждены за незаконное ношение в конце марта 2014 г. боеприпасов и самодельного взрывного устройства и их последующее незаконное хранение в тайнике вблизи горы Джагра в Хивском районе Республики Дагестан до 14 августа 2014 г., а И. и Г. – за незаконное изготовление самодельного взрывного устройства не позднее 7 мая 2014 г. группой лиц по предварительному сговору в названной выше квартире.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных и их защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, указав в обоснование следующее.

В соответствии со ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого подсудимый признан виновным.

Как усматривается из описательно-мотивировочной части указанного приговора, суд признал установленным и доказанным факт совершения каждым из подсудимых приготовления к совершению группой лиц по предварительному сговору террористического акта путем взрыва самодельного взрывного устройства при проведении праздничного салюта 9 мая 2014 г. в г. Одинцове, устрашающего население и создающего опасность гибели человека и наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти, который не был осуществлен ими по независящим от них обстоятельствам в связи с задержанием сотрудниками правоохранительных органов, и правильно квалифицировал преступные действия осужденных по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

Данная квалификация подтверждена судом и при мотивировке назначения подсудимым наказания.

Однако в резолютивной части приговора суд, признавая каждого из подсудимых виновным и назначая им наказание за совершение этого преступления, не указал п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ, по которому и были квалифицированы действия подсудимых в описательно-мотивировочной части приговора, в связи с чем Судебная коллегия по делам военнослужащих, изменяя приговор, посчитала их осужденными по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ и по совокупности преступлений к лишению свободы – каждого на указанный в приговоре срок.

Признав наличие у подсудимых смягчающего наказание обстоятельства в виде активного способствования расследованию преступлений и отсутствие отягчающих обстоятельств, суд с учетом рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ должен был применить совокупность правил смягчения наказания, предусмотренных как ч. 5 ст. 62 УК РФ, так и ч. 1 этой же статьи УК РФ

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 201-АПУ16-7с по уголовному делу в отношении А. и Х. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 28 декабря 2015 г. А. и Х. признаны виновными и осуждены за финансирование терроризма и участие в террористическом сообществе.

Обвинительный приговор в отношении А. и Х. постановлен в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемых с предъявленным им обвинением (гл. 40 УПК РФ).

При назначении подсудимым наказания суд в качестве смягчающих наказание обстоятельств признал, в частности, активное способствование ими расследованию преступлений. Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам защитников осужденных, Судебная кол-

легия по делам военнослужащих приговор изменила в части назначенного А. и Х. наказания.

Признав наличие у А. и Х. смягчающего наказание обстоятельства в виде активного способствования расследованию преступлений, то есть предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствие отягчающих обстоятельств, суд с учетом рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ должен был применить совокупность правил смягчения наказания, предусмотренных как ч. 5 ст. 62 УК РФ, так и ч. 1 этой же статьи УК РФ.

Таким образом, максимально возможное наказание А. и Х. за совершенные ими преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205.4 и ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, не должно превышать две трети от двух третьих, то есть должно составлять 4 года 5 месяцев 10 дней.

С учетом изложенного Судебная коллегия смягчила назначенное А. и Х. судом первой инстанции наказание за каждое из совершенных ими преступлений и по их совокупности.

Суд правомерно квалифицировал действия осужденных, совершенные до 14 ноября 2013 г., по статье УК РФ, действовавшей в период совершения преступления. Оставление судом при назначении наказания без внимания требований Общей части УК РФ повлекло изменение приговора

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2015 г. № 201-АПУ15-17 по уголовному делу в отношении С. и др. (извлечение)

С. признан виновным в организации в период с августа 2011 г. по 13 ноября 2013 г. и с 14 ноября 2013 г. по 25 февраля 2014 г. деятельности запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», а остальные осужденные – в участии в деятельности названной террористической организации в периоды с 2011 – 2012 гг. до 13 ноября 2013 г. и с 14 ноября 2013 г. по 25 февраля 2014 г.; осуждены к лишению свободы: С. по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и по ч. 1 ст. 205.5 УК РФ, остальные осужденные по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ соответственно.

С. осужден к лишению свободы с ограничением свободы сроком на 1 год.

На основании ст.ст. 70 и 74 УК РФ Г. и С. И. отменено условное осуждение, назначенное по приговорам мирового судьи, и определено окончательное наказание по совокупности приговоров путем частичного присоединения к наказанию, назначенному по приговору, наказания, не отбытого ими по приговору мирового судьи.

Рассмотрев дело, в частности, по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия нашла, что правовая оценка содеянного осужденными судом дана правильно.

Организация С. деятельности организации, которая, в соответствии с законодательством Российской Федерации, признана террористической, и участие остальных осужденных в деятельности этой организации до 14 ноября 2013 г. подлежали квалификации по ст. 282.2 УК РФ, так как содеянное ими в тот период охватывалось организацией деятельности и участием в деятельности экстремистской организации соответственно.

В связи с тем что Федеральным законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ, вступившим в силу с 14 ноября 2013 г., УК РФ был дополнен ст. 205.5, которая установила самостоятельную уголовную ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации, с этой даты действия осужденных подлежали квалификации по новому уголовному закону.

При этом суд обоснованно исходил из положений ст.ст. 9 и 10 УК РФ, согласно которым преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, а уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Поскольку действия осужденных, квалифицированные как организация деятельности экстремистской организации (в отношении С.) и участие в деятельности такой организации (в отношении остальных осужденных), фактически вменялись им в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает положения осужденных и не нарушает их права на защиту, суд, руководствуясь разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре», содержащимися в п. 9, правомерно изменил обвинение и квалифицировал их действия за период до 14 ноября 2013 г. по другой статье уголовного закона, по которой осужденным не было предъявлено обвинение.

Исходя из изложенного, суд правомерно не квалифицировал действия осужденных до 14 ноября 2013 г. по статье, которая на тот период в УК РФ отсутствовала. Иное повлекло бы ухудшение положения осужденных.

Принимая во внимание то, что после вынесения приговора, но до рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, истек срок давности привлечения осужденных к уголовной ответственности за преступления, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 282.2 УК РФ, которые на момент их совершения относились к преступлениям небольшой тяжести, а осужденные не уклонялись от следствия и суда, Судебная коллегия на основании п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ освободила их от наказания, назначенного по чч. 1 и 2 ст. 282.2 УК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования, а также исключила из приговора указание о назначении осужденным окончательного наказания по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ.

Кроме того, Судебная коллегия внесла следующие изменения в приговор.

Назначая С. по ч. 1 ст. 205.5 УК РФ, ограничение свободы, суд не указал конкретные ограничения и обязанности для осужденного, предусмотренные ч. 1 ст. 53 УК РФ, тем самым фактически не назначил ему этот вид наказания. В связи с этим Судебная коллегия исключила из приговора указание о назначении С. дополнительного наказания в виде ограничения свободы по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ и по совокупности преступлений.

При назначении Г. и С. И. наказания по совокупности приговоров суд не учел, что после их осуждения 3 и 2 ноября 2011 г. по чч. 1 и 2 ст. 282.2 УК РФ соответственно к лишению свободы условно Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 УК РФ были внесены изменения, согласно которым преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не пре-

вышает трех лет лишения свободы, а наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишения свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Поскольку преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (после внесения 7 декабря 2011 г. изменений в уголовный закон) и ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, относились к преступлениям небольшой тяжести и их санкции предусматривали альтернативные виды наказаний, а отягчающие наказание обстоятельства у Г. и С. И. отсутствовали, приговоры в отношении их подлежали приведению в соответствие с действующим законодательством. То обстоятельство, что этого сделано не было, не являлось основанием для присоединения осужденным неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда, которое по закону они не должны были отбывать.

С учетом изложенного Судебная коллегия исклучила из приговора указание об отмене условного осуждения, назначенного Г. и С. И. по приговорам мирового судьи, и о назначении им наказаний по совокупности приговоров.

Пособничество в террористическом акте подлежит квалификации по специальной норме – ч. 3 ст. 205.1 УК РФ

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 205-АПУ16-2 по уголовному делу в отношении А. и др. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 27 августа 2015 г. Д., наряду с другими преступлениями, признан виновным в пособничестве в марте 2011 г. в террористическом акте, повлекшем причинение значительного имущественного ущерба, и осужден по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла приговор подлежащим изменению, указав в обоснование, что, правильно признав Д. пособником в совершении террористического акта, суд ошибочно квалифицировал его действия не по специальной норме ч. 3 ст. 205.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ), действовавшей на момент совершения преступления и предусматривающей более мягкое наказание, а по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

В связи с изложенным Судебная коллегия переквалифицировала действия Д. в указанной части на ч. 3 ст. 205.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ) и смягчила ему наказание, назначенное за данное преступление и по совокупности преступлений.

Выход суда за пределы предъявленного обвинения, а также признание отягчающим обстоятельства, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, повлекли изменение приговора

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 205-АПУ15-17 по уголовному делу в отношении А. и др. (извлечение)

А. и другие граждане (всего 6 человек) признаны виновными и осуждены за участие в террористическом сообществе, в устойчивой вооруженной группе

(банде) и совершаемых ею нападениях, за террористический акт, повлекший причинение значительного имущественного ущерба, наступление иных тяжких последствий, а также умышленное причинение смерти трем лицам.

Кроме того, четверо из указанных граждан осуждены за незаконные хранение, перевозку, ношение боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств организованной группой и четверо также за незаконное изготовление взрывчатых веществ и взрывных устройств организованной группой.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных и их защитников, Судебная коллегия исключила из приговора квалифицирующий признак террористического акта «повлекшие наступление иных тяжких последствий», поскольку данное обстоятельство органами следствия не вменялось в вину осужденным в качестве квалифицирующего признака преступления, а в соответствии с ч. 1 ст. 252 УПК РФ судебное разбирательство проводится только в отношении обвиняемого и лишь по предъявленному ему обвинению.

Судебная коллегия также не согласилась с выводами суда о наличии у осужденных отягчающего обстоятельства «с использованием боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», признанного таковым при назначении наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 209 УК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Вооруженность устойчивой группы, в которую объединились осужденные для совершения нападения, боевыми припасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами обусловила их уголовную ответственность за участие в банде и совершаемых ею нападениях и квалификацию их действий по ч. 2 ст. 209 УК РФ, в связи с чем указание об этом как об отягчающем обстоятельстве, противоречащее требованиям ч. 2 ст. 63 УК РФ, было исключено из приговора.

В связи с вносимыми в приговор изменениями Судебная коллегия снизила осужденным наказание.

§ 2. Вопросы квалификации

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда Л. осужден к наказанию в виде лишения свободы на срок 25 лет в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 2 года, а Х. – к наказанию в виде лишения свободы на срок 21 год в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев.

Л. и Х. признаны виновными и осуждены за участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом; за участие в устойчивой вооруженной группе (банде) и совершаемых ею нападениях; за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности; за покушение на убийство лица в связи с осуществлением им служебной деятельности общепасным способом организованной группой; за незаконные приобретение, хранение и перевозку взрывных устройств организованной группой (два преступления); за умышленное уничтожение чужого имущества, повлекшее причинение значительного ущерба,

совершенное путем взрыва; за покушение на умышленное уничтожение чужого имущества, совершенное путем взрыва.

Л., кроме того, осужден за склонение лица к совершению преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ; за незаконное изготовление взрывного устройства организованной группой.

Судом установлено, что в августе 2009 г. Л. добровольно вступил в не предусмотренное федеральным законом формирование, действовавшее на территории Республики Дагестан, имевшее на вооружении огнестрельное оружие, боеприпасы, самодельные взрывные устройства.

Данное незаконное вооруженное формирование, имея целями своей деятельности насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, установление на территории Республики Дагестан исламского государства с шариатской формой правления, отличалось устойчивостью, сплоченностью и организованностью, строгой дисциплиной его участников, стабильностью однородного этнического состава, приверженностью к радикальной исламской идеологии.

В начале 2010 г. в с. Карабудахкент Л., используя религиозность Х., путем уговоров и убеждения склонил последнего к участию в вооруженном формировании. Х., как и Л., поддерживал указанные выше цели данного формирования.

Руководителем незаконного вооруженного формирования Д. И. (уголовное дело в отношении последнего прекращено ввиду его смерти) на Л. и Х. было возложено обеспечение деятельности членов формирования.

Приблизительно в мае 2010 г. Л. и Х. по предложению Д. добровольно вступили в состав устойчивой вооруженной группы (банды), созданной из нескольких членов незаконного вооруженного формирования для совершения нападения на граждан и организации террористических актов на территории Карабудахкентского района Республики Дагестан. В составе банды они приняли участие в планировании, подготовке и осуществлении нападений на представителей органов власти.

Так, с мая по ноябрь 2010 г. Л. и Х. по указанию руководителя банды в рамках подготовки посягательства на жизнь начальника отдела ФСБ России по Карабудахкентскому району Республики Дагестан (далее – отдел ФСБ России) Г. в целях воспрепятствования его законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности осуществляли негласное наблюдение за его передвижением.

В начале ноября 2010 г. руководитель банды передал Л. и Х. самодельное взрывное устройство с дистанционным управлением, которое они незаконно приобрели, хранили и перевозили, а затем Л. установил это взрывное устройство на донную часть кузова служебного автомобиля Г.

Получив по телефону сообщение Х. об убийстве Г. к месту службы, Л. прибыл к отделу ФСБ России, расположенному в с. Карабудахкент, где, убедившись, что Г. находится в салоне служебного автомобиля, произвел посыл сигнала на самодельное взрывное устройство.

В результате взрыва Г. причинены несовместимые с жизнью телесные повреждения, от которых он скончался, а Управлению ФСБ России по Республике Дагестан в результате повреждения указанного автомобиля причинен значительный материальный ущерб в размере 220 000 руб.

В один из дней середины апреля 2011 г. руководитель банды в целях убийства председателя контрольно-счетной комиссии при муниципальном образовании «Карабудахкенсткий район» А. в связи с осуществлением им служебной деятельности по противодействию экстремизму и терроризму дал указание Л. и Х. осуществлять негласное наблюдение за маршрутами передвижения А., а также передать им самодельное взрывное устройство с дистанционным управлением, которое они незаконно приобрели, хранили и перевозили, а в 10-м часу 28 апреля 2011 г. Л. установил это взрывное устройство на донную часть кузова автомобиля А.

Убедившись, что А. находится в салоне указанного автомобиля, Л. произвел посыл сигнала на взрывное устройство. Однако в результате механической неисправности подрыв взрывного устройства не произошел, в связи с чем умысел на убийство А. и уничтожение путем взрыва автомобиля не доведен до конца по независящим от Л. и Х. обстоятельствам.

Примерно в марте 2011 г. Л. и Х. на автомобиле перевезли для скрытного проживания в домовладении Л. находящихся в федеральном розыске за совершение тяжких и особо тяжких преступлений Д. и члена незаконного вооруженного формирования Д. М., вооруженных огнестрельным оружием и боеприпасами.

Приблизительно в мае 2011 г. Л. по указанию руководителя банды приобрел аммиачную селитру, которую перевез в помещение фермы, расположенной на окраине с. Карабудахкент, где измельчил ее и передал руководителю банды для применения как одного из компонентов при изготовлении самодельных взрывных устройств, используемых при нападениях на граждан и организации.

Примерно в октябре 2011 г. в с. Карабудахкент Л. в целях поддержания и обеспечения деятельности незаконного вооруженного формирования на денежные средства его руководителя приобрел продукты питания, которые перевез и передал руководителю вооруженного формирования.

Оценив каждое доказательство с точки зрения относимости, достоверности, признав собранные доказательства в совокупности достаточными для разрешения уголовного дела, суд обоснованно признал Л. и Х. виновными в преступных деяниях. Квалификация содеянного Л. и Х. является верной.

В соответствии с положениями ст.ст. 208 и 209 УК РФ если отдельные участники незаконного вооруженного формирования объединились в устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а также участвуют в совершаемых ею нападениях, содеянное ими образует реальную совокупность преступлений.

Обстоятельства, установленные по делу, свидетельствуют о том, что Л. и Х., осознавая незаконность вооруженного формирования и свою принадлежность к нему, во исполнение возложенных на них обязанностей совершили конкретные действия для реализации целей вооруженного формирования: в марте 2011 г. они перевезли на автомобиле из с. Гурбуки в с. Карабудахкент руководителя и члена незаконного вооруженного формирования, а в октябре 2011 г. Л. приобрел продукты питания для нужд участников незаконного вооруженного формирования, оставив их в условленное место.

При таких обстоятельствах суд правильно расценил указанные действия осужденных как их вхождение в состав незаконного вооруженного формирования и участие в нем.

В связи с изложенным суд, давая юридическую оценку содеянному осужденными по данному делу, обоснованно квалифицировал действия Л. по ч. 2 ст. 208, по ч. 1 ст. 205.1, по ч. 2 ст. 209 УК РФ, по ст. 317, по ч. 3 ст. 30, пп. «б», «е», «ж», ч. 2 ст. 105, за два преступления по ч. 3 ст. 222, по ч. 3 ст. 223, по ч. 2 ст. 167, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ, а Х. – по ч. 2 ст. 208, по ч. 2 ст. 209, по ст. 317, по ч. 3 ст. 30, пп. «б», «е», «ж», ч. 2 ст. 105, за два преступления по ч. 3 ст. 222, по ч. 2 ст. 167, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 167 УК РФ.

По уголовному делу Г. (Московский окружной военный суд), осужденного на основании ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 205.1 УК РФ к лишению свободы сроком на 3 года 3 месяца со штрафом в размере 200 000 руб., судом было установлено, что, придерживаясь радикальных форм исламской религии, предусматривающих, в частности, насильственный захват территории Сирийской Арабской Республики (далее – САР) в целях построения мусульманского государства «Всемирный Халифат» и физического устранения граждан, не разделяющих взгляды радикального ислама, осознавая, что для вооруженной борьбы с правительственными силами САР необходимы новые сторонники из числа лиц, также придерживающихся идей радикального ислама, Г., в целях склонения и вовлечения граждан Российской Федерации в участие в террористической деятельности на территории САР, стал вести переписку с гражданином С. посредством электронного приложения для мобильного телефона, в ходе которой разъяснял С. основы радикального ислама как единственно правильного направления мусульманской религии.

После этого Г., в период с 25 декабря 2014 г. по 25 марта 2015 г., в целях склонения и вовлечения С. в террористическую деятельность на территории САР в составе незаконного вооруженного формирования, направил последнему посредством электронного приложения для мобильного телефона 6 видеозаписей, 7 графических файлов и 4 аудиофайла, содержащих негативную информацию, формирующую образ «врага» неисламских правительств, возбуждающих желание и укрепляющих решимость участвовать в террористической деятельности на территории САР в составе незаконного вооруженного формирования против правительства данного государства, а также содержащих радикальную информацию, где боевики и мусульманские богословы, пропагандирующие радикальные идеи ислама, возлагают особую роль на террористов как борцов за исламскую веру, главных и единственных защитников мусульман.

Квалифицируя содеянное по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 205.1 УК РФ как покушение на склонение и вовлечение С. в совершение преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ (дело рассмотрено в особом порядке), суд указал, что, поскольку после совершения указанных действий Г. был задержан в ходе проведенных оперативно-розыскного мероприятия, преступление не было доведено им до конца.

Однако такой вывод основан на неправильном толковании закона.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под склонением или вовлечением лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение

лица в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, убеждения, просьб, предложений, в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети (п. 14).

Совершение склоняемым лицом соответствующих преступлений не входит в объективную сторону состава данного преступления. В связи с тем что Г. совершил все необходимые действия, образующие объективную сторону данного преступления, содеянное им образует не покушение, а оконченный состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ.

По уголовному делу в отношении У. (Московский окружной военный суд), осужденного по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ к лишению свободы сроком на 2 года и 2 месяца, судом установлено, что осужденный, негативно относясь к существующему конституционному строю и системе органов государственной власти Российской Федерации, а также достоверно зная, что организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (далее – «ИГИЛ») признана террористической, решил участвовать в деятельности этой организации.

Владея навыками стрельбы из огнестрельного оружия и различными тактиками боя, У., реализуя свой преступный умысел, приобрел на свое имя электронные билеты на рейс по маршруту г. Красноярск – г. Москва и рейс авиакомпании «Turkish Airlines» по маршруту г. Москва – г. Стамбул Турецкой Республики.

Продолжая реализовывать свой преступный умысел на участие в «ИГИЛ», У. вылетел в аэропорт «Внуково» г. Москвы, откуда планировал в тот же день вылететь в г. Стамбул, после чего пересечь ее государственную границу и проникнуть на территорию Сирийской Арабской Республики, где намеревался принять участие в деятельности «ИГИЛ», являющейся стороной вооруженного конфликта в данном государстве.

Однако в аэропорту «Внуково» г. Москвы У. был задержан сотрудниками правоохранительных органов, в связи с чем не смог довести свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам.

По смыслу закона участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, подразумевает совершение каких-либо действий в интересах этой организации, предполагающих непосредственное участие в ее деятельности.

Поскольку У. в связи с задержанием какого-либо участия в деятельности «ИГИЛ» принять не смог, его действия суд обоснованно квалифицировал как приготовление к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда Д., наряду с другими преступлениями, признан виновным в пособничестве в марте 2011 г. в террористическом акте, повлекшем причинение значительного имущественного ущерба, и осужден по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

Давая юридическую оценку содеянному, суд не учел, что пособничество в террористическом акте подлежит квалификации по специальной норме – ч. 3 ст. 205.1 УК РФ.

В связи с изложенным Судебная коллегия нашла приговор подлежащим изменению, указав в обоснование, что, правильно признав Д. пособником в со-

вершении террористического акта, суд ошибочно квалифицировал его действия не по специальной норме – ч. 3 ст. 205.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ), действовавшей на момент совершения преступления и предусматривающей более мягкое наказание, а по ч. 5 ст. 33, п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

В связи с изложенным Судебная коллегия переквалифицировала действия Д. в указанной части на ч. 3 ст. 205.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 9 декабря 2010 г. № 352-ФЗ) и смягчила ему наказание, назначенное за данное преступление и по совокупности преступлений.

Московским окружным военным судом С. признан виновным в организации в период с августа 2011 г. по 13 ноября 2013 г. и с 14 ноября 2013 г. по 25 февраля 2014 г. деятельности запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», а остальные осужденные (8 человек) – в участии в деятельности названной террористической организации в периоды с 2011 – 2012 гг. до 13 ноября 2013 г. и с 14 ноября 2013 г. по 25 февраля 2014 г. и осуждены к лишению свободы: С. по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и по ч. 1 ст. 205.5 УК РФ, остальные осужденные по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ соответственно.

Рассмотрев дело, в частности, по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия нашла, что правовая оценка содеянного осужденными судом дана правильно.

Органами следствия преступные действия С., связанные с организацией начиная с 2011 г. по 25 февраля 2014 г. деятельности организации, которая, в соответствии с законодательством Российской Федерации, признана террористической, были квалифицированы по ч. 1 ст. 205.5 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ).

Вместе с тем, организация С. деятельности организации, которая, в соответствии с законодательством Российской Федерации, признана террористической, и участие остальных осужденных в деятельности этой организации до 14 ноября 2013 г. подлежали квалификации по ст. 282.2 УК РФ, так как содеянное ими в тот период охватывалось организацией деятельности и участием в деятельности экстремистской организации соответственно.

В связи с тем что Федеральный законом от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ, вступившим в силу с 14 ноября 2013 г., УК РФ был дополнен ст. 205.5, которая установила самостоятельную уголовную ответственность за организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации, с этой даты действия осужденных подлежали квалификации по новому уголовному закону.

При этом суд обоснованно исходил из положений ст.ст. 9 и 10 УК РФ, согласно которым преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, а уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Поскольку действия осужденных, квалифицированные как организация деятельности экстремистской организации (в отношении С.) и участие в деятель-

ности такой организации (в отношении остальных осужденных), фактически вменялись им в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает положения осужденных и не нарушает их права на защиту, суд, руководствуясь разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре», содержащимися в п. 9, правомерно изменил обвинение и квалифицировал их действия за период до 14 ноября 2013 г. по другой статье уголовного закона, по которой осужденным не было предъявлено обвинение.

Исходя из изложенного, суд правомерно не квалифицировал действия осужденных до 14 ноября 2013 г. по статье, которая на тот период в УК РФ отсутствовала. Иное повлекло бы ухудшение положения осужденных.

Правильно были квалифицированы Северо-Кавказским окружным военным судом преступные действия А., Аб., Х. Р., Х. В., И. и Г.

А., Аб. и Х. Р. осуждены по ч. 2 ст. 205.4, по ч. 2 ст. 209, по п. «б» ч. 3 ст. 205, по ч. 3 ст. 222, по ч. 3 ст. 223 УК РФ – А., Аб. к пожизненному лишению свободы в исправительной колонии особого режима, а Х. Р. к лишению свободы на срок 23 года в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев.

Х. В. осужден по ч. 2 ст. 205.4, по ч. 2 ст. 209, по п. «б» ч. 3 ст. 205, по ч. 3 ст. 223 УК РФ к лишению свободы на срок 18 лет в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев.

Ибрагимов осужден по ч. 2 ст. 205.4, по ч. 2 ст. 209, по п. «б» ч. 3 ст. 205, по ч. 3 ст. 222 УК РФ к лишению свободы на срок 19 лет в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев.

Г. осужден по ч. 2 ст. 205.4, по ч. 2 ст. 209, по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ к лишению свободы на срок 17 лет в исправительной колонии строгого режима с ограничением свободы на срок 1 год 6 месяцев.

А., Аб., Х. Р., Х. В., И., Г. признаны виновными и осуждены за участие в террористическом сообществе; за участие в устойчивой вооруженной группе (банде) и совершаемых ею нападениях; за террористический акт, выразившийся в совершении взрыва, устрашающего население и создающего опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба, наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или организованной группой, повлекшего причинение значительного имущественного ущерба, наступление иных тяжких последствий, а также умышленное причинение смерти трем лицам.

А., Аб., Х. Р. и И., кроме того, осуждены за незаконные хранение, перевозку, ношение боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств организованной группой, а А., Аб., Х. Р. и Х. В. также за незаконное изготовление взрывчатых веществ и взрывных устройств организованной группой.

По делу было установлено, что на момент изложенных в приговоре событий на территории Республики Дагестан в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе террористической направленности, изменения основ конституционного строя Российской Федерации и нарушения территориальной целостности государства существовало входящее в запрещен-

ную международную террористическую организацию «Имарат Кавказ» террористическое сообщество «Вилайят Дагестан», в состав которого структурно вошли организованные устойчивые вооруженные группы (банды), в том числе банда «Хасавюртовский сектор», действовавшая на территории г. Хасавюрта и Хасавюртовского района Республики Дагестан.

Основными задачами террористического сообщества «Вилайят Дагестан» его руководители провозгласили воздействие на принятие решений органами власти Республики Дагестан о прекращении противодействия религиозному экстремизму и создании условий для беспрепятственного распространения радикального ислама, а также воздействие на принятие решений органами государственной власти об отторжении северокавказских республик от Российской Федерации для создания исламского государства с шариатской формой правления.

Способом достижения преступных целей, наряду с нападениями на организации и граждан, являлось совершение других тяжких и особо тяжких преступлений: посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, убийств граждан и террористических актов, что должно было посеять страх среди жителей региона, сформировать у граждан мнение о неспособности правоохранительных органов обеспечить охрану общественного порядка и общественную безопасность.

Террористическое сообщество «Вилайят Дагестан» отличалось сплоченностью, организованностью и устойчивостью, основанных на территориальном принципе компактного проживания участников и их этнической общности, на длительности, непрерывности существования сообщества и совместном криминальном опыте участников, на их приверженности радикальной исламской идеологии, а также на отношениях родства, дружбы и давнего знакомства.

Весной 2013 г. руководителем банды «Хасавюртовский сектор» назначено лицо, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство, осуществлявшее до марта 2014 г. общее руководство и координацию преступных действий группы, а также разработку планов и создание условий для совершения преступлений лицами из числа экстремистски настроенных жителей Республики Дагестан и других субъектов Северо-Кавказского федерального округа.

Участники банды соблюдали строгую конспирацию, при общении между собой использовали мусульманские имена, мобильные телефоны с сим-картами, зарегистрированными на других лиц, и другие меры предосторожности. Исходя из требований конспирации участники были осведомлены о роли других участников лишь в необходимых случаях, в связи с чем ссылки в поданных в защиту Х. Р. и Г. жалобах на то, что осужденные не были знакомы со всеми членами банды, не опровергают вывод суда об их участии в ней.

В период с октября по 2 декабря 2013 г. руководитель банды в целях воздействия на принятие решений органами власти России о прекращении противодействия религиозному экстремизму запланировал совершение террористического акта в г. Пятигорске путем подрыва легкового автомобиля вблизи здания правоохранительного органа.

К этому времени членами сообщества и банды стали приверженцы радикального ислама Аб., И., Г. и другие лица.

А., привлеченный в начале декабря 2013 г. в сообщество и банду руководителем банды для участия в организации и совершении террористического акта в

г. Пятигорске, в качестве объекта для нападения наметил здание ОГИБДД Отдела МВД России по г. Пятигорску. При этом он вовлек в состав террористического сообщества и банды исповедующих идеи радикального ислама граждан Х. В. и Х. Р. (отца и сына), осведомленных о деятельности сообщества и банды, а также о готовящемся террористическом акте и в дальнейшем выполнивших указания А. по подготовке и осуществлению террористического акта.

Действуя во исполнение указания руководителя банды о совершении террористического акта и на денежные средства, полученные от него, в период с 15 по 25 декабря 2013 г. А. арендовал квартиру и организовал приобретение компонентов для изготовления самодельного взрывного устройства: не менее 300 г взрывчатого вещества, четыре боевые гранаты, два боевых взрывателя УЗРГМ-2, четыре электродетонатора, четыре мобильных телефона, не менее восьми микросхем, а также приобрел сим-карты в целях использования в мобильных телефонах предохранительно-исполнительного механизма взрывного устройства.

В период с 6 по 15 декабря 2013 г. Х. Р. и Х. В. в соответствии с отведенными им А. ролями приобрели компоненты для изготовления взрывного устройства, оказали содействие А. в поиске автомобиля и гаража, предоставили для использования в изготовлении указанного устройства другие необходимые компоненты, а также купили на переданные А. деньги мешок аммиачной селитры, который перевезли в гараж в г. Лермонтове.

Согласно ранее распределенным ролям в период с октября по декабрь 2013 г. Г. под видом оказания благотворительной помощи собрал у неустановленных лиц г. Хасавюрта денежные средства в размере 300 000 руб. для приобретения автомобиля и изготовления взрывного устройства, которые передал руководителю банды для совершения террористического акта в г. Пятигорске.

В период с 3 по 5 декабря 2013 г. И. на личном автомобиле перевозил А. и других участников банды по территории г. Хасавюрта и Хасавюртовского района, а также предоставил арендованную им квартиру в г. Хасавюрте для обучения участников банды в ходе подготовки к террористическому акту навыкам минно-взрывного дела.

В 20-х числах декабря 2013 г. руководитель банды, И. и Ч., находясь в указанной выше квартире, передали Аб. приобретенные неустановленными лицами не менее 300 г взрывчатого вещества, четыре боевые гранаты, два боевых взрывателя УЗРГМ-2, четыре электродетонатора, четыре мобильных телефона, не менее восьми микросхем, а также денежные средства в размере 35 000 руб. И. также обучил Аб. навыкам изготовления и приведения в действие взрывного устройства с использованием мобильного телефона.

Затем И. и Аб. замаскировали коробку с указанными предметами, в том числе с взрывным устройством, боеприпасами и взрывчатым веществом, перевезли их к месту жительства Аб. в г. Хасавюрте, где он незаконно хранил эти предметы до 22 декабря 2013 г., после чего перевез коробку с ними на автовокзал г. Хасавюрта, откуда убыл в г. Пятигорск.

23 декабря 2013 г. А. встретил прибывшего Аб., забрал данную коробку, после чего они прибыли в арендованную квартиру, где Аб. попросил дополнительно приобрести различные предметы, необходимые для изготовления взрывного устройства.

В этот же день А. оставил в указанной квартире одну боевую гранату с взрывателем и предназначенные для изготовления взрывного устройства компоненты.

После этого две боевые гранаты он перенес в квартиру другого лица, а одну боевую гранату с взрывателем хранил при себе вплоть до задержания 3 января 2014 г.

25 декабря 2013 г. А., используя в целях конспирации зарегистрированную на другое лицо сим-карту, парик и очки, а также, представившись вымышленным именем, приобрел автомобиль ВАЗ-2105 для последующего установления в него взрывного устройства, который перегнал в гараж в г. Пятигорске.

В это же время Х. Р. в соответствии с отведенной ему ролью арендовал на полученные от А. денежные средства гараж в г. Пятигорске. 24 декабря 2013 г. он приобрел на различных рынках и в хозяйственных магазинах г. Пятигорска ведра, обогреватель, блендер, болты, гайки, две кофемолки, фен, весы и полимерный бак объемом 60 л, которые на личном автомобиле перевез в принадлежащий ему гараж в г. Лермонтове, о чем сообщил А. и Аб.

Х. Р. 26 декабря 2013 г. на личном автомобиле перевез в ранее арендованный им гараж в г. Пятигорске указанные предметы, а также незаконно изготовленное накануне А. и Аб. взрывчатое вещество и другие компоненты, необходимые для изготовления взрывного устройства, после чего в целях конспирации закрыл указанных лиц в гараже.

В период с 25 по 27 декабря 2013 г. А. и Аб. в этом гараже незаконно изготовили взрывное устройство, снаряженное взрывчатым веществом массой в тротиловом эквиваленте около 50 – 60 кг и поражающими элементами в виде металлических болтов, гаек и дюбель-гвоздей, которое поместили в полимерный бак объемом 60 л и незаконно хранили в этом же гараже.

Около 12 часов 27 декабря 2013 г. Х. Р. передал Аб. ранее приобретенные А. на другое лицо два мобильных телефона с сим-картами с установленными им таймерами на 19 часов 10 минут этого же дня, которые Аб. подключил к проводам предохранительно-исполнительного механизма взрывного устройства, установленного в багажном отсеке автомобиля ВАЗ-2105, чем привел его в готовность к взрыву.

Реализуя преступный умысел банды на террористический акт, в период с 16 до 19 часов 27 декабря 2013 г. А. перегнал автомобиль ВАЗ-2105 с изготовленным взрывным устройством из места хранения к стоянке возле здания ОГИБДД по г. Пятигорску, после чего скрылся с места преступления на автомобиле вместе с ожидавшим его Х. Р.

В 19 часов 10 минут того же дня таймером мобильного телефона указанное взрывное устройство было приведено в действие. В результате произошедшего взрыва умышленно причинена смерть гражданам Ч., Х. и Н., которые скончались на месте преступления.

Кроме того, взрывом причинен значительный имущественный ущерб восьми организациям и семнадцати гражданам.

28 декабря 2013 г. Х. Р. в целях сокрытия следов преступления приобрел на автомобильном рынке в г. Пятигорске автомобиль ВАЗ-21074, после чего перегнал его в тот же гараж, в котором ранее находился автомобиль ВАЗ-2105, использованный в ходе совершения террористического акта, а его отец привез уборку гаража в г. Лермонтове.

В этот же день оставшиеся детонатор, микросхемы, а также использованные при изготовлении взрывного устройства предметы и одежду Х. Р. выбросил.

Рассмотрев дело в апелляционном порядке и давая оценку выводам суда первой инстанции относительно юридической квалификации содеянного осужденными, Судебная коллегия указала следующее.

По смыслу положений ст.ст. 205.4 и 209 УК РФ, если отдельные участники террористического сообщества объединились в устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а также участвуют в совершаемых ею нападениях (в том числе и террористической направленности), содеянное ими образует реальную совокупность преступлений и подлежит квалификации по указанным статьям УК РФ, а при наличии к тому оснований – также по соответствующим статьям названного Кодекса, предусматривающим ответственность за участие в другом конкретном преступлении.

Участие в террористическом сообществе представляет собой не только непосредственное участие в совершаемых ими преступлениях, но и выполнение членами сообщества иных активных действий в целях совершения деяний террористического характера, направленных на его финансирование, обеспечение оружием, транспортом, подыскание объектов для нападения и т. п. Аналогичным способом осуществляется и участие виновного лица в банде.

Обязательным признаком банды является ее вооруженность различными относящимися к этому понятию средствами, в том числе боеприпасами, взрывными устройствами и взрывчатыми веществами. Банда признается вооруженной при наличии таких предметов хотя бы у одного из ее членов и осведомленности об этом других членов банды.

Поскольку А., Аб., Х. Р., Х. В., И. и Г. участвовали в террористическом сообществе, а также принимали участие в рамках деятельности сообщества в банде и в совершенном ею нападении, выразившемся в террористическом акте, действия осужденных в этой части обоснованно квалифицированы судом по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.4 и ч. 2 ст. 209 УК РФ.

Обоснованными являются выводы суда о том, что террористический акт и преступные деяния, связанные с незаконными действиями в отношении боеприпасов, взрывных устройств и взрывчатых веществ, совершены в составе организованной группы, поскольку в силу ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если умысел на преступление реализован устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

Правильно учтено судом и то, что в соответствии с ч. 2 ст. 34 и ч. 5 ст. 35 УК РФ участники организованной группы независимо от характера их деятельности, направленной на совершение этой группой преступления, признаются соисполнителями и несут ответственность за данное преступление как за деяние, совершенное ими совместно, без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Как установлено по делу, участники организованной группы А., Аб., Х. Р., Х. В., И. и Г. объединились для осуществления террористического акта, в ходе подготовки и исполнения которого отдельными участниками группы были совершены также и незаконные действия с боеприпасами, взрывными устройствами и взрывчатыми веществами.

Группа характеризовалась единством целей и задач ее участников, наличием руководителя, указания которого носили обязательный характер, распределением ролей, подчинением групповой дисциплине, использованием методов конспирации, постоянством форм и методов преступной деятельности. Выполняя порученные действия, каждый тем самым реализовывал общую цель организованной группы на совершение террористического акта.

При таких обстоятельствах осужденные обоснованно признаны соисполнителями террористического акта, а А., Аб., Х. Р., Х. В. и И., кроме того, соисполнителями соответствующих деяний, связанных с незаконными действиями с боеприпасами, взрывными устройствами и взрывчатыми веществами, независимо от конкретной роли каждого в совершении всех этих деяний.

Правильным является вывод суда о наличии в действиях указанных осужденных предусмотренных ст. 205 УК РФ признаков террористического акта – причинение значительного имущественного ущерба и умышленное причинение смерти трем лицам.

Делая вывод о том, что террористический акт повлек умышленное причинение смерти потерпевшим, суд обоснованно принял во внимание то, что при подрыве автомобиля с помощью самодельного взрывного устройства использовался заряд взрывчатого вещества, расчетная величина массы которого в тротиловом эквиваленте составила 50 – 60 кг. Взрывное устройство обладало осколочно-фугасным поражающим действием с радиусом поражения от разлета готовых поражающих элементов до 300 м.

При этом автомобиль с взрывным устройством был заведомо установлен в нескольких метрах от места большого скопления людей – остановки общественного транспорта, магазинов, а также здания ОГИБДД г. Пятигорска, возле которого постоянно находятся сотрудники правоохранительных органов. Правильно учтено судом и время производства взрыва – около 19 часов.

Указанные фактические обстоятельства дела свидетельствуют о том, что действия осужденных при совершении террористического акта были направлены на умышленное причинение смерти людям, в том числе на лишение жизни сотрудников правоохранительных органов.

Поэтому содеянное осужденными в данной части верно квалифицировано по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ.

Вместе с тем, Судебная коллегия не согласилась с выводами суда о наличии у осужденных отягчающего обстоятельства «с использованием боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», признанного таковым при назначении наказания за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 209 УК РФ.

Согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Вооруженность устойчивой группы, в которую объединились осужденные для совершения нападения, боевыми припасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами обусловила уголовную ответственность А., Аб., Х. Р., Х. В., И. и Г. за участие в банде и совершаемых ею нападениях и квалификацию их действий по ч. 2 ст. 209 УК РФ, в связи с чем указание об этом как об отягчающем обстоятельстве, противоречащее требованиям ч. 2 ст. 63 УК РФ, было исключено из приговора.

Правильно были квалифицированы по ч. 1 ст. 205 УК РФ действия К., осужденного Московским окружным военным судом к лишению свободы сроком на 8 лет в исправительной колонии строгого режима.

Рассмотрев данное дело в апелляционном порядке, Судебная коллегия оставила приговор без изменения, указав в определении следующее.

К. признан виновным и осужден за террористический акт, выразившийся в угрозе совершения поджога и иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти и воздействия на принятие ими решений.

Как установлено судом, К., используя в качестве предлога назначенный на 24 сентября 2014 г. во исполнение вступившего в законную силу судебного решения принудительный снос (демонтаж) самовольно возведенных им строений на земельном участке возле дер. Фурсово Подосиновского района Кировской области и желая воспрепятствовать этому, в целях дестабилизации деятельности органов власти и воздействия на принятие ими решений угрожал поджогом и иными действиями, устрашающими население и создающими опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных тяжких последствий, то есть совершил террористический акт.

Как видно из показаний свидетелей Кол. (руководителя подразделения судебных приставов по Подосиновскому району Кировской области), О. (начальника отдела полиции УМВД России по Кировской области), Д. и Ш. (прокурора и заместителя прокурора Подосиновского района Кировской области), В. (сотрудника Центра про противодействие экстремизму УМВД России по Кировской области), П. (руководителя предприятия, привлеченного к работам по сносу самовольно возведенных построек), которые были подтверждены ими в судебном заседании, во время подготовки к исполнению решения суда о принудительном сносе построек, незаконно возведенных К. на территории района, тот, игнорируя предупреждения должностных лиц о недопустимости совершения действий, препятствующих исполнению судебного решения, неоднократно высказывал им угрозы совершения действий террористического характера.

От Кол. К. требовал не исполнять судебное решение, угрожая тем, что в противном случае им будет привлечено около 500 человек, готовых оказать вооруженное противодействие исполнителям сноса строений, заявлял, что будет жечь технику и стрелять в каждого, кто зайдет на его участок.

К. в разговорах с О., Д., Ш. и В., выдвигая аналогичные требования, высказывал те же угрозы сожжения техники и людей, организации приезда к месту исполнения судебного решения 500 человек, способных оказать вооруженное сопротивление органам власти.

К. при общении по телефону с П. неоднократно требовал от последнего отказать от сноса построек, угрожал тем, что воспрепятствует исполнению решения суда путем поджога техники, причинения вреда жизни и здоровью работников предприятия и сотрудников правоохранительных органов.

Давая оценку реальности данных угроз и их террористической направленности, суд обоснованно учел, что К. доводил угрозы силового противодействия исполнению судебного решения до сведения нескольких адресатов, относящихся к различным органам власти, а также до лица из числа местного населения, настойчиво формировал у них убеждение о возможности совершения им действий, способных вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества, а также обоснованные опасения за стабильность ситуации в районе.

Свидетель Кол. пояснила, что решение о принудительном сносе незаконно возведенных К. построек принято службой судебных приставов ввиду злост-

ного уклонения им от исполнения решения Подосиновского районного суда Кировской области от 3 октября 2012 г. Угрозы со стороны осужденного высказывались ей неоднократно с возрастающей агрессивностью, непримиримостью и носили все более опасный характер. Она знала, что в 2012 г. К. участвовал в конфликте с местными жителями, в связи с чем опасалась не только за свою жизнь и здоровье, но и за безопасность подчиненных ей сотрудников. Для обеспечения порядка по ее рапорту был увеличен состав сотрудников службы судебных приставов, участвующих в исполнении судебного решения.

То, что угрозы К. властями были восприняты как реально осуществимые, как имеющие направленность на дестабилизацию деятельности органов власти и достижение других террористических целей, подтверждено и показаниями сотрудников органов внутренних дел и прокуратуры О., Д., Ш. и В.

О., в частности, пояснил, что в разговоре с К. по телефону тот, потребовав, как и ранее, отказаться от исполнения решения суда во избежание человеческих жертв, напомнил ему о его, К., значимой роли в произошедшем в 2012 г. вооруженном конфликте между представителями дагестанской диаспоры и местным населением.

В связи с угрозами К. в целях недопущения массовых беспорядков и иных нарушений законности органами внутренних дел были проведены профилактические мероприятия, связанные, в частности, с усилением личного состава правоохранительных органов, организацией контроля за дорогами, по которым могут прибыть участники возможных массовых беспорядков.

То, что угрозы К. были восприняты адресатами как реальные, подтверждается и тем, что наряду с принятием различных мер профилактического характера правоохранительные органы в целях проверки информации об угрозе террористического акта провели оперативно-розыскные и следственные действия, в результате которых получены данные, свидетельствующие о реальной способности и фактической готовности осужденного совершить террористические действия.

Из материалов дела следует, что в период, предшествующий сносу построек, К. путем общения по телефону заручился поддержкой своих знакомых, проживающих в различных регионах России, в реализации его намерений по противодействию исполнению судебного решения.

Кроме того, на прилегающей к сносимым строениям территории при осмотре места происшествия 24 сентября 2014 г. были обнаружены три наполненные легковоспламеняющейся жидкостью стеклянные бутылки с фитилями из ткани, что обоснованно было расценено судом как обстоятельство, подтверждающее реальность высказанных осужденным угроз.

Давая юридическую оценку действиям осужденного, суд первой инстанции обоснованно учел, что К., зная о возбуждении исполнительного производства по исполнению вступившего в законную силу судебного решения, которым на него была возложена обязанность произвести снос (демонтаж) самовольно возведенных им построек на земельном участке, сначала злобно уклонялся от его исполнения, а после получения извещения службы судебных приставов о принудительном сносе построек решил путем угрозы совершения действий террористической направленности принудить органы власти к отказу от исполнения судебного решения, то есть от совершения законных действий, основанных на требованиях ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декаб-

ря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» о том, что вступившие в законную силу постановления судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

При этом К. в целях дестабилизации деятельности органов власти и воздействия на принятие ими решений неоднократно угрожал различным должностным лицам органов власти, а также представителю строительной организации совершением действий, которые устрашают население и создают опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных тяжких последствий, а именно уничтожением в конкретный день путем поджога строительной техники, расправой над лицами, привлеченными к работам по принудительному исполнению судебного решения, а также массовыми беспорядками, соединенными с вооруженным сопротивлением законным действиям властей.

При этом К. стал активно привлекать на свою сторону различных лиц, способных оказать ему массовую поддержку при реализации угроз о поджоге, устрашить население и дестабилизировать деятельность органов власти, а непосредственно в день совершения исполнительных действий на месте их проведения обнаружены снабженные фитилями бутылки с легковоспламеняющейся жидкостью.

Все указанные фактические обстоятельства в совокупности свидетельствуют о том, что К., выдвигая свои требования, рассчитывал на реальное восприятие органами власти содержащихся в них угроз террористического характера и на то, что под их воздействием его требования будут удовлетворены. При этом у органов власти в связи с действиями осужденного возникли обоснованные опасения реализации угрозы террористического акта при отказе от исполнения заявленных требований.

Таким образом, К. не просто выражал свое несогласие с исполнением решения суда о сносе построек, используемых им в предпринимательской деятельности, а совершил террористический акт в форме угрозы поджога и совершения иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти и воздействия на принятие ими решений, в связи с чем содеянное осужденным правильно квалифицировано судом по ч. 1 ст. 205 УК РФ.

При рассмотрении уголовного дела в отношении Аль С. Московским окружным военным судом была изменена квалификация действий осужденного.

Гражданин Сирийской Арабской Республики Аль С. органами предварительного расследования обвинялся в организации деятельности террористической организации, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.5 УК РФ. В судебном заседании было установлено, что это обвинение не нашло своего подтверждения, поскольку стороной обвинения не было представлено каких-либо доказательств наличия террористической организации, какого-либо структурного подразделения такой организации (органы следст-

вия имели в виду «Хизб ут-Тахрир аль Ислами»), деятельность которой бы организовывал Аль С.

Не представлены, не названы члены данной организации, их количество, не указано, в чем конкретно заключалась роль Аль С. как руководителя и организатора. Все выводы на этот счет, имеющиеся в обвинительном заключении, носили предположительный характер и не имели под собой какой-либо доказательной базы.

Вместе с тем, суд установил, что Аль С. является членом признанной в России террористической партии «Хизб ут-Тахрир аль Ислами». Помимо радикальных взглядов в исповедании ислама, которых придерживался Аль С., он утверждал, что необходимо жить в стране, где главенствуют законы шариата – цель «Хизб ут-Тахрир аль Ислами» именно образование такого государства, так называемого Исламского халифата: на квартире Аль С. присутствовали черный и белый флаги с арабской вязью – отличительная символика «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Он заявлял третьим лицам о своей принадлежности к «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», хранил и пытался распространить листовки с идеологическими призывами этой организации, склонял к участию в этой организации.

При таких данных суд переквалифицировал содеянное Аль С. с ч. 1 на ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, то есть на участие в деятельности террористической организации.

Обоснованно были переквалифицированы судом (Московский окружной военный суд) преступные действия Т.

Т. обвинялся в том, что он в период с сентября 2013 г. по 4 февраля 2014 г. под предлогом изучения радикального ислама создал группу из трех человек, которых с помощью пропаганды идеи создания унитарного государства «Исламский халифат» путем ведения вооруженной борьбы против немусульман убедил в необходимости поездки на Северный Кавказ, а затем в Сирию для участия в незаконных воинских формированиях вопреки интересам России.

Указанные действия Т. органами предварительного расследования были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.1, ч. 1 ст. 205.2, ч. 1 ст. 205.4, ч. 1 ст. 280, ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 282.1 УК РФ.

В судебном заседании было установлено, что призывы Т. к осуществлению террористической и экстремистской деятельности, возбуждению ненависти либо вражды, унижению человеческого достоинства, а также оправдание им терроризма совершались исключительно в целях склонения и вовлечения трех человек к участию в вооруженных формированиях, не предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации, действующих как на территории Северо-Кавказского региона, так и на территории Сирии.

Что же касается вмененных Т. действий, связанных с организацией террористического и экстремистского сообществ и руководством ими, судом было установлено, что созданная подсудимым группа из трех человек не обладала предусмотренными законом основными признаками таких сообществ, а именно структурированностью и организованностью.

В связи с изложенным суд пришел к обоснованному выводу о том, что вмененные Т. действия полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ и дополнительной квалификации по остальным вмененным ему статьям УК РФ не требуют.

§ 3. Ошибки при назначении наказания

По упоминавшемуся выше делу С. он признан виновным в организации в период с августа 2011 г. по 13 ноября 2013 г. и с 14 ноября 2013 г. по 25 февраля 2014 г. деятельности запрещенной на территории Российской Федерации террористической организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», а остальные осужденные – в участии в деятельности названной террористической организации в периоды с 2011 – 2012 гг. до 13 ноября 2013 г. и с 14 ноября 2013 г. по 25 февраля 2014 г. и осуждены к лишению свободы: С. по ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и по ч. 1 ст. 205.5 УК РФ, остальные – по ч. 2 ст. 282.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) и по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ соответственно.

С. осужден к лишению свободы с ограничением свободы сроком на 1 год.

На основании ст.ст. 70 и 74 УК РФ Г. и Сал. отменено условное осуждение, назначенное по приговорам мирового судьи, и определено окончательное наказание по совокупности приговоров путем частичного присоединения к наказанию, назначенному по приговору, наказания, не отбытого ими по приговору мирового судьи.

При назначении наказания осужденным судом допущен ряд ошибок.

В связи с изложенным при рассмотрении дела в апелляционном порядке Судебная коллегия внесла следующие изменения в приговор.

Назначая С. по ч. 1 ст. 205.5 УК РФ и по совокупности преступлений ограничение свободы, суд не указал в приговоре конкретные ограничения и обязанности для осужденного, предусмотренные ч. 1 ст. 53 УК РФ, тем самым фактически не назначил ему этот вид наказания. В связи с этим Судебная коллегия исключила из приговора указание о назначении С. дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

При назначении Г. и Сал. наказания по совокупности приговоров суд не учел, что после их осуждения 3 и 2 ноября 2011 г. по чч. 1 и 2 ст. 282.2 УК РФ соответственно к лишению свободы условно Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ч. 2 ст. 15 и ч. 1 ст. 56 УК РФ были внесены изменения, согласно которым преступлениями небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает трех лет лишения свободы, а наказание в виде лишения свободы может быть назначено осужденному, совершившему впервые преступление небольшой тяжести, только при наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, или только если соответствующей статьей Особенной части УК РФ лишение свободы предусмотрено как единственный вид наказания.

Поскольку преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 282.2 УК РФ (после внесения 7 декабря 2011 г. изменений в уголовный закон) и ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, относились к преступлениям небольшой тяжести и их санкции предусматривали альтернативные виды наказаний, а отягчающие наказание обстоятельства у Г. и Сал. отсутствовали, приговоры в отношении их подлежали приведению в соответствие с действующим законодательством.

То обстоятельство, что этого сделано не было, не являлось основанием для присоединения осужденным неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда, которое по закону они не должны были отбывать.

С учетом изложенного Судебная коллегия исключила из приговора указание об отмене условного осуждения, назначенного Г. и Сал. по приговорам мирового судьи, и о назначении им наказаний по совокупности приговоров.

По приговору Московского окружного военного суда А. и Х. признаны виновными и осуждены за финансирование терроризма и за участие в террористическом сообществе.

Обвинительный приговор в отношении А. и Х. постановлен в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемых с предъявленным им обвинением (гл. 40 УПК РФ).

При назначении подсудимым наказания суд в качестве смягчающих наказание обстоятельств признал, в частности, активное содействие ими расследованию преступлений. Отягчающих наказание обстоятельств судом не установлено.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам защитников осужденных, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила в части назначенного А. и Х. наказания.

Признав наличие у А. и Х. смягчающего наказание обстоятельства в виде активного содействия расследованию преступлений, то есть предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствие отягчающих обстоятельств, суд, с учетом рассмотрения уголовного дела в порядке гл. 40 УПК РФ, должен был применить совокупность правил смягчения наказания, предусмотренных как ч. 5 ст. 62 УК РФ, так и ч. 1 той же статьи УК РФ.

Таким образом, максимально возможное наказание А. и Х. за совершенные ими преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 205.4 и ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, не должно превышать две трети от двух третей, то есть 4 года 5 месяцев 10 дней.

С учетом изложенного Судебная коллегия смягчила назначенное А. и Х. судом первой инстанции наказание за каждое из совершенных ими преступлений и по их совокупности.

По приговору Московского окружного военного суда Г., И. и другие граждане (всего 6 человек) признаны виновными и осуждены за незаконное хранение группой лиц по предварительному сговору в квартире дома г. Одинцово Московской области самодельного взрывного устройства и за приготовление в период не позднее 26 апреля и до 7 мая 2014 г. к совершению группой лиц по предварительному сговору террористического акта путем взрыва самодельного взрывного устройства при проведении праздничного салюта 9 мая 2014 г. в г. Одинцово, устрашающего население и создающего опасность гибели человека и наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти, который не был осуществлен по независящим от них обстоятельствам в связи с их задержанием сотрудниками правоохранительных органов.

Кроме того, двое из указанных лиц признаны виновными и осуждены за незаконное ношение в конце марта 2014 г. боеприпасов и самодельного взрывного устройства и их последующее незаконное хранение, а двое – за незаконное изготовление самодельного взрывного устройства группой лиц по предварительному сговору в названной выше квартире.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных и их защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, указав в обоснование следующее.

В соответствии со ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающие ответственность за преступление, в совершении которого подсудимый признан виновным.

Как усматривается из описательно-мотивировочной части приговора, суд признал установленным и доказанным факт совершения каждым из подсудимых приготовления к совершению группой лиц по предварительному сговору террористического акта путем взрыва самодельного взрывного устройства при проведении праздничного салюта 9 мая 2014 г. в г. Одинцово, устрашающего население и создающего опасность гибели человека и наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти, который не был осуществлен ими по независящим от них обстоятельствам в связи с задержанием сотрудниками правоохранительных органов, и правильно квалифицировал преступные действия осужденных по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ.

Данная квалификация подтверждена судом и при мотивировке назначения подсудимым наказания.

Однако в резолютивной части приговора суд, признавая каждого из подсудимых виновным и назначая им наказание за совершение преступления, не указал п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ, по которому и были квалифицированы действия подсудимых в описательно-мотивировочной части приговора, в связи с чем Судебная коллегия по делам военнослужащих, изменяя приговор, посчитала их осужденными по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ и по совокупности преступлений к лишению свободы каждого на указанный в приговоре срок.

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда М. осужден к лишению свободы: по ч. 2 ст. 212 УК РФ сроком на 4 года; по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ) сроком на 3 года без ограничения свободы; по ст. 205.3 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) сроком на 7 лет; по ч. 2 ст. 208 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ) сроком на 5 лет без ограничения свободы; по ч. 1 ст. 222 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) сроком на 2 года без штрафа.

В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание назначено М. в виде лишения свободы сроком на 17 лет в исправительной колонии строгого режима.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осужденного, Судебная коллегия приговор изменила в связи с неправильным применением судом норм материального права при назначении М. окончательного наказания по совокупности преступлений, а также при определении вида исправительного учреждения.

Суд первой инстанции, сославшись на ч. 3 ст. 69 УК РФ, назначил М. окончательное наказание путем частичного сложения наказаний, а именно лишение свободы на срок 17 лет в исправительной колонии строгого режима.

При этом суд не принял во внимание то, что в соответствии с положениями ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание в виде лишения свободы не может

превышать более чем наполовину максимальный срок наказания в виде лишения свободы, предусмотренный за наиболее тяжкое из совершенных преступлений.

Поскольку наиболее тяжким преступлением, за которое осужден М., является преступление, предусмотренное ст. 205.3 УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ), и ее санкции предусматривает наказание от пяти до десяти лет лишения свободы, в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 69 УК РФ максимальное наказание, которое может быть назначено осужденному по совокупности преступлений, не должно превышать пятнадцати лет лишения свободы.

Кроме того, в силу п. «б» ч. 1 ст. 58 УК РФ мужчинам, осужденным к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы, к категории которых относится осужденный М., отбывание лишения свободы назначается в исправительных колониях общего режима. Данное требование закона судом также нарушено.

В связи с изложенным Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила: смягчила наказание, назначенное М. на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, путем частичного сложения наказаний, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

§ 4. Применение уголовно-процессуального закона

Уголовное дело по обвинению К. (Московский окружной военный суд) в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205.5, ч. 2 ст. 228 и ч. 1 ст. 222 УК РФ, было возвращено прокурору в связи с грубым нарушением права обвиняемого на защиту

При ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ обвиняемый и его защитник заявили ходатайство о проведении предварительного слушания для решения вопросов об исключении доказательств как недопустимых, а также о возвращении уголовного дела прокурору.

В ходе предварительного слушания было установлено, что К., 1973 года рождения, является уроженцем кишлачного совета Тельманский Кумсангирского района Таджикской ССР, около 20 лет прожил в Таджикистане, окончил национальную школу и переехал в Россию в 2005 г., родным языком считает таджикский. С момента сообщения К. о возбуждении в отношении его уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, последний, ссылаясь на непонимание именно юридических терминов и необходимость предоставления ему переводчика, отказывался от подписания документов, составленных на русском языке. На протяжении всего предварительного следствия, указывая на непредоставление переводчика, обвиняемый отказывался от подписания протоколов ознакомления с постановлениями о назначении по делу судебных экспертиз и протоколов ознакомления с заключениями экспертов. Не понимая сущности предъявленного обвинения, в том числе и в окончательной редакции, К. изъявлял желание дать показания на родном языке, однако данное право обвиняемого реализовано не было. О слабом знании русского языка свидетельствовали многочисленные орфографические и грамматические ошибки, допущенные К. при собственноручном изложении им своих пояснений.

При таких данных судья пришел к выводу о том, что нарушение на стадии досудебного производства права обвиняемого на пользование родным языком, а также невручение последнему копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительного заключения на родном языке является основанием для возвращения уголовного дела прокурору, поскольку подобные нарушения препятствуют разрешению уголовного дела по существу, а допущенные нарушения могут быть устранены только органами предварительного следствия.

Судьей Северо-Кавказского окружного военного суда обоснованно было возвращено прокурору уголовное дело А.

В ходе предварительного слушания защитник заявил ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом, считая отсутствие в материалах уголовного дела текста выступления обвиняемого на аварском языке и перевода, осуществленного в порядке, предусмотренном УПК РФ, на русский язык препятствием для рассмотрения уголовного дела судом.

Обвиняемый А. согласился с заявленным ходатайством, пояснив о несогласии с обвинением в связи с отсутствием полного текста его речи.

Прокурор возражал против заявленного ходатайства ввиду отсутствия предусмотренных УПК РФ оснований возвращения уголовного дела прокурору, пояснив, что хотя экспертам для исследования и не был предоставлен перевод текста выступления обвиняемого на русский язык, в последующем видеозапись данного выступления была осмотрена с участием переводчика, предупрежденного об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ.

Согласно обвинительному заключению А. обвинялся в публичном оправдании терроризма и публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности, совершенных в ходе произнесения погребальной речи на кладбище с. Харачи Унцукульского района Республики Дагестан перед жителями указанного села.

Как видно из текста обвинительного заключения, в основу обвинения положены выдержки из речи А., которые, согласно приведенному в обвинительном заключении заключению экспертов-лингвистов, содержат отдельные фразы, цитаты, высказывания, оправдывающие терроризм, и призывают к осуществлению экстремистской деятельности.

Вместе с тем, как это видно из приведенных органами предварительного следствия в обвинительном заключении выводов экспертов, предметом экспертного исследования явился не полный текст выступления с погребальной речью обвиняемого на аварском языке, переведенный органами предварительного следствия в порядке, предусмотренном УПК РФ, на русский язык, а подстрочный перевод его речи на русский язык, выполненный неустановленными лицами при размещении видеозаписи в сети «Интернет».

Перевод речи А. с аварского языка органами предварительного следствия в установленном порядке не производился, а в распоряжение экспертов предоставлена лишь видеозапись с подстрочным переводом (субтитрами) на русском языке. При этом каких-либо данных, позволивших бы суду убедиться в полноте и правильности выполненного неустановленными лицами так называемого перевода и достоверности размещенных на видеозаписи субтитров, в обвини-

тельном заключении не приведено и сторонами (в том числе стороной обвинения) суду не представлено.

Таким образом, в основу обвинения органами следствия были положены данные, источник происхождения которых неизвестен, в связи с чем обвинительное заключение по делу составлено с нарушением требований ст. 220 УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного итогового решения на основе данного обвинения.

Поскольку без изложения в обвинительном заключении результатов проведенного в предусмотренном УПК РФ порядке перевода на русский язык полного текста погребальной речи обвиняемого, а также выводов экспертов по результатам проведения лингвистической и теологической экспертиз невозможно разрешить вопрос о виновности либо невиновности обвиняемого в предъявленном обвинении, суд не мог рассмотреть дело по существу.

(В последующем указанное нарушение устранено и А. осужден за совершение вмененного ему преступления.)

§ 5. Рассмотрение дел в особом порядке

В особом порядке принятия судебного решения рассмотрено значительное число дел о терроризме.

Так, в 2015 г. 52 % уголовных дел указанной категории было рассмотрено судами в особом порядке.

При этом число рассмотренных в особом порядке дел о терроризме более чем в пять раз превышает количество остальных уголовных дел, рассмотренных военными судами в особом порядке.

Из всех рассмотренных военными судами в 2015 г. уголовных дел в особом порядке рассмотрено лишь 9 %.

Подавляющее большинство дел рассматривалось в особом порядке по ходатайствам обвиняемых, заявленным на предварительном следствии (75 %).

Остальные дела (25 %) рассмотрены в особом порядке в связи с заключением с обвиняемыми досудебного соглашения о сотрудничестве.

Основная категория дел, рассмотренных в особом порядке, – это дела в отношении лиц, осужденных за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) и возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), совершенные по совокупности с преступлениями террористической направленности или в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (45 % всех рассмотренных дел данной категории).

Преступления, связанные с публичными призывами к осуществлению террористической деятельности или публичным оправданием терроризма (ст. 205.2 УК РФ), совершаются с использованием телекоммуникационной сети «Интернет» и раскрываются, как правило, в результате оперативно-розыскных действий правоохранительных органов. Совершение таких преступлений и вина лица в этих случаях являются очевидными, в связи с чем расследование и рассмотрение подобных дел судом какой-либо сложности не представляет.

Согласно разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении

судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел», при рассмотрении уголовного дела в особом порядке содеянное обвиняемым может быть переквалифицировано лишь в тех случаях, когда для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются (п. 12).

С учетом данных разъяснений представляется обоснованным решение суда (Северо-Кавказский окружной военный суд) по делу К.

Последний был осужден на основании ч. 1 ст. 205.2 и ч. 2 ст. 280 УК РФ за то, что разместил в сети «Интернет» для публичного доступа неограниченного круга лиц текстовый документ, содержащий слова и высказывания, призывающие к признанию идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, оправдывающие терроризм и иную террористическую деятельность, а также публичные призывы к экстремистской деятельности.

Дело было рассмотрено судом в особом порядке. В судебном заседании государственного обвинитель предложил переквалифицировать действия К. с ч. 2 ст. 280 УК РФ на ч. 1 ст. 280 УК РФ, поскольку вмененный ему квалифицирующий признак ч. 2 ст. 280 УК РФ «совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”» введен после совершения подсудимым (31 мая 2014 г.) инкриминируемого деяния Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ, а также исключить вмененное органами предварительного следствия в качествеотягчающего обстоятельства по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ совершение К. преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма, поскольку, согласно ч. 2 ст. 63 УК РФ, если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания.

Соглашаясь с предложением прокурора о переквалификации действий виновного на ч. 1 ст. 280 УК РФ и исключением отягчающего обстоятельства, суд обоснованно исходил из того, что для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются.

В то же время по ряду дел, рассмотренных в особом порядке, были приняты ошибочные решения, связанные с изменением обвинения судом, противоречащие требованиям п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел».

Так, А. судом (Северо-Кавказский окружной военный суд) был признан виновным в том, что разместил на своей странице в социальной сети «Интернет» видеоматериал, оправдывающий терроризм и содержащий призывы, направленные на возбуждение ненависти по признаку отношения к религии, и осужден на основании ч. 1 ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282 УК РФ к штрафу 30 тыс. руб.

Несмотря на то что дело рассмотрено в особом порядке, суд, по предложению государственного обвинителя, без исследования обстоятельств дела, исключил из обвинения осужденного публичные призывы к осуществлению тер-

рористической деятельности и указание на направленность содеянного на возбуждение вражды, а также исключил совершение этого деяния с использованием средств массовой информации, так как Интернет к средствам массовой информации не относится.

Обосновывая данное изменение обвинения, суд в приговоре указал, что оно не требует исследования и оценки доказательств по делу.

Для того чтобы сделать вывод о том, содержатся ли в размещенных осужденным материалах публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и были ли они направлены на возбуждение вражды, суду необходимо было исследовать указанные видеоматериалы в судебном заседании.

В соответствии с Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации» (ст. 2) под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с названным Законом. Однако в приговоре не указано, зарегистрирован ли сайт, на котором осужденный разместил видеоматериалы, в качестве средства массовой информации.

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», в том случае, если публичные призывы к осуществлению террористической деятельности совершены с использованием сайтов в сети «Интернет», зарегистрированных в качестве средства массовой информации, содеянное следует квалифицировать по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, а не зарегистрированных – по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (п. 22).

Аналогичная ошибка допущена судом (Северо-Кавказский окружной военный суд) по делу Г., а также по делу М.

Как установлено по делу, Г., находясь в г. Махачкале под псевдонимом, в целях публичного воздействия на сознание и волю неограниченного круга лиц с использованием мобильного телефона, имеющего доступ к сети «Интернет», разместил на своей странице одной из социальных сетей два текстовых материала, содержащих публичные призывы к террористической деятельности и оправдывающих практику терроризма, а также направленных на возбуждение вражды по признаку отношения к религии.

В последующем с указанными текстовыми материалами ознакомились пользователи сайта.

Указанные действия Г. квалифицированы по ч. 1 ст. 205.2 и по ч. 1 ст. 282 УК РФ, на основании которых он осужден к штрафу 25 тыс. руб.

Несмотря на то что дело рассмотрено в особом порядке, суд, по предложению государственного обвинителя, без исследования обстоятельств дела, исключил из обвинения Г. по ч. 1 ст. 282 УК РФ указание о совершении подсудимым действий, направленных «на возбуждение ненависти» как излишне вмененное.

Между тем для того чтобы сделать вывод о том, были ли размещенные осужденным материалы направлены на возбуждение вражды, суду необходимо было исследовать их в судебном заседании.

Согласно приговору М. в г. Махачкале под псевдонимом, в целях публичного воздействия на сознание неограниченного круга лиц, имеющих доступ к сети «Интернет», с использованием мобильного телефона разместил на своей стра-

нице одной из социальных сетей видеоролик, содержащий публичное оправдание терроризма и публичные призывы, направленные на осуществление экстремистской деятельности и возбуждение вражды по признаку отношения к религии.

В последующем с указанным видеороликом ознакомились пользователи сайта.

За указанные действия М. был осужден по ч. 1 ст. 205.2, ч. 2 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ к лишению свободы на срок 2 года условно с испытательным сроком 2 года и к штрафу в размере 30 000 руб.

Несмотря на то что дело рассмотрено в особом порядке, суд, по предложению государственного обвинителя, без исследования обстоятельств дела, исключил из обвинения осужденного указание на направленность содеянного на возбуждение ненависти.

Обосновывая данное изменение обвинения, суд в приговоре указал, что оно не требует исследования и оценки доказательств по делу.

Для того чтобы сделать вывод о том, содержатся ли в размещенных осужденным материалах публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и были ли они направлены на возбуждение вражды, суду необходимо было исследовать указанные видеоматериалы в судебном заседании.

Таким образом, все вышеуказанные обстоятельства по приведенным делам могли быть установлены лишь после исследования соответствующих доказательств, при рассмотрении дела в общем порядке.

Поскольку суд пришел к выводу о том, что предъявленное обвинение необоснованно и нуждается в изменении, он, применительно к требованиям ч. 7 ст. 316 УПК РФ, не вправе был постановить приговор в особом порядке, а его выводы по приведенным делам о том, что для изменения квалификации содеянного осужденными не требуется исследования и оценки доказательств по делу, являются необоснованными.

Представляется, что в тех случаях, когда государственным обвинителем, давшем согласие на рассмотрение дела в особом порядке, одновременно ставится вопрос об изменении квалификации действий виновного или об изменении объема обвинения, суд, в соответствии с требованиями процессуального закона, должен рассматривать данное дело не в особом, а в общем порядке.

Глава 4

Назначение уголовных наказаний по делам коррупционной направленности

При определении вида и размера наказания, назначаемого за совершение преступлений коррупционной направленности, военные суды руководствуются положениями, закрепленными в ст. 6 УК РФ, направленными на достижение предусмотренных гл. 9 УК РФ целей наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение новых преступлений.

При этом, реализуя принцип индивидуального подхода при назначении наказания, суды руководствовались требованиями п. 36.2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и при наличии условий, указанных в ч. 3 ст. 47 УК РФ, обсуждали вопрос о необходимости назначения виновному в совершении коррупционного преступления лицу дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, имея в виду, что такой вид наказания может быть назначен независимо от того, предусмотрен ли он санкцией уголовного закона, по которому квалифицированы действия осужденного.

Наряду с основным наказанием, связанным с лишением свободы, гарнизонные военные суды назначали виновным и дополнительные наказания, такие как штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение воинского звания, причем в ряде случаев к осужденным одновременно применялось несколько дополнительных наказаний.

Анализ практики назначения наказаний лицам, совершившим рассматриваемую категорию преступлений, свидетельствует о том, что наиболее строгий вид наказания в виде лишения свободы назначался тем осужденным, которые были признаны виновными в совершении преступлений, отнесенных законом к категории тяжких или особо тяжких (чч. 3 и 5 ст. 290, чч. 3 и 4 ст.ст. 159 и 160 УК РФ). При этом наряду со степенью тяжести совершенных преступных деяний, суды принимали во внимание характер и тяжесть причиненного вреда, другие фактические обстоятельства.

Хабаровским гарнизонным военным судом В. осужден за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ, к лишению свободы сроком на 3 года 6 месяцев без штрафа.

Как следует из приговора, В., будучи командиром воинской части, трижды получил взятку на суммы 50 000 руб., 100 000 руб. и 50 000 руб. от С. за незакон-

ные действия – освобождение С. от исполнения обязанностей по военной службе в виде разрешения не прибывать на службу на длительное время.

Вывод о том, что цели уголовного наказания в отношении В. достижимы только в условиях изоляции от общества и при назначении наказания в виде реального лишения свободы, суд мотивировал высокой степенью общественной опасности содеянного В., являвшегося командиром воинской части, а также тем, что своим поведением он не только дискредитировал себя как воинское должностное лицо, но и подорвал авторитет командования в глазах подчиненных.

Новосибирским гарнизонным военным судом осужден подполковник С. Его действия суд по трем эпизодам квалифицировал по ч. 3 ст. 160 и по ч. 4 ст. 160 УК РФ.

С., используя свое служебное положение, в указанные в приговоре периоды времени присваивал находящийся в воинской части уголь, предназначенный для отопления, а также похитил денежные средства в пользу третьего лица, принадлежащие этой же воинской части и выделенные для перевозки угля на территорию части.

Общий размер ущерба государству от действий С. составил 1 370 358 руб. 40 коп.

С учетом изменений, внесенных в приговор апелляционной инстанцией, окончательное наказание С. определено в виде лишения свободы сроком на 4 года 9 месяцев с отбыванием в исправительной колонии общего режима и штрафа в размере 209 000 руб., без ограничения свободы, с лишением права занимать должности на государственной службе, в органах местного самоуправления, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций, на срок 2 года, с лишением воинского звания «подполковник».

Частично удовлетворен иск военного прокурора Новосибирского гарнизона, поданный в интересах государства в лице войсковой части 0000, и с осужденного взыскано в счет возмещения имущественного ущерба 1 370 358 руб. 40 коп.

При определении вида наказания судом приняты во внимание характер и тяжесть причиненного вреда, другие обстоятельства дела, с учетом которых, несмотря на положительные характеристики и наличие смягчающих обстоятельств, С. назначено наказание в виде реального лишения свободы.

В соответствии с приговором Волгоградского гарнизонного военного суда старший лейтенант юстиции Б. осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 290 (четыре преступления) УК РФ.

Согласно приговору Б. признан виновным в том, что, являясь помощником военного прокурора Волгоградского гарнизона, обладая полномочиями по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, получал взятки (в размере 100 000 руб. и трижды по 150 000 руб., четыре преступления) за незаконное бездействие, связанное с неприятием мер для инициирования проверок в порядке, предусмотренном п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, а также совершил хищение чужого имущества – 200 000 руб. путем злоупотребления доверием (мошенничества), совершенного лицом с использованием своего служебного положения.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание Б. назначено по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний в виде лишения свободы на срок 5 лет в исправительной колонии общего режима, со штрафом в размере 8 000 000 руб., с лишением воинского звания «старший лей-

тенант юстиции» и права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, сроком на 3 года без ограничения свободы.

При назначении наказания суд признал в качестве смягчающих обстоятельств чистосердечное раскаяние в содеянном и наличие у осужденного малолетнего ребенка.

В то же время, учитывая характер и степень общественной опасности совершенных Б. преступлений, настойчивость, продемонстрированную осужденным при достижении преступных целей, суд обоснованно пришел к выводу о необходимости назначения наказания в виде реального лишения свободы, а также не усмотрел оснований для применения ст.ст. 73, 64 и ч. 6 ст. 15 УК РФ. Правильно судом применены и дополнительные наказания, предусмотренные ст.ст. 47 и 48 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда данный приговор оставлен без изменения, а апелляционные жалобы осужденного и защитника – без удовлетворения.

Назначение штрафа за взяточничество было во всех случаях обусловлено наличием в санкциях чч. 1, 3 и 5 ст. 290 УК РФ этого вида наказания в качестве основного, устанавливаемого в размере, кратном размеру полученной взятки (введен в действие Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ), а также требованиями ч. 1 ст. 60 УК РФ и разъяснениями, содержащимися в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», согласно которым более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

При назначении виновным основного наказания в виде штрафа суды обоснованно учитывали наличие обстоятельств, смягчающих наказание, предусмотренных пп. «г», «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также чистосердечное раскаяние в содеянном, положительные характеристики по службе, наличие ведомственных наград и отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание, а при определении размера штрафа – имущественное положение виновных и их семей, возможность получения осужденными ежемесячного денежного довольствия и иных дополнительных выплат в соответствии с действующим законодательством как военнослужащими, проходящими военную службу по контракту.

Судами также принимались во внимание: сумма похищенного (размер взятки); длительность преступного деяния; предназначение денежных средств, на которые были обращены преступные посягательства.

Так, Барнаульским гарнизонным военным судом рассмотрено дело в отношении майора Я., который, являясь должностным лицом, действуя из личной заинтересованности, желая искусственно повысить показатели своей работы и работы автомобильной инспекции, начальником которой он являлся, внес два постановления по делам об административных правонарушениях заведомо ложные сведения, которые в дальнейшем были учтены в личных показателях его работы и вверенной ему инспекции.

Указанный офицер признан виновным в совершении двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 292 УК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ ему было назначено наказание в виде штрафа в размере 40 000 руб.

При этом в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, суд учел раскаяние подсудимого в содеянном, наличие на его иждивении малолетнего ребенка, а также принял во внимание то, что ранее он ни в чем предосудительном замечен не был, по месту службы характеризовался положительно.

95-м гарнизонным военным судом подполковник П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ, выразившегося в том, что он, являясь должностным лицом – заместителем командира войсковой части 00000 по работе с личным составом и прямым начальником прапорщика Р., получил от последнего взятку в размере 6 000 руб. за решение вопроса, связанного с оставлением Р. на военной службе.

При назначении наказания подсудимому суд учел в качестве смягчающего обстоятельства наличие у П. на иждивении трех малолетних детей, принял во внимание характер и степень общественной опасности деяния, а также то, что виновный совершил данное преступление впервые, ранее ни в чем предосудительном замечен не был, а также наличие положительных характеристик и ведомственных наград.

С учетом указанных обстоятельств суд пришел к выводу о возможности назначения П. наказания, не связанного с лишением свободы, в виде штрафа в размере тридцатикратной суммы взятки, то есть в сумме 180 000 руб., с лишением права занимать на государственной службе должности, связанные с организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельностью, сроком на 2 года.

Вместе с тем, в отдельных случаях судами допускались нарушения требований уголовного закона об индивидуализации наказания по указанной категории уголовных дел, ошибки, связанные с нарушением правил назначения его отдельных видов и дополнительных наказаний, вследствие чего виновным назначались чрезмерно мягкие наказания.

Так, полковник запаса М. Дальневосточным окружным военным судом осужден к штрафу в размере 400 000 руб. за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ.

В период с января 2008 г. по сентябрь 2012 г. М., проходивший военную службу в должности начальника отдела Управления ФСБ России по Амурской области, путем обмана совершил хищение в крупном размере денежных средств, выделяемых органам федеральной службы безопасности для выплаты вознаграждения лицам, привлеченным к конфиденциальному сотрудничеству.

Рассмотрев данное дело по апелляционному представлению прокурора, Судебная коллегия по делам военнослужащих, принимая во внимание то, что хищение М. чужого имущества осуществлялось в течение длительного времени с использованием им занимаемой должности и служебного положения сотрудника органов государственной безопасности, увеличила назначенный размер штрафа до 500 000 руб. и лишила М. воинского звания «полковник запаса».

Вызывает сомнение правильность изменения судом апелляционной инстанции приговора по уголовному делу Т.

Приговором Одинцовского гарнизонного военного суда полковник запаса Т. осужден по п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ, с применением ст. 62 и ст. 64 УК РФ, к лишению свободы на срок 3 года, со штрафом в размере 700 000 руб., с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением административно-хозяйственных функций, на срок 1 год; по ч. 6 ст. 290 УК РФ, с применением ст. ст. 62 и 64 УК РФ, к лишению свободы на срок 5 лет, со штрафом в размере 14 000 000 руб.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений окончательное наказание Т. назначено в виде лишения свободы на срок 5 лет и 6 месяцев, со штрафом в размере 14 500 000 руб., с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением административно-хозяйственных функций, на срок 1 год, с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением Московского окружного военного суда приговор Одинцовского гарнизонного военного суда в отношении Т. изменен.

Суд определил назначенное Т. на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ окончательное наказание по совокупности преступлений в виде лишения свободы на срок 5 лет и 6 месяцев в соответствии со ст. 73 УК РФ считать условным с испытательным сроком 2 года, со штрафом в размере 14 500 000 руб., с лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с выполнением административно-хозяйственных функций, на срок 1 год.

В обоснование принятого решения суд апелляционной инстанции указал, что гарнизонным военным судом не выполнены требования ст. 73 УК РФ.

Суд второй инстанции посчитал, что хотя суд первой инстанции при назначении Т. наказания и принял во внимание то, что он к уголовной ответственности привлекается впервые, в содеянном раскаялся, по службе в армии и в быту характеризуется положительно, является участником боевых действий, активно способствовал раскрытию и расследованию преступлений, имеет на иждивении малолетнего ребенка и престарелую мать-инвалида, и назначил ему наказание с применением ст. 64 УК РФ и ч. 2 ст. 62 УК РФ, однако, исходя из его личности, не применил к нему положений ст. 73 УК РФ, что негативно повлияет на условия жизни его семьи.

С учетом изложенного суд второй инстанции пришел к выводу о возможности исправления Т. без реального отбывания наказания и необходимости применения к нему положений ст. 73 УК РФ.

Такой вывод суда представляется необоснованным по следующим причинам.

Вопреки мнению суда апелляционной инстанции, применение положений ст. 73 УК РФ является правом, а не обязанностью суда, поскольку указанная норма не носит императивный характер. В связи с этим неприменение ст. 73 УК РФ само по себе не может рассматриваться как нарушение закона.

Кроме того, суд апелляционной инстанции в определении, продублировав данные, учтенные судом первой инстанции при назначении Т. наказания, не указал при этом, какие имеющиеся в материалах дела и исследованные в судебном заседании иные данные о личности осужденного оставлены судом

первой инстанции без внимания и оценки и почему таковые свидетельствуют о возможности его исправления без реального отбывания наказания.

Необходимо отметить, что при условном осуждении суд должен строго соблюдать положения ч. 2 ст. 73 УК РФ, в соответствии с которыми учету подлежат не только личность виновного, но и характер, а также степень общественной опасности совершенного преступления. Эти положения уголовного закона судом апелляционной инстанции, в отличие от гарнизонного военного суда, проигнорированы.

Владикавказским гарнизонным военным судом капитан запаса М. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год 6 месяцев.

Согласно приговору осужденный, скрыв обстоятельства предыдущего получения им из жилищного фонда Министерства обороны Российской Федерации однокомнатной квартиры и продажи его супругой в марте 2007 г. трехкомнатной квартиры, в 2008 г. незаконно получил государственный жилищный сертификат для приобретения жилого помещения на сумму 2 106 000 руб., с использованием которого приобрел в г. Владикавказе квартиру.

При решении вопроса о назначении условного осуждения суд сослался на наличие на иждивении у осужденного троих детей, чистосердечное раскаяние в содеянном, положительные служебную и бытовую характеристики, принятие мер к добровольному частичному возмещению причиненного ущерба (около 500 000 руб.).

Вместе с тем, суд первой инстанции явно переоценил значение указанных обстоятельств и не учел степень общественной опасности совершенного М. коррупционного преступления, направленного против федеральной собственности, характеризующегося тщательной спланированностью действий, направленных на хищение денежных средств для приобретения жилого помещения, ранее уже принадлежавшего осужденному на праве совместной собственности с супругой и предварительно перед этим проданного доверенному лицу. Указанные обстоятельства свидетельствовали о сложившемся у осужденного чувстве вседозволенности и безнаказанности.

Суд не принял во внимание то, что совершенное М. преступление отнесено законом к категории тяжких, в связи с чем необоснованно оставил без внимания мотивированную позицию государственного обвинителя, предложившего в прениях сторон назначить наказание в виде реального лишения свободы.

Кроме этого, вопреки выводу суда, каких-либо данных о нахождении на иждивении у М. двоих совершеннолетних детей 1994 и 1995 годов рождения в материалах уголовного дела не содержится.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам окружного военного суда приговор отменен, уголовное дело передано на новое судебное разбирательство в тот же суд, но иным составом.

По приговору Реутовского гарнизонного военного суда майор запаса П. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ, с применением ст. 73 УК РФ, за хищение квартиры стоимостью 3 495 000 руб. к 4 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года. Похищенная квартира впоследствии была им продана, а деньги потрачены по его усмотрению. На момент вынесения приговора

П. возместил лишь 649 415 руб., от возмещения остального ущерба в добровольном порядке отказался. Тем не менее, суд, мотивируя применение ст. 73 УК РФ, указал, что ущерб возмещен. Такая позиция представляется ошибочной. Если ущерб возмещен частично, именно так нужно указывать в приговоре, а не искажать установленные по делу обстоятельства, тем более что суд удовлетворил иск о взыскании с осужденного 2 845 584 руб. С учетом занятой осужденным позиции справедливость назначения ему условного наказания вызывает сомнения.

По приговору Одинцовского гарнизонного военного суда полковник Т. осужден по ч. 4 ст. 159, ч. 1 ст. 285 и пп. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ.

По совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательное наказание Т. назначено в виде лишения свободы на 2 года со штрафом 5 260 000 руб. и лишением права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления, связанные с организационно-распорядительными функциями, сроком на три года.

На основании ч. 5 ст. 72 УК РФ окончательное наказание в виде штрафа смягчено, его размер снижен до 4 000 000 руб.

На основании ст. 73 УК РФ наказание в виде лишения свободы постановлено считать условным с испытательным сроком 1 год, а на Т. возложена обязанность не менять постоянного места жительства и работы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного. Наказание в виде штрафа постановлено исполнять самостоятельно.

Представляется, что судом допущено нарушение предусмотренных законом правил назначения наказания.

В соответствии с ч. 5 ст. 72 УК РФ при назначении осужденному, содержащемуся под стражей до судебного разбирательства, в качестве основного вида наказания штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью суд, учитывая срок содержания осужденного под стражей, смягчает назначенное наказание или полностью освобождает его от отбывания этого наказания.

В силу изложенного указанная норма может быть применена судом только при условии назначения осужденному основного наказания, в том числе и по совокупности преступлений, в виде штрафа, а также лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

При таких обстоятельствах назначенное Т. по совокупности преступлений основное наказание в виде лишения свободы исключало возможность применения к нему положений ч. 5 ст. 72 УК РФ.

На правильность такого вывода не влияет и то обстоятельство, что суд постановил считать наказание в виде лишения свободы условным.

Апелляционным определением Московского окружного военного суда приговор оставлен без изменения, несмотря на доводы апелляционного представления, в том числе по указанному выше основанию.

Барнаульским гарнизонным военным судом военнослужащий ФСБ России майор П. был осужден за то, что, используя свое служебное положение, злоупотребляя доверием военнослужащих поднадзорных воинских частей, про-

сил их оформлять на его имя кредиты в банках, обещая их погасить, а сам обналичивал их и похищал.

В общей сложности П. признан виновным по 13 эпизодам обвинения в отношении 10 военнослужащих. Сумма совокупного материального ущерба составила около 3 300 000 руб. Семь преступлений являются тяжкими, ущерб виновным не возмещен.

Окончательное наказание по совокупности преступлений П. определено в виде 6 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 5 лет. В качестве дополнительного наказания П. лишен воинского звания «майор».

Представляется, что назначенное наказание явно не соответствует общественной опасности и тяжести содеянного.

Приговором Рязанского гарнизонного военного суда майор Е. признан виновным и осужден по ч. 2 ст. 290 УК РФ и ему с применением ст. 64 УК РФ назначено наказание в виде штрафа в размере 150 000 руб.

Е. признан виновным в том, что за общее покровительство по службе, которое должно было заключаться в содействии при контроле качества проводимых ООО «Связь-Ирга» работ по ремонту кабеля связи, через посредника – своего подчиненного К. – получил от директора ООО «Связь-Ирга» Б. взятку в размере 30 000 руб.

При назначении наказания суд сослался на чистосердечное раскаяние подсудимого, мотив содеянного – ложно понятые интересы службы, то, что командованием Е. характеризуется исключительно положительно, ранее ни в чем предосудительном замечен не был.

Указанные обстоятельства в совокупности были признаны судом исключительными, что обусловило применение ст. 64 УК РФ.

В данном случае следует признать, что суд переоценил названные обстоятельства и назначил чрезмерно мягкое наказание.

Суд не учел, что по смыслу ст. 64 УК РФ применение данной нормы обусловлено лишь наличием исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, а равно активным содействием участника группового преступления в раскрытии этого преступления. Однако таких обстоятельств по делу установлено не было.

Приговором Рязанского гарнизонного военного суда капитан М. признан виновным и осужден по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Данное преступление совершено М. при следующих изложенных в приговоре обстоятельствах.

В один из дней первой декады апреля 2013 г. М., замещающий должность начальника мобилизационно-технического отдела ФГКУ «753 ЦОМТИ МО РФ», предложил своему подчиненному Е. заработную плату отдавать ему и при этом не ходить на работу, на что тот согласился, передав подсудимому свою зарплатную карту Сбербанка России и сообщив пин-код доступа к ней.

С первой декады апреля 2013 г. по 15 июля 2014 г. М. отдавал указание инженеру отдела П. делать отметки в табелях учета рабочего времени, на основании которых Е. ежемесячно начислялась заработная плата как проработавшему

полные рабочие дни. При этом подсудимый своему начальнику подполковнику Л. регулярно докладывал о том, что весь гражданский персонал находится на месте.

В указанный период подсудимый неоднократно в городах Рязани и Шумерля Чувашской Республики снимал с карточки Е. наличные денежные средства, а также оплачивал различные услуги.

В результате незаконных действий М. государству в лице ФКУ «Управление финансового обеспечения МО РФ» был причинен ущерб в размере 187 339 руб.

Разрешая вопрос о виде и размере наказания, суд, как видно из приговора, учел то обстоятельство, что часть денег М. использовал в интересах службы. Кроме того, суд сослался на то, что по военной службе М. характеризуется исключительно положительно. Принял во внимание суд и беременность супруги М. Наличие этих обстоятельств позволило суду первой инстанции прийти к выводу о том, что цели уголовного наказания могут быть достигнуты применением наиболее мягкого наказания, предусмотренного санкцией ч. 3 ст. 159 УК РФ, в виде штрафа.

Указанные обстоятельства в их совокупности суд признал исключительными, в связи с чем со ссылкой на ст. 64 УК РФ назначил наказание ниже низшего предела, чем предусмотрено санкцией ч. 3 ст. 159 УК РФ, в виде штрафа в размере 10 000 руб.

При этом санкция ч. 3 ст. 159 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо принудительных работ на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового, либо лишения свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.

По данному делу не установлено исключительных обстоятельств, связанных с целями и мотивами преступления, ролью виновного, его поведением во время или после совершения преступления, и других обстоятельств, существенно уменьшающих степень общественной опасности преступления, что по смыслу ст. 64 УК РФ обуславливает возможность ее применения судом.

В связи с изложенным представляется, что наказание, назначенное М. судом, является явно несправедливым вследствие чрезмерной мягкости.

По ряду дел о преступлениях коррупционной направленности, за совершение которых осужденным в качестве основного наказания был назначен штраф, суды в соответствии с ч. 2 ст. 398 УПК РФ принимали решения об отсрочке или рассрочке уплаты штрафа по ходатайствам осужденных.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» разъяснил, что ходатайство о рассрочке уплаты штрафа (ч. 2 ст. 398 УПК РФ) рассматривается в порядке, установленном ст. 399 УПК РФ. При этом суд проверяет доводы осужденного о том, что единовременная уплата штрафа для него невозможна. С этой целью суд заслушивает объяснения осужденного, если тот участвует в судебном заседании, объяснения других участвующих в деле лиц, мнения судебного пристава-исполнителя и прокуро-

ра (если он участвует в судебном заседании) и исследует представленные материалы.

В решении об удовлетворении ходатайства осужденного о рассрочке уплаты штрафа указываются период рассрочки и суммы ежемесячных выплат (п. 25).

К., осужденный к наказанию в виде штрафа в размере 250 000 руб., обратился в суд с ходатайством о рассрочке уплаты штрафа на 5 лет.

Постановлением судьи гарнизонного военного суда данное ходатайство было удовлетворено частично, уплата штрафа рассрочена на семь месяцев. Апелляционным определением Северного флотского военного суда от 27 октября 2014 г. постановление судьи оставлено без изменения, а апелляционная жалоба К. – без удовлетворения.

Б., осужденный Волгоградским гарнизонным военным судом за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, и четырех преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ, к наказанию в виде лишения свободы сроком на 5 лет в исправительной колонии общего режима, со штрафом в размере 8 000 000 руб., с лишением воинского звания «старший лейтенант юстиции» и права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях сроком на 3 года, без ограничения свободы, обратился в суд с ходатайством о предоставлении ему отсрочки в выплате штрафа сроком на 3 года, в котором указал, что поскольку отбывает наказание в местах лишения свободы и не имеет каких-либо дополнительных источников дохода, кроме выплачиваемой ему в исправительной колонии ежемесячной заработной платы, то, с учетом выплаты алиментов и погашения кредита, объективно не имеет возможности заработать столь существенную денежную сумму для единовременной выплаты назначенного ему штрафа.

Суд, исследовав представленные материалы, учитывая, что Б., отбывая уголовное наказание в местах лишения свободы, не имеет возможности исполнить назначенное ему дополнительное наказание в виде штрафа одновременно без наступления тяжелых материальных последствий для него и членов его семьи, пришел к выводу, что немедленная уплата штрафа является для осужденного невозможной, а потому удовлетворил заявленное ходатайство, предоставил Б. отсрочку в уплате штрафа на 3 года.

В соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ. При этом назначенное наказание не может быть условным.

Согласно ч. 1 ст. 32 УИК РФ злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа при рассрочке его уплаты в установленный законом срок.

При рассмотрении представлений судебных приставов-исполнителей о замене штрафа, назначенного приговором суда, другим видом наказания судами

проверяется факт наличия у осужденного денежных средств, достаточных для уплаты штрафа. Сведения о наличии или отсутствии денежных средств у осужденного для уплаты штрафа предоставляются в суд судебными приставами-исполнителями, поскольку обязанность по доказыванию признака злостности уклонения от штрафа лежит на судебном приставе-исполнителе.

Приговором Восточно-Сибирского окружного военного суда от 21 июня 2011 г. Е. осужден за совершение двух преступлений, предусмотренных пп. «а», «в» ч. 5 ст. 290 и одного преступления, предусмотренного п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ, к штрафу в размере 25 000 000 руб.

Постановлением того же суда от 19 августа 2011 г. по ходатайству осужденного уплата оставшейся к тому времени неуплаченной суммы штрафа в размере 24 750 000 руб. рассрочена на 36 месяцев с момента его вынесения.

В представлении судебного пристава о замене Е. штрафа иным видом наказания указывается, что в период после 19 августа 2011 г. он злостно уклонялся от уплаты штрафа. Это выразилось в том, что за данный период ни в один из месяцев им ни разу не была уплачена установленная к ежемесячной уплате часть штрафа.

Вывод о наличии злостного уклонения Е. от уплаты штрафа судом сделан при ссылке на ст. 32 УИК РФ, по смыслу которой установление других условий, кроме неуплаты штрафа в срок (например, неоднократное предупреждение осужденного судебными приставами-исполнителями о возможности замены штрафа другим наказанием, отобрание у него объяснений о причинах неуплаты штрафа, представление сведений об имущественном положении осужденного и источниках его доходов), для признания осужденного злостно уклоняющимся от уплаты штрафа не требуется, а сам по себе факт отсутствия у осужденного денежных средств не может признаваться уважительной причиной для неуплаты штрафа в срок.

Объяснения осужденного Е. о том, что он ограничен в средствах на уплату штрафа в связи с низкими доходами, невозможностью устроиться на высокооплачиваемую работу ввиду имеющейся судимости, приобретением квартиры в г. Хабаровске, наличием на иждивении детей, уважительными причинами столь длительного неисполнения приговора судом не были признаны.

Опровергая довод защиты о наличии препятствий для рассмотрения представления в связи с тем, что ранее, 21 февраля 2013 г., Хабаровским краевым судом вынесено постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о замене Е. штрафа иным наказанием, Дальневосточный окружной военный суд указал в своем постановлении, что решение Хабаровского краевого суда касалось обстоятельств, имевших место ранее, и не освобождает Е. от выплаты штрафа как основного наказания, назначенного в порядке уголовного судопроизводства.

В силу изложенного наличие такого постановления не препятствовало судебному приставу вновь обратиться с ходатайством о замене штрафа в порядке ч. 9 ст. 109 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с продолжающимся неисполнением приговора суда Е. в период после вынесения указанного постановления.

С учетом изложенного постановлением Дальневосточного окружного военного суда в соответствии с ч. 5 ст. 46 УК РФ вместо штрафа Е. назначено наказание в виде реального лишения свободы, с применением ст. 64 УК РФ, сроком на 3 года 6 месяцев в исправительной колонии строгого режима.

**Объединенная редакция
военно-правовых изданий**

представляет:

**Журнал «Право в Вооруженных Силах –
Военно-правовое обозрение»**

**Сборник «Юридическая энциклопедия
военнослужащего»**

**Интернет-портал военно-правовой ин-
формации «Военное право»
www.voennpravo.ru**

Научно-практический журнал
«Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение»

Основан в 1997 году, первый номер вышел в июле 1997 года.
Формы издания: печатная и электронная (сайт voennpravo.ru) версии.

Периодичность – ежемесячный.

Объем – 128 страниц.

Редакционный совет журнала: 10 докторов юридических наук, являющихся ведущими специалистами в различных областях права, в том числе и военного права.

Авторский коллектив: практические работники органов военной юстиции и подразделений юридической службы практически всех военных организаций независимо от ведомственной принадлежности.

Подписка на журнал:

На печатную версию:

1. Журнал включен в подписной каталог Агентства «Роспечать» (подписной индекс 72527, раздел «Военное право»). (<http://www.gosp.ru>), подписка в любом почтовом отделении.
2. Журнал распространяется подписным агентством «Урал-Пресс» (<http://www.ural-press.ru>), подписка через сайт агентства (подписной индекс 72527, раздел «Военное право»).

На электронную версию:

Через сайт <http://www.voennpravo.ru/>

После оплаты подписки предоставляется доступ к сетевой электронной версии журнала.

Контакты: тел. +7 (499)785-89-17

E-mail: pvsvpo@mail.ru

Научный статус журнала

Научное направление журнала:

12.00.00 – юридические науки,

20.02.03 – военное право, военные проблемы международного права.

Решением Президиума ВАК Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

За активное участие в правовом просвещении граждан Российской Федерации научно-правовой журнал “Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение” награжден Министром юстиции Российской Федерации памятной медалью имени Анатолия Федоровича Кони.

Метаданные публикуемых статей включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), на текущий момент около 3 тыс. цитирований на опубликованные статьи.

Целевая аудитория журнала

Военнослужащие и гражданский персонал Минобороны России и Вооруженных Сил Российской Федерации;

Военнослужащие и сотрудники ФСБ и ФСО России, войск Национальной гвардии Российской Федерации и других военных организаций;

Работники военных комиссаров;

Военные прокуроры, судьи, следователи.

Основная тематика журнала

Публикации в журнале представляют в помощь читателю практические консультации и разъяснения основных правовых норм, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных актах, регулирующих военную службу, статус военнослужащих, деятельность военных организаций, вопросы правового регулирования обороны и военной безопасности, международные аспекты военного права.

**Сборник «Юридическая энциклопедия военнослужащего»
учрежден и зарегистрирован в 2003 году.**

Аудитория сборника предназначена широкому кругу читателей – военнослужащим и членам их семей, призывникам, их родителям, адвокатам, юристам-консультантам, сотрудникам органов военной юстиции, военным пенсионерам и всем иным заинтересованным лицам.

Подписка на сборник «Юридическая энциклопедия военнослужащего»

Серия книг включена в подписной каталог Агентства «Роспечать» (индекс 80680, раздел «Военное право»).

Подписаться можно в любом почтовом отделении или через сайт Агентства (<http://press.gosp.ru>) и через сайт Агентство «Урал-Пресс» (<http://www.uralpress.ru>).

В серии:

Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2015 - 2016).

В книге будут представлены обзоры судебной практики и конкретные решения Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, окружных и гарнизонных военных судов за 2016 год.

Жилищная энциклопедия военнослужащего, лиц уволенных с военной службы и членов их семей.

Первый раз книга вышла в 2005 году, в последующем неоднократно переиздавалась. С учетом последних изменений военного и жилищного законодательства подготовлено актуальное практическое издание, которое предназначено для широкой аудитории – военнослужащих, гражданского персонала, органов военной юстиции, адвокатов и всех кто интересуется вопросами жилищного обеспечения.

Комментарий к Федеральному закону «О статусе военнослужащих».

Первый комментарий к Закону РФ «О статусе военнослужащих» был издан более 20 лет назад - в 1997 году (авторы – Кудашкин А.В. и Фатеев К.В.). За последующие годы комментарий неоднократно переиздавался, последний раз в 2005 году.

Комментарий к Федеральному закону «О воинской обязанности и военной службе».

Первый комментарий к Закону РФ «О воинской обязанности и военной службе» был издан в 1999 году. За последующие годы комментарий неоднократно переиздавался, последний раз в 2007 году.

**Портал военно – правовой информации
«Военное право» (www.voennpravo.ru)**

**Основные задачи портала военно-правовой информации
«Военное право»:**

– информационная поддержка посетителей сайта в сфере правового регулирования вопросов обороны и военной безопасности, в том числе деятельности предприятий военно-промышленного комплекса;

– размещение информации в целях обеспечения редакционной деятельности и распространения военно-правовых изданий: научно-практического журнала «Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение»; сборника «Юридическая энциклопедия военнослужащего».

Основные разделы портала:

Новости военного права

ВПК: вопросы права

Военная служба

Комментарии законодательства

Военно-правовая наука

Судебная практика

Журнал

Книги

Сборник судебной практики военных судов по вопросам военной службы, статуса военнослужащих и уголовным делам (2015 – 2016). – М. : Центр правовых коммуникаций, 2017. – Вып. 1. – 240 с. – (Серия «Юридическая энциклопедия военнослужащего»).

Редактор *Тюрина О.А.*
Оператор компьютерной верстки *Зулькарнаев А.Б.*

Подписано в печать 01.11.2016. Формат 60 x 90/16.
Гарнитура Times New Roman.
Бумага газетная. Печ. л. 15. Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательство ООО «Центр правовых коммуникаций»
105118, г. Москва, проспект Буденного, д. 14,
к. 208 (здание ДК «Чайка»)

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-93297-159-8

9 785932 971598